

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналь.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ.

1914 г. Ноябрь.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОВ: Д.

1914

СОДЕРЖАНІЕ.

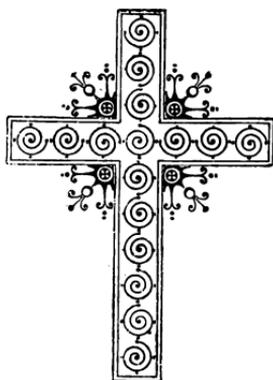
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	<i>Стран.</i>
1. Пастырское утѣшеніе христіанину въ бѣдствіяхъ войны.— <i>Владимиръ</i> , Митрополитъ Петроградскій . . .	3— 21
2. Поученіе въ Рождественскій постъ.— <i>Макарій</i> , Митрополитъ Московскій	22— 24
3. Духовный дневникъ.— <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховск.	25— 37
4. Воздержаніе-побѣдная пѣснь чистоты.— Иеромонахъ <i>Николай</i>	38— 50
5. Изъ личныхъ духовныхъ переживаній и воспоминаній.— <i>Л. Пребстингъ</i>	51— 61
6. Чѣмъ можно воскресить Русскій Народъ.— <i>В. П. Быковъ</i>	62— 88
7. Своей дорогой.— <i>И. Поповъ-Пермскій</i>	89—100
8. Бесѣда съ „адвентистами седьмого субботняго дня“ о воскресномъ днѣ.— <i>Православный Миссіонеръ</i>	101—126
9. Въ защиту приснопамятнаго Святителя-затворника.— И. д. доцента Московской Дух. Академіи <i>Гером. Пантелеймонъ</i>	127—134
10. Къ вопросу о приходѣ въ Константинопольской церкви.—Профессоръ <i>И. И. Соколовъ</i>	135—162

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

11. Вѣнокъ на могилу воина-христіанина.—Священникъ <i>К. Айвазовъ</i>	163—165
12. Современное обозрѣніе.— <i>Свящ. Н. Платоновъ</i>	166—173
13. Зернало жизни.—XX-й вѣкъ.— <i>И. Айвазовъ</i>	174—177
14. Библиографія.— <i>М. А. Кальневъ</i> . Обличеніе лжеученія русск. сектантовъ.— <i>Доцентъ Дух. Академіи</i>	178—192
15. Высочайшая благодарность.	192—192

Редакція „Голоса Церкви“ проситъ ускорить взносъ подписныхъ денегъ за 1915-й г. Объявленіе о выходѣ журнала въ 1915 г. смотрѣть на обложкѣ журнала.

Пастырское утѣшеніе христіанину въ бѣдствіяхъ войны.

Изъ словъ Петроградскаго Митрополита Владиміра.

Есть въ человѣческомъ обществѣ одинъ суровый гость, который подходитъ то медленно и нерѣшительно, а то поражаетъ вдругъ, какъ громовой ударъ, раздражающійся изъ яснаго неба, и приводитъ въ страхъ и трепетъ тѣхъ, кого посѣщаетъ. Никто не проситъ его, но онъ вламывается иногда ко многимъ и безъ приглашенія. Кто не знаетъ этого непрощеннаго и нежеланнаго гостя? Это—нужда или бѣдствіе, которое является къ намъ въ тысячахъ различныхъ видовъ. Народная пословица говоритъ: „Бѣда ломаетъ желѣзо“, и этимъ выражаетъ ту мысль, что для горя и несчастія нѣтъ препятствія, что оно съ одинаковою легкостію разламываетъ и деревянные задвижки убогихъ лачугъ и желѣзные замки богатыхъ домовъ. Но та же пословица говоритъ, что бѣда научаетъ и молиться и что чѣмъ больше эта бѣда, тѣмъ ближе и Божія по-

мощь, какъ подтверждаютъ это уста и Самой вѣчной Истины, которыя говорятъ: „*Призови Мя въ день скорби твоей, и спасу тя, и прославиши Мя*“.

Эта скорбь, это бѣдствіе, этотъ, какъ сказалъ я, суровый гость явился и къ намъ сейчасъ въ одномъ изъ страшныхъ видовъ, въ видѣ войны съ двумя могущественными и вѣроломными нѣмецкими народами. Не должно ли это бѣдствіе научить и насъ молиться? Не должны ли и мы въ день этой скорби и испытанія воззвать ко Господу, чтобы Онъ помиловалъ и спасъ насъ? О, если бы время этого испытанія сдѣлалось временемъ истиннаго покаянія и молитвы для всего русскаго народа, если бы это несчастіе побудило всѣхъ насъ и сейчасъ и впредь молиться искренно—по-христіански, тогда оно послужило бы намъ во благо и принесло бы намъ Божіе благословеніе.

Постараемся найти подтвержденіе этой мысли и почерпнуть такое утѣшеніе въ словѣ Божіемъ. Такъ, въ посланіи ап. Павла къ римлянамъ (VIII гл., 28), мы находимъ такое мѣсто: „*Вѣмы же, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*“.

О, Великій, Всесильный, Правосудный и Всемиловитый Боже и Господи! Посѣтивъ насъ праведнымъ судомъ Твоимъ, Ты говоришь къ намъ сейчасъ грознымъ голосомъ ниспосланнаго Тобою бѣдствія! Открой же сердца наши, дабы мы восприняли Твои уроки и, сознавъ вину свою, подклонили главу нашу подъ Твою крѣпкую, спасающую руку.

Въ приведенныхъ словахъ апостола заключается увѣренность его въ той истинѣ, что любящимъ Бога *все* служить ко благу. Подъ словомъ *все* Церковь всегда подразумѣвала, главнымъ образомъ, несчастныя обстоятельства жизни. Попробуемъ и мы сейчасъ, въ виду постигшаго насъ бѣдствія, почерпнуть для себя от-

раду и утѣшеніе въ той мысли, что и такое бѣдствен-
ное время, какъ война, должно послужить къ нашему
благу. А для этого остановимъ свою мысль на томъ:
а) къ кому относится это утѣшеніе, б) какъ оправды-
вается оно и в) чего оно требуетъ отъ насъ?

Говоря о томъ, что все, т.-е. и всѣ самыя тяжелыя
и несчастныя обстоятельства должны служить ко благу,
апостоль Павелъ относитъ это не ко всѣмъ безъ раз-
личія, а только къ тѣмъ, которые любятъ Бога и
стоятъ къ Нему въ правильномъ, истинно сыновнемъ
отношеніи! Въ отношеніи испытаній, которымъ Богъ
подвергаетъ насъ, истинная любовь къ Нему требуетъ
отъ насъ, чтобы мы и при нихъ не переставали лю-
бить Его больше всего, чтобы переносили ихъ безро-
потно и съ покорностію и во всемъ поступали бы по
Его планамъ и предназначеніямъ. Кто удовлетворяетъ
этому тройкому требованію, тому все служить ко благу.

Ничего нѣтъ легче, проще и естественнѣе для че-
ловѣка, какъ любить Бога, Который такъ крѣпко Самъ
возлюбилъ его, такъ щедро благословляетъ его, каждо-
дневно проявляя къ нему все новыя и новыя милости
и любовь. Но онъ долженъ любить Его не тогда
только, когда принимаетъ изъ рукъ Его щедрые дары
и благодѣянія и когда солнце божественной любви ярко
освѣщаетъ путь его жизни, но и тогда, когда это
солнце скрываетъ отъ него лицо свое, и темныя тучи
появляются на горизонтѣ этой жизни. Истинная лю-
бовь въ тяжелые дни испытаній еще болѣе должна
охраняться въ сердцахъ нашихъ въ томъ убѣжденіи,
что Тотъ, Котораго мы любимъ, продолжаетъ любить
насъ и въ дни скорби и желаетъ намъ лучшаго. Во
дни наказанія, любовь дѣтей къ своему отцу подвер-
гается испытанію, и чада Божіи должны знать, что и
Богъ, подвергая ихъ наказанію, дѣлаетъ это съ благою

для нихъ цѣлю, съ цѣлю вразумленія, побужденія къ раскаянію и исправленію, какъ поступаетъ любящій отецъ въ отношеніи своихъ любимыхъ дѣтей. А если такъ, то не должно ли вести насъ къ благополучію и счастью то, что дѣлаеть Богъ съ нами съ такимъ благимъ намѣреніемъ? За все, за самое тяжкое бѣдствіе, посылаемое намъ для нашего спасенія, мы должны сердечно благодарить Бога и любить Его. Если, такимъ образомъ, мы научимся цѣловать розгу, которая бьетъ насъ, и прославлять крестъ, на которомъ проливаемъ кровь свою, то всякое горе и несчастье, какъ бы ни было это тяжело, будетъ служить къ лучшему. Послужить къ лучшему и тяжелое бѣдствіе настоящей войны, если мы отнесемъ къ ней по христіански, съ полною любовію и преданностію къ Богу и примемъ ее, какъ наказаніе Божіе, вполнѣ нами заслуженное, но направленное, однакожъ, къ нашему благу и спасенію. Или, можетъ быть, кто-нибудь захочетъ возразить противъ этого и скажетъ: „О нѣтъ, Господь слишкомъ больно бьетъ насъ, мы не заслужили этого!“ Ужасное самоослѣпленіе, если бы кто захотѣлъ оправдываться такъ въ виду современнаго состоянія нашей общественной и частной жизни! Не такъ! Подклонивъ свою выю подъ карающую руку Божію, понесемъ лучше ея удары со смиреніемъ и покорностію, и тогда это бѣдствіе достигнетъ своей спасительной цѣли.

Ибо тѣмъ, которые безропотно, съ покорностію относятся къ предопредѣленіямъ Божественнаго Промысла, всякія обстоятельства жизни служатъ ко благу. Но дѣйствительно ли мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ дѣло съ Божественнымъ Промысломъ? Если мы называемъ настоящую войну дѣломъ Промысла, то не есть ли это только нашъ обычный христіанскій образъ рѣчи? Можемъ ли мы приложить къ этой печальной войнѣ

слова пророка Исаи (28, 29): „И это происходит отъ Господа Саваоа: дивны судьбы Его, велика премудрость Его“! Ни для кого изъ насъ не тайна, что война эта не только не была желательна для нашего Отечества, но и неожиданна. Благочестивѣйшій Государь нашъ, при своемъ глубоко-христіанскомъ настроеніи, ни о чемъ такъ не заботится, какъ о мирѣ и не въ своемъ только государствѣ, но и о мирѣ всего міра. И, какъ мы видѣли изъ Высочайшихъ Манифестовъ. Онъ все сдѣлалъ съ своей стороны для того чтобы предотвратить эту войну. Но вѣроломный врагъ нашъ, какъ оказалось, давно точившій на насъ мечъ, рѣшилъ во что бы то ни стало напасть на насъ, какъ и на дружественные намъ народы. А это обстоятельство и даетъ намъ полное право смотрѣть на настоящую войну, какъ на необходимую, вынужденную оборону, попущенную Самимъ Богомъ и, слѣдовательно, согласную съ Его волею, хотя въ существѣ своемъ она и есть зло. Покоримся же поэтому съ христіанскимъ смиреніемъ сему Божественному опредѣленію и, что бы ни случилось съ нами, будемъ говорить вмѣстѣ съ первосвященникомъ Илиемъ (когда объявленъ былъ ему судъ Божій надъ его сыновьями): „Это—дѣло Бога, да будетъ Его святая воля“! Но, смиряясь такимъ образомъ, подъ мощною десницею Бога, будемъ надѣяться, что Онъ услышитъ насъ въ Свое время, и настоящее испытаніе, если оно съ такою любовью и преданностію будетъ принято нами, послужитъ къ нашей пользѣ и благополучію.

Но для этого намъ необходимо судить себя и судомъ Божиимъ. Война всегда есть судъ Божій,—судъ вообще за оскудѣніе любви между людьми, за то, что такъ много между ними еще вражды и ненависти, гордости и своеволія, и такъ далеки они еще отъ того, чтобы

расковать мечи свои на плуги и копья—на серпы. Далѣе, каждая война есть судъ Божій и надъ тѣмъ грѣхомъ, надъ тою несправедливостію и враждебнымъ настроеніемъ, которое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проявляется на той или другой сторонѣ, а иногда и на обѣихъ сторонахъ вмѣстѣ и дѣлаетъ войну печальною необходимостію. Наконецъ, война должна быть разсматриваема и какъ судъ Божій надъ грѣхами и пороками, надъ нечестіемъ и беззаконіями тѣхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ, которые подвергаются ей. Пусть же никто не говоритъ сейчасъ: „Господи, Ты несправедливо поступаешь со мною, я не заслужилъ такого наказанія“, но, отдавая себя на судъ Праведнаго Бога и исповѣдуя предъ Нимъ свои грѣхи и беззаконія, пусть скажетъ съ Нееміею: *„Ты правъ, Господи, во всемъ, что дѣлаешь съ нами, ибо Ты поступилъ по правдѣ, а мы были нечестивы“.* Да, и мы должны признать себя заслужившими обвиненія пророка Исаіи: *„Слушайте, дѣти Израиля, слово Господне“*,—говори́лъ онъ нѣкогда израильскому народу:— „Господь имѣетъ всѣ причины наказывать тѣхъ, которые населяютъ эту землю. Ибо не стало на ней ни вѣрности, ни любви, ни слова Божія“. Не раздавалось ли и въ нашей странѣ и въ нашемъ народѣ это строгое напоминаніе о необходимости слушать слово Божіе? Но онъ не слушалъ его, онъ не хотѣлъ воспринимать его въ свое сердце и сообразно съ нимъ направлять жизнь свою... Не былъ ли оглашаемъ слухъ его и такимъ предостереженіемъ отъ имени Бога: *„Израиль, ты самъ создаешь себѣ несчастье. Твое спасеніе только у Меня“.* Но у Господа ли искалъ онъ свое спасеніе? Вмѣсто того, чтобы возлагать всю свою надежду на Господа, не полагался ли на свои собственныя силы? Не искалъ ли онъ въ случаяхъ неудачъ опоры въ пред-

метахъ этого міра, забывая единственно вѣрнаго Помощника—Бога? Не считали ли мы свою собственную славу выше славы Бога? Не давали ли мы слишкомъ много простора своему разуму, свободѣ своей мысли, своему слову и своимъ дѣйствіямъ? Не наводняли ли въ послѣдніе годы различныя сферы и отрасли нашего быта, нашу литературу, печать, школу, область политической, общественной и философской мысли беззащитная ложь и открытая пропаганда разнузданныхъ, противонравственныхъ понятій? Въ самомъ преддверіи настоящей войны не переживали ли мы толстовское сектанство—этотъ разсадникъ социализма и анархизма и фарисейскую проповѣдь „неохристіанства“, представляющую собою борьбу противъ Церкви Христовой, прикрытую якобы стремленіемъ интеллигенціи прійти къ соглашенію съ Церковію? Не служили ли мы плоти и не дѣлали ли *похоть плоти, похоть очесъ и гордость житійскую* началомъ или культомъ своей жизни? Не развивались ли между нами до чудовищныхъ размѣровъ суетность и роскошь? Не превращали ли мы воскресныхъ и праздничныхъ дней, дней служенія Богу, во дни разгула и служенія Молоху чувственныхъ удовольствій? Развивъ въ себѣ до чрезвычайныхъ размѣровъ страсть къ удовольствіямъ, не сосредоточивали ли всѣ свои помыслы и желанія на мамонѣ, какъ на средствѣ къ удовлетворенію этой страсти, и не преклоняли ли колѣнъ своихъ предъ кумиромъ золотого тельца? Но Господь Богъ нашъ—Богъ ревнитель; Онъ не даетъ Своей славы и чести никому другому, никакимъ кумирамъ, какія бы ни давали имъ имена и какихъ бы ни воздавали имъ почестей. Что же удивительнаго въ томъ, что при всей Своей благодати и долготерпѣнни, Онъ подвергаетъ насъ, наконецъ, Своему суду и говоритъ къ намъ страшнымъ грохотомъ пу-

шекъ и всевозможныхъ адскихъ орудій и снарядовъ, какіе только могла изобрѣсти современная техника и ни предъ чѣмъ не останавливающая хитрость и злоба нашихъ враговъ? О, падемъ ницъ предъ праведнымъ судомъ Его, и, въ чувствѣ глубокаго раскаянія и сознанія Его святыхъ намѣреній воскликнемъ вмѣстѣ съ Самуиломъ: „Глаголи, Господи, рабы Твои слышать!“ Если съ такими чувствами будемъ мы проходить этотъ тяжелый путь, которымъ . ведетъ сейчасъ насъ Богъ, то онъ, безъ сомнѣнія, послужитъ намъ во благо.

Но если справедлива эта мысль, что любящимъ Бога все споспѣшествуетъ во благое, то какъ можно оправдать и подтвердить ее? Это апостольское выраженіе станетъ для насъ понятнѣе, если мы докажемъ, что и такое печальное явленіе, какъ настоящая война, можетъ дѣйствительно послужить ко благу. Ибо это изреченіе очень часто высказывается и выслушивается нами безъ уясненія его истинности и смысла въ отдѣльныхъ наличныхъ случаяхъ. Поэтому бросимъ хотя бѣглый взглядъ на современное состояніе жизни нашего общества, и мы увидимъ, какъ справедливо и основательно это христіанское утѣшеніе и въ общественной, и семейной, и религіозной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы въ общественной жизни нашего русскаго народа? Не страдаютъ ли въ послѣднее время многіе недостаткомъ вѣрности и преданности своему Царю, и въ ихъ сердцахъ не находятъ ли себѣ мѣсто чувство вражды и ненависти къ Его ближайшимъ помощникамъ въ управленіи страной и вообще къ начальству и власти? Но теперь, когда всѣ заняты одною мыслию о борьбѣ со врагомъ, о спасеніи своего Отечества, когда и Царь и войско вмѣстѣ принимаютъ кровавое крещеніе, не должно ли это согрѣть охладѣвшія сердца любовію къ своему Царю и

послужить къ общему примиренію и объединенію? И не замѣчаемъ ли мы въ послѣдніе годы у многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ недостатка любви къ своему Отечеству, когда они, преслѣдуя всюду только свои собственные мелкіе интересы, обнаруживаютъ полное равнодушіе къ интересамъ общегосударственнымъ? Теперь наше Отечество въ опасности, и настаетъ крайняя нужда защищать его интересы. Не должно ли теперь каждое русское сердце съ любовью повергнуться къ своему въ скорбь и страданія погруженному Отечеству, сознать, насколько оно ему дорого, и въ пользу его интересовъ поступиться своими личными интересами?! Не въ правѣ ли мы, наконецъ, пожаловаться на злосчастную партійность и на взаимную вражду кружковъ съ противоположными воззрѣніями и направлениемъ, либераловъ и консерваторовъ, космополитовъ и націоналистовъ?!—Какъ далеко разошлись они между собою, какъ недружелюбно относятся другъ къ другу! Теперь они стоятъ рядомъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, ведутъ вмѣстѣ борьбу съ однимъ и тѣмъ же врагомъ; не должны ли священные узы той дорогой крови, которую проливаютъ при этомъ вышедшіе изъ обоихъ лагерей юноши и мужи, уничтожить доселѣ раздѣлявшее ихъ средостѣніе и снова примирить и соединить ихъ воедино?! О, дастъ Господь, такъ это и будетъ! И когда затѣмъ изъ сѣмени слезъ и крови, пролитыхъ на полѣ этой брани, вырастетъ обновленное русское общество съ болѣе сильнымъ духомъ, соединенное болѣе крѣпкими узами взаимной любви, не въ правѣ ли мы будемъ сказать тогда: „Да, это испытаніе Божіе дѣйствительно *споспѣшествовало намъ*, по слову апостола, *во благое*. Слава и благодареніе Богу, такъ мудро все это устроившему!“

Теперь заглянемъ въ частную семейную жизнь, боголюбивые братія и сестры! Тяжело, очень тяжело, когда наши мужи и юноши, сыновья и братья, даже отцы семействъ, оставляя свою службу, свой домъ и родину, идутъ туда, на поле битвы, чтобы своею мужественною грудью стать противъ непріятели. Вырванные изъ объятій своихъ женъ, дѣтей, родителей, братьевъ и сестеръ, своихъ знакомыхъ и друзей, они обрекаютъ себя на жизнь, полную нужды и лишеній, бѣдствій и труда, среди опасностей смерти. Но зато какъ благотворно дѣйствуетъ на нихъ такой подвигъ! Прощедши такую суровую школу, они возвращаются домой болѣе мужественными и храбрыми, съ болѣе закаленнымъ характеромъ, съ большимъ терпѣньемъ и упованьемъ на Бога (молиться Которому научили ихъ ужасы войны) и исполненные большею любовью къ своимъ семейнымъ, которые, благодаря разлукѣ, стали для нихъ теперь милѣе и дороже. Не въ правѣ ли мы въ такомъ случаѣ ожидать отъ нихъ лучшей семейной жизни, большей вѣрности своему призванію, большей крѣпости силъ и здоровья, чѣмъ прежде, когда они жили въ нѣгѣ и покоѣ? А если такъ, то нельзя не согласиться съ мыслью, что и война служитъ ко благу какъ самихъ войновъ, такъ и всего общества, въ которое они возвращаются съ такими качествами.

А тѣ, кто остался дома, эти жены, проводившія своихъ мужей, юныя дѣти—своихъ отцовъ, родители—своихъ сыновей, невѣсты—своихъ жениховъ, всѣ эти несчастные, у которыхъ сердце обливалось кровью при этой разлукѣ, ужели и для нихъ эта война не есть истинное несчастье и горе? О, друзья мои, этого мы не скажемъ, этого не можемъ мы сказать. Тяжело, очень тяжело, горько, очень горько лишаться того, что есть у насъ самага дорогого, разставаться съ самыми милыми и

близкими нашему сердцу, а съ ними, быть можетъ, со всякою радостью въ этомъ мірѣ. Но, однакожъ, и здѣсь едва ли можетъ оказаться несостоятельнымъ слово апостола, что любящимъ Бога все служить ко благу. Скажите чистосердечно вы, плачущіе жены, вы — дѣти, родители, сестры и невѣсты, находящіяся въ разлукѣ съ своими родными: когда съ глубокою скорбью на душѣ устремляете вы свои взоры на опустѣвшія въ домахъ вашихъ мѣста, не проходятъ ли при этомъ черезъ ваши души серьезныя мысли и горестныя, исполненныя жгучей тоски, воспоминанія? Всѣ ли вы можете сказать, что въ вашей брачной жизни, въ вашихъ семейныхъ взаимныхъ отношеніяхъ вы поступали такъ, какъ должны были поступать? Не бывало ли въ иномъ домѣ, у иныхъ супруговъ вмѣсто любви, мира и согласія — вражды и ненависти, ссоръ и недовольства? Не вырывались ли иногда рѣзкія слова брани изъ дома на улицу? Не вылетали ли иногда изъ устъ вашихъ слова проклятія на самыя брачныя узы? Теперь этотъ бракъ на время прерванъ, теперь они, мужья ваши, далеко отъ васъ, и вы не знаете, возвратятся ли они къ вамъ. Теперь вы не въ силахъ возвратить ихъ никакими просьбами и слезами, никакими вздохами и тоскою, и только горькое раскаяніе и жестокіе самоупреки за прежнюю несправедливость будутъ, какъ острыя стрѣлы, проходить черезъ вашу душу. А раскаяніе — есть начало исправленія... И нѣтъ сомнѣнія, что подъ вліяніемъ этого чувства, въ связи съ мукою, тоскою и одиночествомъ, вы дадите предъ Богомъ вѣрный обѣтъ въ томъ, что, если возвратятся къ вамъ мужья ваши живыми, вы будете иначе и лучше относиться къ нимъ, болѣе оказывать имъ любви и преданности, болѣе кротости и смиренія, болѣе заботливости и сердечнаго участія. Если же таковы бываютъ

послѣдствія войны и разлуки съ близкими, то не въ правѣ ли мы сказать, что война можетъ быть полезна и для домашней, семейной жизни человѣка, если только онъ любитъ Бога?

И далѣе. По причинѣ войны для многихъ настало теперь стѣсненіе въ отношеніи работы и заработковъ. За отсутствіемъ платной работы инымъ приходится сидѣть въ проголодь, при чемъ многіе раскаиваются въ томъ, что они такъ часто упустили случаи къ заработкамъ ранѣе, въ болѣе благопріятное для сего время. А сколько теперь такихъ, которые испытываютъ недостатокъ въ средствахъ, потому, что гоняясь за удовольствіями, не сумѣли въ свое время сдѣлать сбереженій на черный день! Какъ были бы они счастливы, если бы могли теперь хотя часть изъ прежнихъ своихъ достатковъ, истраченныхъ на излишнія затѣи и прихоти, возвратить на удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ! Не должно ли это послужить урокомъ на будущее время— быть благоразумнѣе, прилежнѣе къ труду, бережливѣе и наблюдать во всемъ большую умѣренность? Такимъ образомъ и здѣсь изъ зла выходитъ благословеніе.

Посмотримъ теперь на религіозную жизнь. Бѣдствіе войны можетъ принести пользу и для этой жизни. Припомните времена прежнихъ войнъ. Какой удивительный подъемъ религіознаго духа можно было наблюдать въ нашемъ народѣ каждый разъ когда наступала война! Исторія сохранила изъ того времени множество рассказовъ о томъ, какъ тогдашніе цари и князья, воины и мирные граждане, великіе и малые, мужчины и женщины обращались къ Богу и являли образцы новой вѣры, новой любви и новаго благочестія. Поистинѣ бѣда научала тогда молиться. И народъ нѣсколько забывшій Бога, снова начиналъ искать своего Бога и находилъ Его. Не должна ли имѣть такое же

дѣйствіе на насъ и настоящая война? Не нуждаемся ли сейчасъ и мы въ этомъ водѣйствіи? Въ теченіе долгихъ лѣтъ мирнаго и невозмутимаго спокойствія и счастья—не предалось ли и наше поколѣніе безопасности, нѣгѣ и нравственному усыпленію? Среди удовольствій и наслажденій земными благами не забыло ли оно о благахъ высшихъ, идеальныхъ, духовныхъ? Теперь при ежедневныхъ нерадостныхъ извѣстіяхъ съ театра войны, при возрастающей опасности, конечно, не до удовольствій. Грохотъ военныхъ орудій и стоны раненыхъ и изувѣченныхъ ими борцовъ нашихъ заглушаютъ наши „тимпаны и заставляютъ умолкнуть звуки беззаботной радости и веселья. Теперь, въ виду смертной опасности, человѣкъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сознаетъ непрочность, суетность и непостоянство этихъ земныхъ благъ, къ которымъ тяготѣетъ его сердце. Теперь научается онъ искать сокровище на небѣ, то сокровище, коего не уничтожить ни порохъ, ни пуля, ни динамитъ, ни пушка,—научается искать тотъ драгоцѣнный перлъ царства Божія, который дороже всякаго ослѣпительнаго блеска этой земли. А когда сильные толчки войны потрясаютъ фундаментъ нашего земнаго существованія, такъ что мы вдругъ начинаемъ чувствовать подъ своими ногами колебаніе почвы, тогда научаемся искать другого, болѣе прочнаго основанія, для котораго не существуетъ никакихъ опасностей. И благу тому, кто сумѣетъ сказать въ такое время: „Я нашелъ такое основаніе, на которомъ вѣчно и непоколебимо можетъ стоять мой якорь,—нашелъ его въ вѣрѣ во Христа Спасителя міра“. И если съ такою вѣрою наши воины оставляютъ родныхъ и Родину, чтобы тамъ, вдали отъ нея, на кровавомъ полѣ битвы или въ морской пучинѣ положить животъ свой, не тѣмъ ли живѣе они должны чувствовать въ себѣ влеченіе къ небесной родинѣ,

которая нѣкогда соединить ихъ съ ихъ присными. А если имъ суждено теперь умереть на войнѣ, то что изъ того? Тотъ, кто вѣроу во Христа обезпечилъ себѣ мѣсто въ домѣ Отца своего Небеснаго,—радъ достигнуть по ту сторону гроба вѣчнаго мира, котораго не можетъ дать, но не можетъ и взять міръ. При вѣрѣ во Христа не безутѣшна и не бесполезна такая смерть воина и для оставшихся въ живыхъ его родственниковъ: чрезъ это и они также научаются глубже чувствовать тоску по своей небесной родинѣ, чаще устремлять взоръ свой горѣ, къ небу, къ Богу, гдѣ Христосъ и гдѣ они снова увидятся съ своими милыми, съ которыми они теперь временно разлучились. Наконецъ, бѣдствіе войны не менѣе приближаетъ къ Богу и тѣхъ, которые ни лично, ни чрезъ родственную связь не участвовали въ ней. Когда разгорается страшная кровопролитная битва, и обѣ воюющія стороны несутъ огромныя потери, когда тысячи людей съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдятъ за ходомъ борьбы, не зная, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, когда поставлены на карту благополучіе и счастье цѣлыхъ милліоновъ людей, тогда человѣкъ чувствуетъ себя въ полной зависимости отъ Того, въ десницѣ Котораго всѣ судьбы человѣческой жизни,—тогда невольно прибѣгаешь къ Тому, Который Одинъ только можетъ оказать помощь и отъ Котораго зависитъ побѣда или поражение. Такимъ образомъ, всѣ — и тѣ, которые на войнѣ, и тѣ, которые дома,—всѣ учатся въ несчастьи войны помнить о Богѣ, Котораго такъ легко забываютъ въ добрые дни благополучія и покоя. Если же слѣдствіемъ войны бываетъ такое взысканіе Бога, то не въ правѣ ли мы сказать: „Хорошо сдѣлалъ Богъ, пославъ намъ это испытаніе, и неложно сказалъ апостоль, что любящимъ Бога все служить во благо“?

Но, согласно намѣченному плану, мы должны дать еще хотя краткій отвѣтъ на вопросъ: что же требуется отъ насъ для того, чтобы это апостольское утѣшеніе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ оправдалось на насъ?— Для этого требуются отъ насъ три главныхъ предмета: *жертва, трудъ и молитва.*

Да, жертвы требуетъ война, если хотимъ, чтобы она привела къ побѣдѣ, жертвы, которую мы должны приносить добровольно, отъ чистаго сердца. Но можетъ ли быть названо такимъ именемъ то, что мы кладемъ на алтарь отечества изъ своихъ денегъ и имущества, можно ли назвать это жертвою въ сравненіи съ тою, какую приносятъ наши воины, когда они, не щадя своей крови и своей жизни и своего счастья на землѣ, идутъ умирать за отечество? Послѣ такой великой и священной жертвы, что значать наши деньги и золото, наше добро и имущество? И если тысячи нашихъ русскихъ матерей приносятъ сейчасъ въ жертву Отечеству своихъ сыновей, коихъ выносили они подъ своими сердцами, невѣсты—своихъ жениховъ, которые служатъ предметомъ ихъ горячей любви, жены—своихъ мужей, которые составляли половину ихъ жизни, то кто изъ истинныхъ патриотовъ можетъ пожалѣть что-нибудь изъ своихъ достатковъ и отказать въ приношеніи дара своего Отечеству, если того потребуютъ военныя нужды? Конечно, мы всѣ будемъ готовы отдать все, чего потребуютъ эти нужды? Но отъ насъ, соотечественники, требуются и другого рода жертвы любви. Вотъ уже получаютъ печальныя извѣстія и о значительныхъ потеряхъ въ нашемъ войскѣ. Уже много нашихъ воиновъ погибло на этой войнѣ! Между ними не мало, конечно, отцовъ, которые были кормильцами своихъ семействъ, сыновей, бывшихъ опорой престарѣлыхъ и бѣдныхъ своихъ родителей, братьевъ, на коихъ воз-

лагали свои надежды сестры. Сколько горя, слезъ и страданій, сколько бѣдности, нуждъ и лишенихъ причинила смерть погибшихъ уже сейчасъ, а сколько еще можетъ быть ихъ впереди! Не нашъ ли долгъ пойти навстрѣчу этому горю и сдѣлать все возможное для того, чтобы утереть слезы плачущихъ, утѣшить удрученныхъ, преотвратить нужду и бѣдность безпомощныхъ и сирыхъ? О, не будемъ безсердечны и безучастны къ этимъ нуждамъ, за насъ переносимымъ, но съ предупредительною любовію сдѣлаемъ все, отъ насъ зависящее, для уврачеванія тѣхъ ранъ, которыя наноситъ война, и облегченія тѣхъ нуждъ, какія она причиняетъ!

Но чтобы оправдать справедливость словъ апостола, что любящимъ Бога все—даже и самыя тяжелыя обстоятельства—служить ко благу, мы должны побудить себя къ болѣе серьезному труду, къ сугубой вѣрности своему долгу, къ усиленному прилежанію. Когда находится въ опасности Отечество, тогда естественно ожидать, чтобы каждый сынъ его, съ особеннымъ усердіемъ, въ интересахъ его, дѣлалъ свое дѣло: воины тамъ, на полѣ битвы, а мы здѣсь дома, въ обыкновенной своей дѣятельности. Теперь каждому особенно слѣдуетъ показывать свою вѣрность въ маломъ, чтобы быть способнымъ затѣмъ исполнять и великія дѣла. И кто захотѣлъ бы проводить дни эти въ лѣнности, праздности и удовольствіяхъ, когда тамъ, на полѣ брани, идетъ такая кипучая дѣятельность и рѣшаются такія трудныя задачи?! И это относится не къ однимъ только мужчинамъ, но и къ женщинамъ. Да, боголюбивыя сестры, въ настоящую тяжелую пору войны и для васъ открывается особое поле дѣятельности. Ваше положеніе скромное. Совершать какихъ-нибудь славныхъ воинскихъ дѣяній и геройскихъ подвиговъ, какіе совершаютъ мужчины, для васъ невозможно. Для васъ Господь не

сковаль меча. Пусть дѣлаютъ это дѣло ваши мужья, ваши дѣти, ваши братья. А вы, взамѣнъ этого, откройте сокровищницу вашего нѣжнаго, такъ способнаго къ любви, сердца. Приложите вашу жертву, вашъ трудъ и вашу любовь, чтобы возможно болѣе ослабить горечь и ужасы войны облегчить неизбѣжныя страданія сраженныхъ братьевъ. Тамъ на войнѣ, работаютъ сейчасъ слуги злобы и смерти: ружья, штыки и пушки, порохъ и динамитъ, а у васъ пусть работаютъ орудія любви— ваши пальцы, иглы и швейныя машины. Присоединяйтесь, кто можетъ, и къ той священной дружинѣ избранницъ Божіихъ, которыя подъ знаменемъ Краснаго Креста, идутъ работать, въ качествѣ сестеръ милосердія, на самое поле жестокихъ битвъ. Тяжело служить тамъ, гдѣ все обрызгано кровью, все обожжено огнемъ, гдѣ стоны и вопли, гдѣ *одно рыданіе, жалость и горе* (Іез. 2, 10): но въ истинно христіанскомъ сердцѣ это горе скоро открываетъ источникъ такихъ невыразимыхъ утѣшеній, какихъ не могутъ доставить никакія блага міра. Это служеніе поистинѣ ангелоподобное. Не такъ ли именно находятъ себѣ отраду и нисходятъ съ неба въ нашъ страждущій міръ ангелы Божіи, подражателями и, можно сказать, сотрудницами которыхъ служатъ наши сестры милосердія.

Но какъ всегда, такъ и здѣсь съ трудомъ и подвигами должна быть соединяема и *молитва* и притомъ какъ на полѣ битвы, такъ и дома. Если всякое несчастіе научаетъ молиться, то бѣдствіе войны по преимуществу. Когда сверкаютъ сабли, летаютъ пули, и смерть бываетъ такъ близка, что каждый моментъ можетъ быть послѣднимъ, кто можетъ удержаться отъ того, чтобы не испустить покаяннаго вздоха и молитвеннаго вопля и не предать своей души Владыкѣ жизни и смерти — Богу? Какъ трогательно молился

Поученіе въ рождественскій постъ.

Въ наше время многое измѣнилось въ сравненіи съ старымъ, и измѣнилось, къ истинному сожалѣнію всѣхъ истинно вѣрующихъ, къ худшему. Многіе нынѣ такъ далеко отступили отъ обычаевъ древнихъ христіанъ, что если бы святые мученики, проливавшіе кровь за вѣру Христову, подвижники, питавшіеся во всю жизнь травами и кореньями, встали изъ своихъ мѣстъ упокоенія и взглянули на насъ, то едва-ли признали бы насъ единовѣрными себѣ христіанами. Горе намъ, отступившимъ отъ преданій, пришедшихъ отъ временъ апостольскихъ! Горе намъ, оставившимъ обычаи, унаслѣдованные отъ временъ мученическихъ! Горе намъ, нарушающимъ уставы, преданные отъ святыхъ отцевъ! Горе намъ, отступившимъ отъ обычаевъ нашихъ предковъ.

Въ старыя времена на Руси строго соблюдались всѣ уставы Церкви, а уставъ о постѣ съ особенною строгостію. Во всей землѣ русской едва ли бы можно было найти явныхъ нарушителей постовъ.

По тогдашнему общему убѣжденію, поѣсть въ постъ скоромнаго значило бы стать отступникомъ отъ вѣры—*бусурманиномъ*. А въ наши времена въ городахъ трудно найти домъ, въ которомъ не нарушались бы посты; трудно нанять квартиру, въ которой можно было бы имѣть постный столъ. Стало быть, строгій судъ нашихъ

предковъ современныхъ жителей нашихъ городовъ назвалъ бы мусульманами, или что тоже бусурманами. Такъ уклонились мы отъ добрыхъ обычаевъ отцевъ нашихъ! Отчего это случилось? Не отъ того ли, что нынѣ стало мало постной пищи? Пожалуй отчасти и отъ того. А отчего уменьшилось количество постной пищи? отъ того ли, что мать земля не стала давать плодовъ дѣтямъ своимъ? Нѣтъ. Кормить же она всѣхъ животныхъ, которыя не употребляютъ мясной пищи! Прокормила бы, конечно, и всѣхъ насъ. И такъ, гдѣ же причина? Въ нехотѣніи достаточно разводить плоды для постной пищи и нежеланіи пріобрѣтать ихъ. Почему мы не соблюдаемъ постовъ?—По одному озорству, т. е. по сознательному нежеланію повиноваться уставамъ матери — Церкви: не хотимъ-де соблюдать того, что повелѣваетъ Церковь, да и только! Такимъ образомъ мы грѣшимъ тѣмъ же, чѣмъ согрѣшили наши прародители въ раю. Всего у нихъ было довольно: только плоды одного дерева были воспрещены. И захотѣлось имъ вкусить этихъ плодовъ запрещенныхъ. Вкусили и потеряли рай. Тоже нынѣ. Всего у насъ довольно; были бы сыты той пищею, какая намъ разрѣшена; такъ — нѣтъ: не хотимъ стѣснять себя: дай намъ того, что запрещено, хотимъ есть мясную пищу. Ъдимъ,—и будетъ съ нами тоже, что съ прародителями въ раю, и не избѣгнемъ наказанія, если не покаемся.

Наши предки очень боялись нарушить уставы Церкви; они говорили: „той землѣ не устоять, гдѣ начнутъ обычаи ломать“. Не ломали они обычаевъ о постѣ, о хожденіи въ церковь, о ежегодномъ говѣніи и сохранили землю русскую среди многихъ невзгодъ. А въ наше время все стало ломаться. Горе намъ, грѣшнымъ! Страшно за землю русскую, если нечестіе возьметъ перевѣсъ надъ благочестіемъ. Страшно за молодое поколѣніе!

Что мы ему передадимъ? Какіе завѣты? Какіе добрые и святыя обычаи? Мы получили отъ предковъ много добраго, а сами что оставимъ дѣтямъ нашимъ? Оставимъ ли это пренебреженіе уставовъ Церкви, нарушеніе постовъ, лѣность къ посѣщенію церковныхъ богослуженій, нерадѣніе объ исполненіи христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія и нарушеніе святости брачныхъ союзовъ? Молодое поколѣніе, унаслѣдуя отъ насъ нравственную порчу, передастъ ее послѣдующимъ поколѣніямъ, да еще прибавитъ и свои къ пороковъ. Такимъ образомъ мы сдѣлаемся виновниками развращенія будущихъ поколѣній. Какой отвѣтъ дадимъ на судъ за себя и за нихъ?

Но пока еще не ушло время. Господь еще терпитъ нашимъ грѣхамъ, ожидая нашего исправленія. Итакъ, одумаемся и начнемъ наше исправленіе. Не будемъ откладывать его до неизвѣстнаго будущаго, а начнемъ теперь, съ этого поста. Возвратимся къ старымъ святымъ обычаямъ нашихъ предковъ будемъ посѣщать храмы Божіи, будемъ соблюдать посты, неуклонно говѣть и приступать къ причащенію Святыхъ Таинъ, дабы чрезъ это быть въ общеніи со Христомъ, а чрезъ Него и со всѣми Святыми.

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Духовный дневникъ*).

*„Всѣ вы сыны свѣта и сыны дня...
Будучи сынами дня, да трезвимся,
облекиши въ броню въры и любви и
въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Тес-
сал. 5 г. 5, 8 ст.).*

Какъ не оскорбительно для нашего религіознаго христіанскаго чувства, а надо, къ сожалѣнію, сказать, что были и есть люди, которые почитаніе иконъ приравниваютъ къ идолопоклонству. Въ 7 и 8 вѣкахъ возникла даже ересь иконоборческая, которая стремится уничтожить почитаніе иконъ, а въ послѣдующее время отдѣлилась отъ Церкви цѣлая христіанская община, которая отвергла почитаніе иконъ и всякаго рода внѣшнихъ предметовъ—подъ именемъ Лютеранства. Что на это сказать? Какъ защитить христіанское иконопочитаніе? Отвѣчаемъ, что, во первыхъ, не обоготворяемъ, а только почитаемъ иконы. Далѣе, важенъ тотъ источникъ, изъ коего исходитъ это почитаніе. Источникъ этотъ есть Единный Истинный Богъ, Творецъ и Промыслитель міра во Святой Троицѣ славимый. Возьмемъ ли мы иконы, возьмемъ ли мощи и т. п., всѣ онѣ

*) См. Г. Ц. м. Октябрь 1914 г.

намъ дороги потому, что освящены благодатію Божіею, которая пріосѣняла святыхъ, значить не столько мы чтимъ ихъ самихъ по себѣ, сколько почитаніемъ ихъ прославляемъ того же единого Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Въ язычествѣ же каждый почитаемый предметъ представляется какъ отдѣльный самостоятельный богъ, вслѣдствіе чего получается многобожіе, а такъ какъ при немъ единое множится, то Единый Истинный Богъ уже теряется въ сознаніи людей, или, если такъ можно сказать, ступшевывается, ограничивается; многобожіе, такимъ образомъ, безмѣрно оскорбляетъ Единого Истиннаго Бога; здѣсь же въ христіанскомъ почитаніи святыни только еще болѣе и болѣе прославляется Господь. И чѣмъ христіанинъ чувствительнѣе въ почитаніи всего того, что ему напоминаетъ Господа, что такъ или иначе связано съ Богомъ, тѣмъ онъ любезнѣе Самому Господу, тѣмъ онъ и совершеннѣе. Да и можетъ ли добрый христіанинъ ко всему, что напоминаетъ ему Господа, относиться безъ благоговѣнія и почтенія? Нѣтъ. Такъ когда онъ увидитъ священное изображеніе даже на бумагѣ, онъ и его не допуститъ до поруганія, найдетъ ли онъ крестикъ на землѣ, онъ и его облобызаетъ и т. п., и только христіанинъ съ притупленнымъ религіознымъ чувствомъ ко всему этому отнесется безразлично. И выходитъ отъ этого часто, что кто полюбитъ Бога, у того и все, что напоминаетъ Его, находится въ благоговѣнномъ почитаніи, а кто духовно нерадивъ и маловѣрущъ, кто далекъ отъ Бога, у того и всякая святыня—въ поруганіи. Словомъ, если мы любимъ Господа, нашего Спасителя, нашего Творца и Промыслителя, мы непременно должны почитать и благоговѣть и предъ всѣмъ тѣмъ, что Его напоминаетъ, гдѣ Онъ своею благодатію присутствуетъ, на чемъ благодать Его почилъ или по-

чивается, ибо это почитаніе будетъ только восполненіемъ и подтвержденіемъ нашей вѣры и любви къ Нему. На этомъ-то, братіе, и основано наше почитаніе св. иконъ и всѣхъ священныхъ предметовъ.

Одинъ простой, но хорошо настроенный человѣкъ, однажды, такъ сказалъ: какъ человѣку свойственно приписывать все себѣ; только и вертится у него въ головѣ наше „я“. А между тѣмъ разсмотри хорошенько: не Богъ ли твой Промыслитель; не въ Его ли руцѣ все живущее? Вдумайся и увидишь, что, дѣйствительно, твое „я“ должно быть на самомъ послѣднемъ мѣстѣ; не потому ли и въ алфавитѣ буква „я“ стоитъ въ самомъ концѣ.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ смерти человѣка, впаавшаго въ полное невѣріе въ теченіе жизни и пришедшаго въ покаянное чувство на смертномъ одрѣ. Этотъ человѣкъ мнѣ говорилъ: „Ахъ, какъ я каюсь въ томъ, что не вѣрилъ, чему учить С. Церковь. Принимай я на вѣру, безъ всякихъ разсужденій предлагаемое нашею Св. Церковію и былъ бы теперь спокоенъ, а то, вотъ чувствую какое-то безпокойство. За мое прежнее невѣріе меня страшно гнететъ. Когда я учился, у меня былъ хорошій голосъ и я пѣлъ на клиросѣ. И, вотъ, даю себѣ обѣщаніе, какъ только поправлюсь, начну опять пѣть и усердно посѣщать храмъ Божій“. — Это была послѣдняя исповѣдь невѣрующаго человѣка; она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я всею глубиною своего сердца почувствовалъ, что никакъ нельзя оставаться въ невѣріи, что невѣріе есть ужас-

нѣйшее состояніе нашего сердца, чуждое ему. О, не дай Богъ никому переживать этого пагубнаго состоянія духа—невѣрія!

Послѣ Литургіи, въ недѣлю блуднаго сына подошелъ ко мнѣ одинъ простой человѣкъ съ такимъ заявленіемъ: „батюшка, хочу опять возвратиться въ Церковь. Я сектантъ,—вотъ уже 12 лѣтъ какъ нахожусь въ разлукѣ съ Церковью и теперь заскучало сердце мое, хочу съ сектанствомъ покончить, хочу поговѣть и причаститься“. „А что тебя понудило пойти въ сектанство? спросилъ я его:—„свободная, разгульная жизнь. Мнѣ сказали, что въ Церкви у васъ все плохо, а тамъ хорошо, я и пошелъ. А, вотъ, теперь чувствую, что погибаетъ душа моя“. „Что же, отвѣтилъ я ему, дѣло прекрасное. Слышалъ притчу блуднаго сына, какъ Господь принимаетъ кающагося грѣшника, такъ и Церковь съ распростертыми объятіями, съ полною любовію снова приметъ и тебя. Ты своимъ обращеніемъ сдѣлаешь то, что возвратишься домой, опять станешь находиться въ общеніи со всѣми православными и истинно русскими добрыми людьми“; при этомъ, я указалъ ему рукою на массу бывшихъ въ храмѣ православныхъ людей. Эта исповѣдь сектанта глубоко тронула меня. Дѣйствительно, всѣ наши сектанты ушли изъ родного отчаго дома Церкви Православной, подобно блудному евангельскому сыну.

Одна женщина мнѣ заявила: „что мнѣ дѣлать, моя мамаша переходитъ въ расколъ. Уже она собрала всѣ вещи и готова выѣхать, при этомъ меня сильно бранить и къ расколу склоняетъ“. „Печальное, говорилъ

я, положеніе ты испытываешь, но крѣпись и молись! Прежде всего сама дай обѣщаніе, что останешься непоколебимой въ православіи, а затѣмъ еще разъ усерднѣй помолись о своей матери святѣйшему патріарху Ермогену и всѣмъ кремлевскимъ святителямъ“. Ушла эта женщина, но, вотъ, черезъ нѣсколько дней опять приходитъ и говоритъ: „Я сдѣлала, какъ вы сказали, но мать все продолжала собираться, оставалось снять иконы. Она поставила табуретку и стала уже снимать, какъ оступилась и упала на землю, при чемъ такъ ушиблась, что полчаса лежала безъ чувствъ, теперь она что-то замолчала о своемъ отъѣздѣ и стала со мной помягче. Помолитесь, чтобы Господь ее вразумилъ и она осталась бы въ Церкви“. Боже мой, Боже мой, какъ ясно ты вразумляешь заблуждающихся, подумалъ я, узнавъ все это.

Возлюбленные братіе! Если мы присмотримся къ своему сердцу, то увидимъ тамъ зародыши, кажется, всѣхъ грѣховъ, всѣхъ несовершенствъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ ли наше отношеніе къ Богу? Все ли мы вѣрны; не одолѣваемся ли маловѣріемъ, сомнѣніемъ, холодностію, духовнымъ нечувстіемъ, недостойнымъ провозженіемъ праздничныхъ дней, невниманіемъ къ молитвѣ, суевѣріемъ, роптаніемъ на Бога, ложнымъ стыдомъ въ дѣлѣ вѣры, неблагоговѣніемъ ко святыни, не имѣніемъ страха Божія? Возьмемъ ли наше отношеніе къ ближнимъ. Кто скажетъ, что онъ безупреченъ въ своихъ отношеніяхъ къ братіямъ. Кто изъ насъ не грѣшенъ въ непочитаніи старшихъ, родителей, благодарностію къ друзьямъ и благодѣтелямъ, грубостію и невѣжествомъ въ обхожденіи, хитростію, лукавствомъ, обманомъ, утаеніемъ чужого, скупостію, сварливостію,

клеветою, оговариваніємъ, осужденіємъ, ненавистью, злословіемъ, немилосердіемъ, завистію, насмѣшками, гнѣвомъ, ругательствомъ, притѣсненіемъ, презрѣніемъ и всякимъ недоброжелательствомъ противъ ближняго? Возьмемъ ли мы отношеніе къ самимъ себѣ, къ своему душевному спасенію. О, тутъ мы увидимъ цѣлое море, цѣлую бездну грѣховъ,—всякіе плотскіе грѣхи, о нихъ же срамно есть и глаголати: гордость, тщеславіе самолюбіе, самочиніе, хвастовство, сластолюбіе, невоздержаніе въ пищѣ и питіи, многоспаніе, расслабленіе, лѣность, роскошь, привязанность къ удобствамъ жизни, къ жилищу, одеждѣ, пищѣ, теплу, малодушіе, суету, недовольство своей участью, нетерпѣніе, пристрастіе и множество другихъ несовершенствъ. У cadaго все это есть, никто не можетъ сказать, что онъ чистъ отъ скверны. Но что хуже всего—такъ это то, что эти грѣхи черезъ повтореніе обращаются въ пороки, въ страсти, т. е. въ такое состояніе, когда грѣхъ всецѣло овладѣваетъ нами и господствуетъ. Вотъ и получается, что однимъ владѣетъ страсть винопитія, другимъ—табакокуренія, третьимъ—плотскаго сладострастія, четвертымъ—скуности, воровства, гордости и т. д. и т. д. И каждый, изъ насъ находится въ опасности впасть въ ту или другую страсть; стоитъ только потерять нравственное равновѣсіе, стоитъ только разъ-два повторить грѣхъ, какъ онъ уже будетъ напирать на насъ и нами владѣть. Вотъ, возлюбленные, каково состояніе нашего сердца. Состояніе это въ нравственномъ отношеніи весьма шаткое. Если остаться намъ самимъ съ собою, если жить только по влеченію сердца, то скоро мы заберемся въ такую грѣховную пропасть, въ такую грѣховную тину, откуда не скоро выльземъ. И когда мы видимъ нашихъ братій въ такомъ состояніи, то скорбію должно обливаться наше сердце и мы тогда должны

такъ разсуждать: вѣдь и я могу быть въ такомъ же состояніи, видно, обстоятельства у брата были такія, что завели его въ такую грѣховность. И вотъ, чтобы не овладѣлъ нами грѣхъ, нужно, не покладая рукъ, съ нимъ бороться, противъ грѣха вооружаться, отъ него отбиваться. Какія же это средства борьбы со грѣхомъ?— Господь не лишилъ человѣка высокихъ духовныхъ силъ ума, разума, воли, при посредствѣ которыхъ человѣкъ и можетъ вести борьбу со грѣхомъ. И прежде всего всякій христіанинъ, какъ говоритъ Спаситель, долженъ отвергнуться себя. Что это значитъ?— Это все равно, что отказаться отъ своей воли и передать ее другому, лучшему насъ. Если мы останемся сами со своею волею, то она, какъ дурная, заведетъ насъ въ грѣхъ. Какъ сосудъ, если онъ закрытъ, въ немъ можетъ находиться все собранное дурное, нечистое, если же мы его откроемъ, тѣмъ самымъ сосудъ провѣтримъ; такъ и наша воля, если мы остаемся замкнутыми, въ насъ можетъ таиться всякая нечистота, всякая скверна; когда же мы откроемъ свое сердце и подчинимъ свою волю лучшему насъ, этимъ самымъ предохранимъ себя отъ накопленія въ нашемъ сердцѣ всего дурного. Отсюда ѣ является необходимость откровенія старцу своихъ помысловъ, отсюда монашеское требованіе все дѣлать по благословенію духовника и ничего по своей волѣ дурной и грѣховной; отсюда вытекаетъ стремленіе къ частой исповѣди. И такъ, вотъ что значитъ отвергнуться себя,— не имѣть своей воли, грѣховной, самолюбивой, дурной, а подчинить ее другой волѣ лучшей, подчинить ее волѣ Божіей, волѣ святой. Далѣе, въ дѣлѣ борьбы со грѣхомъ имѣетъ большое значеніе вниманіе къ своему сердцу въ связи съ укорененіемъ себя. Въ Отчичикѣ рассказывается такой случай. Одинъ инокъ подошелъ къ келіи старца и слышитъ, что тотъ

кого-то бранить, называетъ свиньею и т. п. Инокъ думалъ, что кто-нибудь посторонній сидитъ въ келіи старца и, когда узналъ, что никого нѣтъ, догадался, что сей старецъ бранить самого себя. Такъ и мы, по примѣру сего богомудраго старца, должны слѣдить за собой и бранить себя за свои грѣхи, срамить, гнѣваться на себя; тогда мы перестанемъ осуждать другихъ, а вмѣстѣ и бояться грѣха... Далѣе, большое значеніе для подавленія нашихъ грѣховныхъ склонностей имѣетъ аккуратность, регулярность жизни. Приучи себя къ умѣренности во всемъ: во время ѣшь, и не объѣдайся; во время ложись спать, и не спи сверхъ мѣры; не лѣнись работать, а вмѣстѣ и не подрывай своихъ силъ, и такой умѣренный образъ жизни предохранитъ тебя отъ многихъ пороковъ. Укажемъ еще на общеніе съ добрыми людьми. Одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица, такъ и въ христіанскомъ провозженіи жизни. Хорошо имѣть духовныхъ друзей, съ которыми можно было бы поговорить по душѣ, вмѣстѣ помолиться, горемъ подѣлиться. Духовное общеніе сердець облегчитъ нашу трудность въ борьбѣ со грѣхомъ, а также со скорбями и невзгодами житейскими. Но всего сказаннаго, однако, недостаточно. У насъ есть страшный врагъ душевнаго спасенія—діаволь, который не даетъ ни на минуту покоя, строитъ намъ козни хитрыя и ужасныя, вводитъ въ тонкія искушенія, боретъ насъ во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ званіи. Противъ него людямъ своими человѣческими средствами не противостать. Но у насъ есть мать—св. Церковь и ея благодатныя средства. Св. Церковь, зная наше безотрадное и трудное положеніе въ борьбѣ со врагомъ, старается вездѣ и всегда оградить насъ святыней. Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся, что въ этомъ отношеніи дѣлаетъ для насъ Св. Церковь. Она каждый шагъ на-

шей жизни освящаетъ: родились мы—крестить насъ, вступаемъ въ бракъ—благословляетъ, умираемъ—напутствуетъ насъ Св. Тайнами, а умремъ—съ молитвословіями провождаетъ до могилы и послѣ непрестанно продолжаетъ за насъ молиться. Она, Св. Церковь освящаетъ, а насъ, наши тѣла ограждаетъ иконками, крестиками, крестнымъ знаменіемъ. И трудно себѣ представить, что было бы съ нами, съ нашимъ внутреннимъ существомъ, если бы Св. Церковь не ограждала насъ святынею; кажется, злой змій, врагъ рода человѣческаго, и всякій грѣхъ съ ногъ до головы насъ бы опуталъ и полонилъ. И если еще существуетъ христіанская жизнь, существуютъ добрые христіане, то только благодаря этой ограждающей насъ святыни. Больше того, Св. Церковь и внутреннее наше существо старается освятить, почему Она и предлагаетъ намъ пить св. воду, св. масло и, что выше всего и больше всего питаетъ насъ Св. Тайнами, Тѣломъ и Кровію Господа Христа.

Много теперь пишутъ о книгѣ старца Иларіона: „на горахъ Кавказа“, гдѣ говорится о важнѣйшей вещи въ духовномъ дѣланіи,—молитвѣ Иисусовой. Молитва Иисусова всегда высоко ставилась св. отцами подвижниками. Смысль ея хорошо уже разъясненъ. Во время боренія ограждай себя молитвой Иисусовой, т. е. внимательно читай ее, молись Господу Иисусу, призывай Его себѣ на помощь, углубляйся въ молитву и этимъ ты, помощью Господа Иисуса, будешь предохранять себя отъ дурныхъ, скверныхъ, нечистыхъ, хульныхъ, грѣховныхъ помысловъ и чувствъ. Не вдавайся, при этомъ, ни въ какія мечтанія относительно Господа Иисуса, т. е. не

старайся подъ внѣшними формами зрѣть Господа, не создавай себѣ искусственно образы и виды, а также берегись искусственнаго разгоряченія крови своей—все это не полезно, все это ведетъ къ прелести и самообольщенію. Внутренно, сердцемъ, съ вѣрою, любовію и надеждой,—во всѣхъ случаяхъ, будешь ли ты молиться молитвой Іисусовой или другою какою,—чувствуй Господа. Всякое лишнее мечтаніе отгоняй и не доискивайся до глубины непостижимаго и неизмѣримаго никакимъ разумомъ человѣческимъ существа Божія. Молись молитвой Іисусовой и въ то время, когда ты спокоенъ отъ брани, ибо постоянное упражненіе въ сей молитвѣ созидаетъ тебя духовно, т. е. ты приобретаешь ея духовную настроенность. Вотъ что богомудрые отцы—аскеты намъ преподали относительно молитвы Іисусовой. Къ сожалѣнію, пошли у насъ большія препирательства относительно самого имени Іисусова. Какъ понимать Божественное имя „Іисусъ“, какъ будто бы до этого времени никто его не понималъ и о немъ не думалъ. Послѣдую ученію Православной Церкви, изложенному седьмымъ вселенскимъ соборомъ мы признаемъ, что всѣ имена Божіи суть великая святыня, суть какъ бы словесные образы Божіи, подобно тому, какъ существуютъ живописные образы, святыя иконы и честной крестъ. Что же сказать относительно возникшихъ о имени Іисусовомъ споровъ? Тяжелы они и прискорбны. Кажется, всѣ должны согласиться съ слѣдующими положеніями: Высочайшее Существо—Господь Богъ слабымъ человѣческимъ умомъ непостижимъ, и необъятенъ, и словомъ человѣческимъ неописуемъ, будемъ ли мы касаться Существа Божія, будемъ ли говорить о дѣйствіяхъ Господа въ мірѣ. Нельзя постичь, изобразить и вмѣстить Господа и въ имени Его. И кто силится дѣлать это, тотъ впадаетъ въ духовную гор-

дость. Кто измѣритъ разумъ Божій и кто постигнетъ глубину Премудрости Его! восклицаетъ пророкъ Давидъ. Къ тому же, еще хорошо извѣстно, что духовное не всѣ могутъ постигать, не говоримъ уже описывать. Духовное духовнымъ востязуется. А если такъ, то зачѣмъ силиться говорить о духовныхъ предметахъ тѣмъ, кто, быть можетъ, слабъ духовнымъ опытомъ. Припоминается изъ жизни св. отцевъ Церкви золотого 4-го вѣка слѣдующее. Когда въ ихъ время возникли большія сужденія о Тайнѣ Св. Троицы и начали спорить о семъ предметѣ всѣ и вездѣ, на рынкахъ и на перекресткахъ, св. отцы вступили со словами обличенія, въ которыхъ убѣждали православныхъ не спорить о такомъ высокомъ предметѣ, а съ благоговѣнiемъ, вѣрою и страхомъ содержать ученiе о Св. Троицѣ такъ, какъ преподала это ученiе Св. Церковь. Въ Ветхомъ Завѣтѣ изъ-за благоговѣнiя запрещалось громко и безъ необходимости произносить страшное имя Іеговы. А мы, Божественное имя Іисуса, къ сожалѣнiю, сдѣлали предметомъ спора и даже поруганiя. Вотъ, и намъ вмѣсто того, чтобы спорить и препираться, выходить изъ себя и раздражаться, нужно было бы спокойно и съ благоговѣнiемъ содержать тайну имени Іисусова, тѣмъ болѣе, что въ молитвѣ Іисусовой вся суть, все дѣло не въ умозрѣнiи, а въ практическомъ ея значенiи—именно въ приобрѣтенiи черезъ эту молитву духовнаго устроенiя нашего сердца, нашей души. Всѣ св. отцы учили и постановили творить молитву Іисусову, имѣя въ виду отъ нея пользу нравственную,—они поясняли, какъ молитвой Іисусовой отгоняются помыслы, какъ подавляются дурныя чувства, какъ искореняются страсти, какъ водворяются въ сердцѣ миръ и радость, но мало кто изъ отцевъ задавался мыслию доказывать умозрительно смыслъ имени Іисусова, и если они объ этомъ говорили, то

вскользь, выражаясь каждый разъ такъ, какъ умѣли, а не такъ, чтобы своимъ выраженіемъ точно и для всѣхъ понятно изъяснить имя „Иисусъ“. Они хорошо знали, что тайна имени Иисусова не словами доказывается и не умомъ понимается, а сердцемъ чувствуется и, при томъ, только тѣми людьми, кого Господь сподобить имѣть духовный опытъ.

Что такое лицемѣріе?—это—когда человѣкъ сознательно, обдуманно, съ извѣстною цѣлю показываетъ себя не такимъ, какой онъ есть на самомъ дѣлѣ. Напр., пьющій вино показываетъ себя непьющимъ, курящій табакъ людямъ является некурящимъ; или въ сердцѣ нѣтъ молитвы, а человѣкъ становится на колѣни и являетъ себя передъ людьми молящимся, осуждаетъ властей, старшихъ; недоволенъ ими, а показываетъ себя предъ ними преданнымъ и исправнымъ. Но, вопросъ. Развѣ всегда нужно человѣку себя являть такимъ, какимъ онъ есть въ сердцѣ своемъ—въдѣ тамъ множество нечистоты и всякаго зла,—обнаруживать все это значитъ соблазнять другихъ, наносить нравственный вредъ ближнему? Нѣтъ, не всегда. Всякій человѣкъ можетъ быть испорченнымъ только до извѣстной степени, но онъ долженъ, при этомъ, сознавать свою испорченность, жалѣть о ней, стремиться къ исправленію, искать правды и добра и вотъ, такой человѣкъ, если и скроетъ свое дурное отъ другихъ, то лишь затѣмъ чтобы не нанести вреда ближнему. И это не будетъ лицемѣріемъ. Внутренняя борьба парализуетъ лицемѣріе. А то можетъ дѣло обстоять иначе. Я не сознаю своей порочности, она мнѣ льститъ, я услаждаюсь грѣхомъ, я убѣжденъ въ извѣстной мысли, я опредѣленныхъ взглядовъ и чувствъ, а во внѣ стараюсь показаться инымъ,

ради своей выгоды, конечно, выгоды корыстной, низкой, матеріальной. Тутъ уже лицемѣріе. Напр., въ извѣстномъ кругу, на извѣстныхъ должностяхъ должны быть люди только съ извѣстнымъ направлениемъ, но, вотъ, можетъ искать, добиваться тамъ мѣста человѣкъ только ради матеріальной выгоды; такой, значить, будетъ лицемѣрить. И лицемѣріе—весьма опасное явленіе. Лицемѣры по душѣ иные, чѣмъ въ дѣйствительности, и то, что у нихъ на душѣ, что составляетъ для нихъ смыслъ жизни, они, при всякомъ удобномъ случаѣ, исподволь, постепенно, хитро, коварно будутъ проводить въ жизнь. А когда восторжествуетъ ихъ убѣжденіе, о, тогда они открыто станутъ проводить свои взгляды! Какъ, поэтому, опасны лицемѣры на высшихъ государственныхъ постахъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь страны, народа. Противоположностью лицемѣрія является искренность.

Пастырь, служащій съ вѣрою, проникновенно Божественную Литургію пастырь есть какъ бы живой источникъ. Приходилось ли вамъ когда-нибудь встрѣчать свѣжій, сильный ключъ воды? Онъ непрестанно бьетъ и, сколько не почерпай, онъ все продолжаетъ источать воду и узнаютъ объ этомъ источникѣ далеко, далеко и приходятъ отовсюду почерпать изъ него воду. Такимъ живительнымъ ключемъ является и священникъ, проникновенно совершающій Божественную Литургію, и приходятъ къ нему издалеча почерпать воду живу,—благодать Духа Святаго.

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Воздержаніе - побѣдная пѣснь чистоты^{*)}.

Главная задача подвижника въ борьбѣ со страстями сводится къ тому, чтобы страсти непремѣнно были побѣждаемы и изгоняемы съ тѣмъ, чтобы, очистившись отъ нихъ, войти въ общеніе съ Богомъ¹⁾; а не нужно ограничиваться только тѣмъ, чтобы избѣгать поводовъ къ ихъ обнаруженію. Всѣ страсти не потѣму обнаруживаются въ человѣкѣ и происходятъ, что только во внѣ существуетъ какая-либо причина или, вѣрнѣе, поводъ къ нимъ, а потому, главнымъ образомъ, что корень ихъ внутри человѣка, въ самомъ сердцѣ скрыта какъ бы матерія грѣха, безъ которой и дурной примѣръ не можетъ произвести грѣха²⁾; да и грѣховнымъ считается не само дѣло по себѣ, а воля и намѣреніе. По этому страсти и нужно изгонять изъ глубины сердца, исцѣлить самый корень, иначе онѣ будутъ только прикрыты, а не истреблены, и при удобномъ случаѣ заявятъ себя снова еще съ большей силой, вырвутся на свободу какъ бы отстояшіеся кони³⁾. Вотъ почему и евангельское ученіе заповѣдуетъ пресѣкать корни пороковъ болѣе, нежели плоды, которые, по истребленіи корней безъ сомнѣнія никакъ уже не будутъ произростать⁴⁾. И такъ, говоритъ Преп. І. Кассіанъ, намъ надобно стараться лучше очистить наши пороки, исправить нравы. Если они будутъ исправлены, то не говорю съ людьми, даже и съ звѣрями и животными очень легко сойдемся. Ибо не убоимся отъ внѣ приходящихъ оскорбленій и никто со стороны не можетъ ввести насъ въ соблазнъ, если внутри насъ не будутъ насажены корни грѣховъ⁵⁾.

Грѣховныя наши страсти суть психическія состоянія и преимущественно факты проявленія нашей болѣзненной воли:

^{*)} См. „Г. Ц.“ м. Авг.—Сент. 1913 г.

¹⁾ Ин. Кас. Соб. 3; ²⁾ Тамъ же, кн. 9₁₆; 10₅. ³⁾ Ин. Кас. Соб. 18₃₈; кн. 8₁₇; Ефр. Спр. I₁₁₀. ⁴⁾ Тамъ же кн. 8₂₀; ср. Добр. II, 355, 54. ⁵⁾ Тамъ же, кн. 9₈.

отсюда и борьба съ ними, сосредоточиваясь въ области нашего духа, должна направляться къ *оздоровленію грѣховной воли*; къ освобожденію ея отъ самолюбія и эгоизма („самости“). Эта цѣль должна проходить красной нитью чрезъ весь періодъ борьбы подвижника. Цѣль борьбы—очищеніе живого родника (сердца), изъ котораго бьютъ постоянно струи мутной, зловонной воды, т. е.—достиженіе сердечной чистоты. По мнѣнію отцовъ - аскетовъ сердце признается основнымъ источникомъ и живымъ родникомъ всего какъ добраго, такъ и дурнаго въ религіозно-нравственной жизни человѣка. По словамъ Преп. Макарія Великаго „сердце“ является какъ бы „сосудомъ“, гдѣ сосредоточены „всѣ сокровища порока“, но, съ другой стороны, „тамъ Богъ, тамъ и Ангелы, тамъ жизнь и царство, тамъ свѣтъ и Апостолы; тамъ сокровища благодати, тамъ есть все¹⁾“; есть тамъ смерть, есть тамъ и жизнь; есть тамъ добрая и противная ей купля²⁾. Главное предназначеніе сердца, по мысли этого св. отца, быть чертогомъ Христа, но такъ какъ оно наполнено всякой нечистотою (страстями) и многими толпами лукавыхъ духовъ, то по этому надобно возобновить и перестроить его, приготовить внутреннія горницы и ложницы. Ибо Царь Христовъ съ Ангелами и святыми духами идетъ упокоиться тамъ, и пожить, и походить, и основать Свое Царство³⁾. Эта серьезная работа внутренней перестройки, по мысли того же св. отца, должна падать на долю „кормчаго“, какимъ у сердца является „умъ“⁴⁾ и „обличающая совѣсть“. Умъ и совѣсть „даютъ вразумленія и направленія сердцу, и усыпляютъ естественные помыслы, возникающіе въ сердцѣ⁵⁾. Такимъ образомъ, работа очищенія сердца производится дѣйствіемъ ума чрезъ направленіе ослабѣвшей грѣховной воли въ сторону добра, чрезъ приученіе ея къ добрымъ навыкамъ.

Общіе приемы и порядокъ борьбы могутъ быть опредѣлены на основаніи причинной зависимости между собою⁶⁾. Въ борьбѣ нужно переходить отъ предыдущихъ къ послѣдующимъ, ибо и всякое вредное древо, говоритъ Преп. І. Кассіанъ, толстое и высокое скорѣе завянетъ, если напередъ корни его, на которыхъ опирается, будутъ обнажены или высушены⁷⁾. И потоки вредной воды мало-по-малу пересох-

1) Бес. 43, 7; ср. 15, 30. 2) Тамъ же, 15, 30. 3) Бес. 15, 31. 4) Тамъ же. 5) Тамъ же. 6) Ин. Кас. Соб. V, 10. 7) Тамъ же.

нутъ, когда поражающій ихъ источникъ и проточныя жилы съ тщательною аккуратностію будутъ засыпаны. Посему, чтобы побѣдить уныніе, сначала надобно подавить печаль; чтобы прогнать печаль, прежде нужно подавить гнѣвъ; чтобы погасить гнѣвъ, надо попрать сребролюбіе; чтобы исторгнуть сребролюбіе, надобно укротить блудную похоть; чтобы подавить блудную похоть, должно обуздать страсть чревоугодія. И такъ, всѣ страсти, какъ отъ усиленія предыдущихъ рождаются, такъ уменьшеніемъ ихъ подавляются ¹⁾. Такимъ же образомъ поступать надо и съ остальными двумя страстями: чтобы истребить гордость, надо сперва подавить тщеславіе. Отсюда и понятно, что внутренняя борьба подвижника должна начинаться борьбою со страстью чревоугодія, а потомъ уже переходить къ борьбѣ съ другими пороками. А такъ какъ страсти блуда и чревоугодія относятся къ такъ называемымъ „тѣлеснымъ страстямъ“, а остальныя—къ разряду именуемыхъ „духовными“,—то естественно брань начинается со страстей тѣлесныхъ и именно съ *чревоугодія*. Основаніемъ—почему надо начинать съ чревоугодія, а не съ какой-либо духовной страсти—служитъ то соображеніе, что чревоугодіе, по мнѣнію отцовъ-аскетовъ, является корнемъ и источникомъ для другихъ страстей, а потому, не освободившись отъ этого порока, никакъ нельзя приступить къ внутренней борьбѣ съ движеніями и возмущеніями души ²⁾. Послѣдняго рода брань труднѣе и требуетъ, чтобы человѣкъ весь вошелъ внутрь себя, поэтому необходимо сначала покореніемъ плоти пріобрѣсти свободу, чтобы, освободившись отъ рабства плоти, уже безпрепятственно войти внутрь себя и заняться исправленіемъ чисто душевныхъ вредныхъ движеній. Сытому чреву нельзя вступать въ борьбу внутренняго человѣка, ибо нельзя сражаться съ сильнѣйшимъ тому, кто можетъ быть низлагаемъ въ болѣе легкомъ сраженіи ³⁾. Поэтому, каждый подвижникъ долженъ сперва одержать побѣду надъ своею плотію, которая отвлекаетъ умъ человѣка отъ духовныхъ предметовъ къ земнымъ, повергнуть ее какъ бы къ своимъ ногамъ и на этомъ основаніи вступить въ борьбу съ сильнѣйшими врагами ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ Кн. V, 13; 11. ³⁾ Тамъ же; ср. Нил. Син. Добр. II, 230, 12.

⁴⁾ Тамъ же, кн. V, 18; Ср. Іером. Феодоръ, 174.

По общему и согласному мнѣнію отцовъ-аскетовъ чревоугодіе врачуется *воздержаніемъ*, которое состоитъ и проявляется собственно въ томъ, что человѣкъ сознательно принятіе пищи допускаетъ не столько для удовольствія, сколько уступая непреодолимой потребности тѣла ¹⁾. Воздержаніе въ пищу однако должно быть благоразумное— „по силѣ своей,“ — т.-е. не такое, чтобы оно обезсиливало тѣло, а такое только, чтобы забота о плоти не переходила въ угожденіе похоти ²⁾. Забота о томъ не считается у отцовъ предосудительной—она необходима, потому что чрезъ небреженіе къ тѣлу человѣкъ можетъ потерять силу и быть не въ состояніи исполнить „необходимыя духовныя наши обязанности“ ³⁾. Пищу надо принимать столько, сколько потребно для поддержанія жизни, а не для удовольствія ⁴⁾; по этому, говоритъ Преп. Ниль Сорскій, каждый долженъ назначить себѣ такое *количество пищи*, которое можетъ поддерживать силы тѣла, служба не сластолюбію, а истинной нуждѣ ⁵⁾. Отцы подвижники въ заботѣ объ искорененіи страсти чревоугодія придавали важное значеніе и различали время, количество и мѣру пищи ⁶⁾. Преп. І. Кассіанъ говоритъ,— „не только качество пищи, но и количество разслабляетъ душу, возжигая въ ней, какъ и въ утучненной плоти, вредоносный, грѣховный огонь ⁷⁾. Конечно, всѣмъ одну мѣру назначить невозможно, потому что тѣла имѣютъ различныя степени въ силѣ и крѣпости, подобно мѣди, желѣзу, воску; впрочемъ, лучшею мѣрою считалась та, чтобы оставить пищу тогда, когда чувствуешь еще алканіе; такая мѣра сохранить душу и тѣло въ одинаковомъ состояніи и не попустить человѣку вдаться ни въ чрезмѣрный постъ, ни въ пресыщеніе подавляющее духъ. Плодомъ же ея бываетъ такая трезвенность, что человѣкъ иногда не чувствуетъ, или не помнитъ, что онъ вкушалъ пищу ⁸⁾. Что касается времени приема пищи (когда ее принимать), то была разная практика по разнымъ условіямъ

1) Тамъ же, кн. V, 7; 8; I. Лѣст. 14, 10; Добр. II, 566, 25, 28.

2) Тамъ же кн. V, 8.

3) Ин. Кас. кн. V, 8, 9; Ефр. Сир. III, 411; Григ. Син. Добр. V, 221.

4) Тамъ же. ⁵⁾ 52 стр.: Ср. Добр. 565, 25.

6) Θεод. Студ. Добр. IV, 224. 2; Ефр. Сир. III; Григ. Син. Добр. V, 221—222. ⁷⁾ Кн. V, 5 гл. ср. 20 гл.

8) Ниль Сор. 52—53; Григ. Син. Добр. V. 222; I. Кас. Соб. 2, 23.

жизни подвижниковъ. По общепринятому порядку, для лицъ не больныхъ, срокомъ вкушенія пищи считался вечеръ (по заходъ солнца), и вкушать полагалось одинъ разъ въ сутки¹⁾, а кто больше сего благорасположится оставаться безъ пищи, тому—добрая воля²⁾).

Выборъ для себя того или иного рода и качества пищи долженъ руководиться всецѣло глубокимъ благоразуміемъ. По словамъ Григорія Синаита, — „благоразумные и разсудительные понемногу вкушаютъ всякаго яства, какъ бы оно ни было вкусно и сладко: у нихъ нѣтъ того, чтобы одно избрать, другое отринуть, чрезъ это они—и Богу за все благодареніе воздаютъ и душу свою предохраняютъ отъ надменія. Немоцнымъ же (вѣрою или душею) полезнѣе воздержаться отъ нѣкоторыхъ яствъ, особенно сладкихъ, т.-е. имъ нравящихся³⁾. А для того, чтобы чревоугодіе ослаблялось, человѣкъ лучше „долженъ довольствоваться всякою пищею низшаго сорта“⁴⁾).

При этомъ, говорятъ отцы, необходимо принимать во вниманіе и то, кто какимъ обладаетъ здоровьемъ. Кто имѣетъ здоровое и крѣпкое тѣло, тому нужно утомлять его, какъ и чѣмъ только можно; а у кого тѣло немощно и недужно, тотъ давай ему нѣкоторое упокоеніе, да не вовсе изнеможетъ для дѣланія. Во время же искушенія тѣлу отъ врага наиболѣе требуется воздержаніе⁵⁾. Кто по причинѣ утружденія отъ путешествія или какого-либо тяжелаго дѣла окажется тѣлу своему нѣсколько снисхожденія и дастъ ему нѣчто болѣе, сверхъ обыкновенной мѣры, въ пищѣ ли то или въ питіи,—то это не зазорно и осужденія не заслуживаетъ, ибо онъ поступилъ такъ съ разсужденіемъ и по благословной надобности⁶⁾).

Итакъ, каждый подвижникъ въ борьбѣ со страстью чревоугодія въ вопросѣ необходимаго питанія своего тѣла долженъ управляться „благоразумной осторожностью“, чтобы не перейти должныхъ границъ, и, давая своему чреву пищу

1) Евагрій м. Добр. I, 597,10. 2) Ниль Сор. 53.

3) См. Ниль Сор. 53—54; Добр. V, 221—222; ср. I. Кас. кн. V, 23.

4) I. Кас. кн. V, 23; ср. Добр. 379, 19, 41.

5) I. Лѣст. 14, 10, 12.

6) Ниль Сор. 54—55; ср. Е. Спр. III, 411; Добр. II, 566; I. Кас. кн. V, 5 Добр. I, 597,10.

достаточную, удобоваримую, долженъ принимать ея столько, сколько то требуется для поддержанія жизни и для свободнаго упражненія въ духовномъ нашемъ добродѣланіи ¹⁾, такъ какъ сущность воздержанія состоитъ не въ томъ только, чтобы соблюсти время употребленія пищи, и не въ качествѣ только пищи, но прежде всего въ *разсудительномъ употребленіи* оной. Каждый долженъ поститься столько, сколько нужно для укрощенія плотской брани ²⁾. Такимъ образомъ постъ въ смыслѣ благоразумнаго воздержанія въ пищу признается основнымъ средствомъ въ борьбѣ съ чревоугодіемъ. Вообще же постъ, по ученію отцовъ-аскетовъ, какъ воздержаніе, не ограничивается одною только пищею, — онъ простирается и на сонъ, и на одежду, и на разговоры и на многое другое ³⁾. Говоря о постѣ, какъ воздержаніи въ пищу, отцы-аскеты предупреждаютъ подвижниковъ отъ неумѣренности въ немъ, боясь чтобы изъ-за неумѣреннаго воздержанія, сопровождаемаго разстройствомъ или слабостію тѣла, не было необходимости опять возвращаться въ землю Египетскую, т.-е. къ прежней страсти чревоугодія ⁴⁾. Только благоразумный „благоразумной разсудительностью“ постъ можетъ быть полезенъ подвижнику, неумѣреннымъ же постъ всегда приноситъ существенный вредъ и тѣлу и душѣ ⁵⁾. Не полезнымъ окажется для подвижника и тогда „постъ“, когда онъ для борющагося вмѣсто средства приобрѣсти чистоту становится самоцѣлью. Настоящее свое значеніе тѣлесный „постъ“ приобретаетъ постольку, поскольку онъ служитъ средствомъ достиженія поста духовнаго; мы должны знать, говорить Преп. І. Кассіанъ, что трудъ воздержанія тѣлеснаго мы подъемлемъ для того, чтобы этимъ постомъ можно было достигнуть чистоты сердца ⁶⁾. Поэтому одинъ тѣлесный постъ, говоритъ тотъ же св. отецъ, не можетъ быть достаточнымъ къ совершенству сердца и чистотѣ, если не будетъ съ нимъ соединенъ и постъ душевный ⁷⁾, который дѣлаетъ полезнымъ постъ тѣлесный.

Утвержденіе плоти должно соединяться съ сокрушеніемъ

1) Θεод. Студ. Добр. IV, 225, 2; I. Кас. кн. V, 9; I. Лѣст., 14, ₁₀.

2) I. Кас. кн. V, 9. 3) Варс. и Ин. Добр. II, 565, 25; Ср. I. Лѣст. 14, 33.

4) I. Кас. Соб. V, 18; ср. 41 ч.; Ефр. Спр. III, 412.

5) Ефр. Спр. III, 412; I. Кас. Соб. II, 22, 23. 6) Кн. V, 22.

7) Тамъ же, 21 гл.; ср. Θεод. Студ. Добр. IV, 512, 3.

духа, и тогда оно составит пріятнѣйшую Богу жертву и достойную обитель святости, ибо не столько тлѣнная плоть; сколько чистое сердце бываетъ храмомъ Божиимъ и жилищемъ Св. Духа ¹⁾. Слѣдовательно, постясь по внѣшнему человѣку, вмѣстѣ нужно воздерживаться отъ пищи и по внутреннему человѣку. Умъ нашъ, говоритъ Преп. І. Кассіанъ ²⁾, до того долженъ быть утонченъ не только постомъ, но и бдѣніемъ и чтеніемъ, сокрушеніемъ сердца о томъ, въ чемъ сознаетъ себя прельщеннымъ или побѣжденнымъ, то сокрушаясь отъ страха пороковъ, то воспламеняясь желаніемъ совершенства и непорочности, пока занятый такою заботою и размышленіями, не сознаетъ, что принятіе пищи допущено не столько для удовольствія, сколько послужило въ тягость ему и считаетъ ее болѣе необходимою потребностію тѣла, нежели возделѣнною душѣ. Занятые такимъ упражненіемъ ума мы скорѣе подавимъ сладострастіе плоти; обиліемъ слезъ и сердечнымъ плачемъ мы скорѣе истребимъ страсть объяденія и чревоугодія ³⁾.

И такъ, въ борьбѣ со страстью чревоугодія требуется двоякое упражненіе: тѣлесное и духовное, постъ тѣлесный и постъ духовный, т.-е. воздержаніе отъ грѣховъ, пороковъ и разсѣянности, соединенные съ сердечнымъ сокрушеніемъ ⁴⁾. Для того же, чтобы подавить самое чревоугодіе при воздержаніи въ пищѣ, нужно такъ стараться устроить свою жизнь, чтобы ни въ какое время не отвлекаться отъ духовныхъ занятій, ибо мы никакъ не можемъ презрѣть удовольствія настоящей пищи, если умъ, предавшись Божественному созерцанію, не будетъ больше услаждаться любовію добродѣтелей и красотю небесныхъ предметовъ ⁵⁾.

Въ качествѣ пособій при борьбѣ съ чревоугодіемъ отцы-аскеты совѣтуютъ: при вкушеніи пищи размышлять о томъ, что и праотець Адамъ, вкусивъ отъ запрещенной снѣди, ради невоздержанія своего, нашель вмѣсто жизни смерть; и что „оттолѣ даже и до нынѣ, многіе, поработившись чреву, пали и падаютъ велимъ паденіемъ ⁶⁾); при питіи — вспоминать оцетъ и желчь Владыки своего; сидя за столомъ, исполненнымъ снѣдей, представлять предъ мысленныя очи свои

¹⁾ Тамъ же. ²⁾ І. Кас. кн. V, 14; ср. Θεод. Студ. Добр. IV, 513, 4.

³⁾ Тамъ же. ⁴⁾ Кн. V, 25. ⁵⁾ Кн. V, 14. ⁶⁾ Виль Сор., 52 и Θεод. Студ. Добр. IV, 512, 3.

смерть и судъ,—и такимъ образомъ, говорить Преп. І. Лѣствичникъ, или пребудешь въ предѣлахъ воздержанія, или, по крайней мѣрѣ, возстенавъ, смиришь свой помыслъ ¹⁾. Закончимъ словами Преп. Нила Сорскаго: такъ побѣждай страсть чревообъяденія, употребляя пищу и питіе въ надлежащей мѣрѣ и въ надлежащее время ²⁾.

Борьба съ блудною страстію, по преданію отцовъ, болѣе другихъ продолжительная, постоянная, жестокая... Она начинается безпокоить человѣка съ перваго времени зрѣлости возраста и до старости. Великъ нашъ подвигъ въ борьбѣ съ духомъ блуднымъ и крайне труденъ—лють зѣло; ибо борьба эта обнимаетъ и душу и тѣло—все существо наше ³⁾. Поэтому намъ надо, помнить, что побѣдить этого духа мы можемъ только надѣясь на помощь Божію, а не на свои силы ⁴⁾. И такъ какъ нападеніе (діавола) бываетъ двоякое, т.-е. на тѣло и на душу, то и сопротивляться надо двоякимъ оружіемъ, т.-е. должны бороться и тѣло и душа ⁵⁾. Для борьбы съ блудомъ нужны почти тѣ же духовныя и тѣлесныя средства, какъ и для искорененія страсти чревоугодія,—тѣлесное воздержаніе и духовная бдительность ⁶⁾. Одного тѣлеснаго поста, говоритъ Преп. І. Кассіанъ, недостаточно для приобрѣтенія и сохраненія цѣломудрія, если не будетъ предшествовать сокрушеніе духа; потомъ продолжительное размышленіе о свящ. Писаніи, также трудъ и рукодѣліе, обуздывающее непрестанное блужданіе сердца, а прежде всего, если не будетъ въ основаніе положено истинное смиреніе, безъ котораго нельзя побѣдить никакого порока ⁷⁾. Кто тѣлесными трудами и потами ведетъ брань, тотъ подобенъ связавшему врага своего слабымъ вервиемъ; кто воюетъ противъ него воздержаніемъ и бдѣніемъ, тотъ подобенъ обложившему врага своего желѣзными оковами; а кто вооружается смиренномудріемъ, безгнѣвіемъ и жаждою, тотъ подобенъ убившему своего супостата и скрывшему его въ песокъ. Подъ именемъ песка разумѣй, говоритъ Преп. І. Лѣствичникъ, смиреніе, потому что оно не производитъ нажити для страстей, но есть земля и пепель ⁸⁾ Очевидно ду-

¹⁾ Сл. 14, 31, 18. ²⁾ 52 стр.

³⁾ Ниль Сор., 55. ⁴⁾ І. Кас. кн. VI, 5. ⁵⁾ І. Кас. кн. VI, 1.

⁶⁾ Тамъ же, кн. VI, 23; Соб. V, 4; Ср. Добр. II, 396, 114; 15; 117, 236, 25. ⁷⁾ Кн. VI, 1; І. Лѣст. 15, 77; 78. ⁸⁾ Сл. 15, 14; ср. 15 гл. 18, 40.

ховное врачество въ борьбѣ съ указаннымъ порокомъ состоитъ въ томъ, чтобы не допустить проникновенія въ сердце человѣка „плотолюбивыхъ помысловъ“, которые, нарушая непорочность сердца, ведутъ къ растлѣнію тѣла и оскверненію души ¹⁾). Для этого прежде всего весьма полезны *покой и уединеніе*, чтобы больная этой страстью душа, не тревожилась различными образами, легче могла истребить возбужденіе плоти ²⁾). Предметы, когда ихъ не видятъ, говоритъ Преп. Исаакъ Сиринь, производятъ легкое и едва ощутительное движеніе; а предметы, когда ихъ видятъ, возбуждаютъ страсти близостию, питаютъ ихъ, какъ елей питаетъ горѣніе свѣтильника ³⁾)—поэтому отцы-аскеты настойчиво совѣтуютъ сохранять себя отъ собесѣдованія съ женщинами и отъ взора на нихъ ⁴⁾), такъ какъ слово женщины, какъ тонета въ сердцахъ (Притч. 7,₂₁) и выслушавшаго оно влечетъ къ скверному смѣшенію ⁵⁾), а взоръ ея—ядовитая стрѣла, ранитъ душу и вливаетъ въ нее ядъ ⁶⁾). Опаснымъ весьма является для цѣломудрія даже образъ женщины хранить въ себѣ долго ⁷⁾), поэтому, когда придетъ на умъ мысль о женщинѣ, надо спѣшить скорѣе выгнать ее изъ сердца, иначе она можетъ вызвать согласіе на сластолюбіе и на самое дѣло ⁸⁾). И пока, говоритъ тотъ же св. отецъ, сильный духъ нашъ, будучи вооруженъ, охраняетъ домъ свой страхомъ Божиимъ, ограждая входы сердца своего, то будетъ въ безопасности и все имущество его, т.-е. добродѣтели, приобретенныя долгимъ временемъ ⁹⁾). При всемъ этомъ надо избѣгать прикосновенія къ тѣлу женщины, и даже своего въ сокровенныхъ частяхъ, ибо можно осквернить тѣло и однимъ осязаніемъ. Всегда надо помнить того, говоритъ І. Лѣствичникъ, который обвинилъ руку свою краемъ одежды, когда несъ престарѣлую свою мать ¹⁰⁾). Все вниманіе въ борьбѣ съ блудною страстію должно направляться къ тому, чтобы окончательнымъ удаленіемъ „нечистоты блудной“ *достичь чистоты тѣла*, его невинности; такъ, чтобы плоть уже не противи-

¹⁾ Добр. II, 281, 27. ²⁾ І. Кас. кн. VI, 3, Соб. V, 4. ³⁾ Добр. II, 737, 243. ⁴⁾ Ниль Сор. 58; Добр. II, 594, 120; 234, 6; 8,₁₀. ⁵⁾ Добр. II, 388, 92; 86. ⁶⁾ Добр. II, 246, 6. ⁷⁾ Тамъ же. ⁸⁾ Кн. VI, 13. ⁹⁾ Тамъ же. ¹⁰⁾ Сл. 15, 50; ср. Феод. Студ. Добр. IV, 101, 3.

лась внушеніямъ души, но подчинялась бы своему правителю—духу ¹⁾).

При этомъ условіи душа возобладаетъ тѣломъ, и подчинитъ его себѣ, и сама она просвѣтится—чистота тѣла родитъ чистоту духовную ²⁾). Но такая чистота тѣла немислима одна безъ чистоты сердца и только чрезъ посредство ея пріобрѣтается ³⁾). Исправленіе порока блуда главнымъ образомъ зависитъ отъ усовершенія сердца; слѣдовательно, сначала надобно очищать сердце, въ которомъ находится источникъ жизни и смерти ⁴⁾), исторгнувъ самый корень похоти изъ сердца своего ⁵⁾); ибо цѣломудріе и чистота, говоритъ Преп. Нилъ Сорскій, не ко внѣшнему только житію относятся, но обителію цѣломудрія долженъ быть потаенный сердца челоувѣкъ, соблюдающій себя отъ скверныхъ помысловъ ⁶⁾). Отсюда, конечно, понятно, что преимущественное вниманіе подвижника въ борьбѣ съ этой страстію должно быть обращено не столько на внѣшніе подвиги (сами по себѣ), сколько разумѣется на то, чтобы душа, всегда будучи занята Божественными размысленіями и духовными упражненіями, воздерживалась отъ порока и тѣмъ могла бы взойти на самый верхъ истинной непорочности ⁷⁾), т.-е. достигъ чистоты сердца и цѣломудрія. Ибо совершенно иное значить быть только воздержаннымъ и иное быть чистымъ и, такъ сказать, притти въ расположеніе непорочности и невинности ⁸⁾). Цѣломудръ не тотъ, говоритъ Преп. Исаакъ Сиринъ, въ комъ, во время борьбы, труда и подвига, прекращаются срамные помыслы, но тотъ, кто истинностью сердца своего уцѣломудриваетъ зрѣніе ума своего, не позволяя ему простираться къ непотребнымъ помысламъ ⁹⁾). Послѣднее необходимо предполагаетъ непорочность самой души и образованіе въ ней противоположныхъ порокамъ расположеній, тогда какъ при первомъ можетъ остаться грѣховное услажденіе, но только не допускаться ¹⁰⁾). Отсюда борьба съ блудомъ должна носить характеръ чисто внутренній и совершаться не столько при посредствѣ средствъ чисто внѣшнихъ, сколько внутреннихъ; внѣшнія упражненія являются необходимыми постольку, по

¹⁾ I. Кас. кн. VI, 2; Добр. II, 392, 103. ²⁾ Ант. Вел. Добр. I, 43, 50.

³⁾ I. Кас. Соб. кн. VI, 12. ⁴⁾ Тамъ же кн. VI, 2. ⁵⁾ Добр. II, 389, 119; ср. Добр. IV, 136, 4. ⁶⁾ Стр. 55. ⁷⁾ I. Кас. кн. VI, 2. ⁸⁾ Тамъ же 4 гл. ⁹⁾ Добр. II, 646, 7. ¹⁰⁾ I. Кас. Соб. 12, 10.

скольку они служатъ пособіемъ къ борьбѣ съ названною страстію. Необходимыми пособіями къ искорененію страсти блуда по мнѣнію отцовъ-аскетовъ являются: „во-первыхъ часто и трезвенно молиться, а потомъ представлять владычество уму и чистой мысли, не произносить безчинныхъ словъ, несообразныхъ съ благоговѣйнымъ устроеніемъ духа, въ той увѣренности, что Господь есть непогрѣшительный Судія. Внимательность ума и ожиданіе суда уничтожатъ внутреннее щекотаніе и изсушить усиливающуюся похоть; и въ таковой душѣ произойдетъ тишина (улягутся похотливыя движенія¹⁾. Лучшимъ средствомъ для этого, по мнѣнію Антонія Великаго, является страхъ Божій²⁾. По мнѣнію Преп. Ефрема Сирина блудъ истребляется Божественною любовію и влеченіемъ къ будущему³⁾. Что касается средствъ и пріемовъ чисто внѣшнихъ, то всѣми отцами-аскетами единогласно признается одно общее для двухъ страстей средство — *воздержаніе*, касающееся не одной только пищи, но простирающееся также и на все вообще, что такъ или иначе, препятствуетъ богоугодной жизни⁴⁾. Впрочемъ, говоритъ Преп. І. Кассіанъ, мы должны знать, что хотя мы соблюдали всю строгость воздержанія, именно: голодъ, жажду, бдѣніе, постоянный трудъ, и съ неослабнымъ усердіемъ занимались чтеніемъ; однакожь, посредствомъ этихъ подвиговъ мы не можемъ пріобрѣсть постоянную чистоту цѣломудрія, если, постоянно упражняясь въ нихъ, по руководству опыта не дознаемъ, что чистота подается по милости благодати Божіей. Всякій пусть знаетъ, что онъ долженъ неутомимо упражняться въ этихъ подвигахъ только для того, чтобы ради скорби ихъ приклонивъ милосердіе Божіе, удостоиться, по божественному дару, освободиться отъ брани плоти и господства преобладающихъ страстей, а пусть не надѣется, что будто онъ самъ собою посредствомъ ихъ (т.-е. поста, бдѣнія, чтенія и проч.) получить ненарушимую чистоту тѣла, который желаетъ. А для пріобрѣтенія цѣломудрія долженъ воспламеняться такимъ желаніемъ и любовію, съ какимъ жадный корыстолюбецъ желаетъ денегъ, честолюбецъ — высшихъ почестей, или увлекаемый нестерпимую любовію къ красивой женщинѣ съ невыносимымъ жаромъ хо-

1) Добр. II, 390, 95; ср. гл. 71, 76, 83, 98, 100. 2) Добр. I, 91, 152.

3) III т. 398. 4) Ефр. ср. III, 411; Добр. I, 613, 71; I. Кас. кн. VII, 23.

четь исполнить свое желаніе. Отъ того бываетъ, что когда мы воспламеняемся ненасытнымъ желаніемъ всегдашней непорочности, то пренебрегается и возжелѣнная пища, необходимое питье бываетъ противно, наконецъ самый сонъ, требуемый природою, отгоняется, или по крайней мѣрѣ, какъ коварный оболститель цѣломудрія и какъ равнинный противникъ чистоты, допускается боязливымъ и подозрительнымъ умомъ; и такимъ образомъ всякій по утру, испытавъ свою непорочность, радуется о сохранившейся у него чистотѣ и сознаетъ, что онъ приобрѣлъ ее не своимъ стараніемъ и бдѣніемъ, а покровительствомъ Божиимъ, и понимаетъ, что она столько будетъ пребывать въ его тѣлѣ, сколько Господь дастъ по своему милосердію. Кто пострянно имѣетъ такую увѣренность, тотъ не думая о себѣ высоко, не полагается на свою добродѣтель, не обольщаясь долгимъ отсутствіемъ нечистаго истеченія, не предается обманчивой обезпеченности, зная, что онъ тотчасъ будетъ оскверненъ истеченіемъ нечистой влаги, если хоть немного отступитъ отъ него покровительство Божіе. Потому для продолженія покровительства онъ со всеѣмъ сокрушеніемъ и смиреніемъ сердца неослабно прилежитъ молитвѣ ¹⁾. Такимъ путемъ подвига внутренняго и внѣшняго человекъ можетъ соблюсти тѣло свое чистымъ во Святыню Спасителю, и не постыдивъ души своей дѣлами чуждыми, пребыть благоугоднымъ Господу. А, возненавидѣвъ дѣла гнусныя и постыдныя, онъ принесетъ себя самого въ жертву живую благоугодную Господу ²⁾; и воспоетъ ему побѣдную пѣснь чистоты, какъ нѣкогда оныя евангельскія цѣломудренныя дѣти ³⁾.

Въ борьбѣ съ чревоугодіемъ и блудомъ подвижникъ долженъ заботиться путемъ внѣшняго воздержанія о подчиненіи себѣ плоти, а путемъ внутренняго сокрушенія и духовной бдительности надъ самимъ собою онъ долженъ стремиться къ охраненію ума и сердца отъ вторженія дурныхъ помысловъ и расположеній при условіи смиренія ⁴⁾, ибо всѣ страсти отражаются отъ самолюбія, а самолюбіе истребляется любовію и смиреніемъ ⁵⁾. Тѣ же самыя начала должны быть проводимы и при борьбѣ со страстями душевными, гдѣ отъ подвижника потребуется побѣждать пороки, услаждающіе

¹⁾ Соб. 12. 4. ²⁾ Добр. II, 391, 98. ³⁾ I. Лѣст. 15, 78. ⁴⁾ I. Кас. кн. VI, 1, 18 и др. ⁵⁾ Ефр. Спр. 1, 329.

только одну душу. Борьба духовная начинается бранью со страстію *сребролюбія*.

Уже говорилось раньше, что сребролюбіе совершенно чуждо и несвойственно нашей природѣ¹⁾. Начинается оно часто съ простой мысли о необходимости хотя небольшой суммы денегъ, мотивированной кажущейся нуждой. (Это подробно раскрыто у Преп. І. Кассіана кн. VII, 7—11).

По этому ясно, что въ борьбѣ съ сребролюбіемъ главное состоитъ въ томъ, чтобы не допустить въ свое сердце вожделѣнія даже и мелкой монеты. Истинная побѣда надъ сребролюбіемъ и вообще вещелюбіемъ состоитъ въ томъ, чтобы не только не имѣть, но и не желать никакихъ стяжаній²⁾; такъ какъ никакой пользы не принесетъ намъ неимѣніе денегъ, если самое желаніе денегъ останется въ насъ³⁾. Конецъ этой страсти полагается полной нестяжательностію⁴⁾, подъ которымъ разумѣется „добровольная рѣшимость довольствоваться малымъ⁵⁾“. Для этого подвижнику нужна прежде всего добродѣтель *терпѣнія*, которая исходитъ отъ истиннаго смиренія⁶⁾. При этой добродѣтели человекъ и долженъ стараться быть доволенъ всегда всякимъ своимъ состояніемъ, и отчуждаться не только золота, серебра и имѣній, но всякихъ вещей, кромѣ нужныхъ для употребленія—обуви, келліи, посуды и орудій для рукодѣлія; и это все долженъ стараться имѣть немногочѣнное, неукрашенное, удобно пріобрѣтаемое и не соединенное съ какими-либо заботами и безпокойствомъ⁷⁾. Конечно, имѣть нѣкоторое имущество и попеченіе о немъ не запрещается, ибо „не имѣть попеченій свойственно душѣ совершенной“; запрещается только сокрушеніе себя заботами о стяжаніи, и распространеніе этого попеченія о тѣлесномъ на цѣлую жизнь въ ущербъ заботамъ о будущемъ⁸⁾. Здѣсь необходимо соблюдать благоразумную мѣрность. Мѣрой пріобрѣтенія должна служить потребность тѣла⁹⁾, а не чувство любостяжанія.

Иеромонахъ **Николай**.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

¹⁾ І. Кас. кн. VII, 1. ²⁾ Ниль Сор, 60. ³⁾ І. Кас. кн. VII, 21. ⁴⁾ Тамъ же: 24, 28; ср. Добр. II, 389, 125. ⁵⁾ Добр. II, 243, 29; ср. І. Лѣст. 17, 1—4. І. Кас. кн. VII, 31. ⁶⁾ Ниль Сор. 59; Добр. II, 241, 24. ⁷⁾ Добр. II, 242, 27. ⁸⁾ Тамъ же 28 гл. ⁹⁾ І. Лѣст. 17, 5.

Изъ личныхъ духовныхъ переживаній и воспоминаній *).

Я подхожу къ тому воспоминанію, которое досего дня не поддавалось перу, и никакой формулировкѣ. Мы наканунѣ праздника Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Обычно мы собирались съ дѣтьми ко всенощной. Не помню, кто изъ нашихъ пошелъ въ церковь, и пошелъ-ли. Я у постели больного. Изъ нашего окна видны окна собора. Огни зажжены, видны головы молящихся; можно различить и самое богослуженіе. Я невольно подхожу къ окну—меня влечетъ къ храму. „Сходи, мама, ко всенощной, поставь свѣчу Иконѣ Матери Божіей, помолись около этой иконы и скорѣе приходи домой“, раздается съ постели голосъ больного. „Икона въ иконостасѣ съ лѣвой стороны“, продолжаетъ сынъ, и далѣе слѣдуетъ подробное описаніе расположенія всѣхъ другихъ иконъ, чтобы по нимъ найти и эту, и меня удивляетъ, какъ подробно знаетъ онъ внутренность собора. Въ это время слышится второй звонъ, и сынъ не менѣе подробно описываетъ данный моментъ и весь ходъ совершаемаго богослуженія. Я спѣшу въ церковь. По его указанію нахожу икону, ставлю передъ ней свѣчу, опускаюсь на колѣни, и слезы помимо воли хлынули изъ глазъ. Передо мною трѣхлѣтній Ребенокъ—Отроковица, поднимающаяся по приступкамъ къ Святой Святыхъ храма...—„О, Пресвятая! Какъ Тебя нѣкогда посвятили Богу, прими и сына моего въ посвященіи моемъ!“ „Возьми, возьми его!“ захлебываясь слезами, молю я не словами, а какимъ-то внутреннимъ чув-

*) См. Г. Ц. окт. м.

ствомъ, какъ бы не доходящимъ до сознанія... И вдругъ, средь самой пламенной молитвы, какъ молніей въ сознаніи освѣщаетъ смыслъ моихъ словъ—я съ ужасомъ вскакиваю на ноги—„Господи, о чемъ же я прошу?“ Почти опрометью кинулась я изъ церкви. Мнѣ больше почувствовалось, чѣмъ понялось, что душой я просила для сына того, чего не могла бы допустить мыслью, того наибольшаго посвященія сына Богу, которое порвало бы всѣ узы съ его земной жизнью. Моя душа, въ моментъ высшаго молитвеннаго состоянія, словно постигла то, чего больше всего, тоже быть можетъ безотчетно, желалъ самъ сынъ мой и чего, въ высшемъ проникновеніи любви, могла лишь просить я для него, жертвуя всѣми своими самыми великими земными чувствами материнства. Это былъ ужасный моментъ, потому что душа почувствовала то, чего не могло хотѣть сознаніе, чему противилось все мое существо, желавшее только удержать около себя сына, вырвать изъ страшныхъ рукъ смерти, которая какъ-то почуялась тогда же, хотя мыслями я еще въ то время такъ далека была отъ возможной близости ея.

Сегодня, когда пишу эти строки, праздникъ Введенія во храмъ Божіей матери повторился со дня того памятнаго мнѣ праздника въ тринадцатый разъ. Каждый годъ ожиданіе его и самый праздникъ воскрешаютъ всѣ воспоминанія, которыя шагъ за шагомъ возстаютъ съ живостью и во все послѣдующее время вплоть до вечера 1-го января, когда сынъ отошелъ въ вѣчность. Въ нихъ смѣшеніе мукъ сердца отъ вновь остро ощущаемаго горя потери и какой-то неизъяснимой радости отъ того возвышеннаго постиженія духовной жизни, въ которую ввелъ меня своею жизнью и смертью сынъ. Съ этимъ непередаваемымъ смѣшеніемъ чувствъ, съ трепетомъ сердца каждый разъ ожидаешь за всеобщей ночью Введеніе перваго Рождественскаго пѣснопѣнія... Если кому приходилось бывать въ мѣстности, гдѣ провелъ дѣтство или гдѣ сильно что-нибудь пѣреживалось, тотъ испытать, какъ каждый знакомый кустикъ, каждая тропинка, каждый пригорокъ, напоминаютъ и съ живостью будятъ все пережитое, подъ часъ какъ будто и забытое... Такъ и время—каждый день изъ моментовъ сильнаго переживанія въ прошломъ, оно ведетъ по всѣмъ подробностямъ воспоминаній, оно оживляетъ и то, что, казалось, стало ступшеываться,

заслоняться иными впечатлѣніями, иными событіями дальнѣйшей жизни. Наступленіе Николинаго дня, день именинъ Коли, ожиданіе Рождественскихъ праздниковъ и наступленіе ихъ,—это тѣ родные кустики, пригорки, по которымъ улавливаешь, что было здѣсь тогда, въ тѣ памятные дни. И промежуточныя тропинки—все воскрешаетъ въ памяти прежнее, все освѣщаетъ раны наболѣвшаго сердца, все пробуждаетъ мысли и чувства, выросшія на этихъ переживаніяхъ тогда. За всенощной, подѣ нынѣшній праздникъ въ безмолвномъ преклоненіи я остановилась передъ описанной здѣсь дорогой моему сердцу Иконой Богоматери въ Палашовской церкви съ чувствомъ глубочайшей благодарности, что удалось мнѣ воспроизвести на бумагѣ свои самыя заветныя воспоминанія, и мнѣ показалось, что Лики Богоматери и Божественнаго Младенца на Ея рукахъ были особенно свѣтлы и лучезарны на этотъ разъ и какъ-то нѣжно прозрачны. Сегодня же у обѣдни я была въ одной изъ тоже нѣрѣдко теперь посѣщаемыхъ мною церквей, и тамъ услышала такую проповѣдь, которая всколыхнула всю мою душу и своей необычайной глубиной вскрыла въ ней самыя глубокіе тайники и тѣмъ дала возможность написать о той сокровенной молитвѣ въ этотъ памятный для меня праздникъ, о которой никакъ не умѣла выговорить раньше, потому что и самой мнѣ только сейчасъ она стала вполнѣ понятной.

Однако перехожу къ прерванному разсказу.

Ужасна была его болѣзнь и какъ то сразу испугала его—словно понялъ онъ, что уже не встанетъ. И если жизнь его была глубоко осмыслена, то болѣзнь вся была полна какого-то таинственнаго значенія, которое лишь послѣ его смерти стало во многомъ понятнымъ.

Болѣзнь сразу приняла тяжелый и серьезный оборотъ. На четвертый, кажется, день ея уже наступило осложненіе въ почкахъ, а затѣмъ вторичное высыпаніе, которое кончилось гнойнымъ зараженіемъ крови. Коля былъ въ высшей степени терпѣливъ, и только однажды у него вырвалось восклицаніе: „Истрадался я весь, бѣдняжка!“ Онъ болѣлъ шесть недѣль. За это время часто переходилъ въ бредовое

состояніе, и тогда онъ говорилъ подъ часъ такія вещи, отъ которыхъ невольный ужасъ морозомъ пробѣгалъ по тѣлу. Онъ говорилъ о садѣ, въ которомъ онъ долженъ спать одинъ на морозѣ, просилъ поднять его оттуда, отнести домой—онъ былъ похороненъ на тѣнистомъ кладбищѣ, и его могила вся была заросшая деревьями. Онъ все собирался домой, требовалъ, чтобы шире, настезь растворили двери крыльца, иначе онъ не можетъ пройти; и чтобы не забыли его узелочка. Я не могла понять, о какомъ узелкѣ говорить онъ—мы вообще не имѣли обыкновенія связывать вещи въ узлы. Когда его потомъ выносили черезъ настезь растворенныя двери, я вспомнила этотъ бредъ, при видѣ маленькаго узелочка съ кутьей въ рукахъ кого-то изъ провожавшихъ.

Всѣхъ вспоминалъ онъ во время своей ужасной болѣзни. Много нѣжной любви выражалъ онъ сестрамъ, но особенно волновался и тревожился, когда былъ въ бреду, за маленькаго брата, который былъ и крестникъ его. „Брата, брата берегите“, вскакивая и волнуясь говорилъ онъ: „смотрите—онъ одинъ убѣждалъ, больной, безъ шапки! скорѣе ловите его, приведите, не оставляйте одного!“

Маленькій братъ былъ всегда предметомъ его не по возрасту серьезныхъ попеченій—онъ любилъ его какъ брата, и свято чтилъ свои христіанскія обязанности въ отношеніи его, какъ крестный отецъ, чего я собственно въ нашей обыденной жизни, признаться, и не встрѣчала. „Мама, дай мнѣ обѣщаніе, что будешь всегда нѣжна съ братомъ, что всегда будешь оберегать его ото всего вреднаго, будешь слѣдить за всѣмъ, чтобы онъ не испортился, не приучался ни къ чему дурному“, говорилъ онъ уже сознательно и до, и во время болѣзни. Онъ любилъ мечтать, какъ будто вмѣстѣ со мною слѣдить за его воспитаніемъ. Онъ и вообще мнѣ очень помогалъ съ меньшими дѣтьми, потому что очень слѣдилъ за ними и очень горячо и любовно убѣждалъ ихъ, если они дѣлали не то, что слѣдуетъ. Въ бреду онъ волновался и просилъ и за тѣхъ нищихъ и убогихъ, которыхъ раньше посѣщалъ, Ему мерещился пожаръ, и что сгорѣла землянка, гдѣ жилъ убогій мальчикъ, пользовавшійся его особенными попеченіями. Онъ ужасался и за птенцовъ, корыхъ однажды въ его присутствіи выбросилъ изъ гнѣзда.

одинъ крестьянскій мальчикъ, не смотря на всѣ его просьбы— онъ волновался за птенцевъ, и едва ли не еще больше за жестокаго мальчика, убѣждая меня простить Адрияшу, потому что вѣдь у него нѣтъ мамы, и ему не понять, какое отвратительное зло дѣлаетъ онъ.

Но вотъ однажды Коля въ изнеможеніи сталъ тихо умолять кого-то. „Прости, прости!“—Ты ничего дурного не сдѣлалъ мнѣ, родной, въ чемъ же просишь ты прощенія?“— „Ахъ не тебя, мама! Я Христа молю—прости, такъ тяжело страдать въ аду“.—„Но за что же, родной, ты будешь тамъ страдать?“ едва сдерживая слезы, спрашиваю я, „вѣдь ты такъ любишь Христа, и Онъ не пошлетъ тебя въ адъ“.— „Не я, не я. Иуда страдаетъ тамъ. Такъ тяжко въ аду!.. Прости его!“—„И мнѣ тяжко въ аду“, уже совсѣмъ измученнымъ голосомъ прибавляетъ онъ. Его муки дѣйствительно могли напоминать адскія мученія, и Коля вспоминаетъ, о томъ, кому, казалось, нѣтъ прощенья и нѣтъ исхода отъ этихъ мукъ—онъ ощутилъ это своимъ любящимъ сердцемъ, понимая своими страданіями. При взглядѣ на моего бѣднаго мальчика, мнѣ казалось, что страданія Юва были ничтожны въ сравненіи съ его мученіями. Все лицо и руки его были покрыты гноемъ, запекшейся густою кровью, которой не было возможности отчистить, потому что, постоянная скоплявшаяся, густая, липкая, она крѣпко приростала къ кожѣ почти на всемъ лицѣ и рукахъ. Также и тѣло трескалось и выпускало цѣлые потоки крови и гноя. Когда случалось прочистить мѣстечко на лицѣ или на рукахъ и поцѣловать это чистое мѣстечко, глаза его начинали сиять такимъ счастьемъ и благодарностью, словно за одну эту ласку, какъ выраженіе любви, онъ готовъ благославлять и самыя страданія. Помню, когда онъ былъ еще очень маленькій, и едва умѣлъ держать въ рукахъ ложку, онъ любилъ самъ ѣсть манную кашу, и это была невообразимая пачкотня, которой онъ не позволялъ мнѣ противиться. Въ самый разгаръ пачкотни онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я его поцѣловала. Это былъ не капризъ, и не требованіе, а такая ласковая просьба, выраженная почти въ шаловливой, но въ то же время настойчивой формѣ, что. отказать было невозможно; онъ говорилъ всегда при этомъ—„Если любишь, мама, тебѣ не должно быть противно“. И теперь, когда, вмѣсто манной

каши, лицо было покрыто запекшейся кровью и ужаснымъ гноемъ, и когда, не смотря ни на что, я цѣловала его, эта счастливая улыбка однихъ только глазъ, потому что губы не могли раздвигаться, говорила мнѣ—„тебѣ не противно, мама, потому что ты любишь меня, и я безгранично счастливъ!“ И мнѣ вспоминалась манная каша, и его шаловливыя требованія доказательства моей любви.

Но вотъ сумракъ ужаснаго исхода болѣзни надвигается все больше. Больной мальчикъ говоритъ мнѣ тихо: „Мама, мнѣ страшно, я чувствую, что кто-то долженъ умереть“. Иногда онъ вдругъ дѣлался косноязычнымъ и тогда говорилъ много и очень спѣшно, но никто не могъ понять его. Иногда становился совершенно глухимъ и безучастнымъ. Въ такія минуты я давала волю слезамъ, и, припавъ на колѣни къ его кровати, тихо, про себя, начинала молиться Богоматери, но каждый разъ при обращеніи къ Ней передъ моимъ внутреннимъ зрѣніемъ вырастала высокая фигура Ея въ темной одеждѣ и всегда быстро отъ меня удаляющаяся—я видѣла Ее только взадъ, сперва совсѣмъ близко отъ себя, а потомъ быстро отдаляющуюся. Это такъ было поразительно, что, не отдавая себѣ отчета, я каждый разъ вскрикивала—„Куда же Ты, Благословенная!“ И ужасъ овладѣвалъ мною, продолженіе молитвы было бесполезно, потому что каждый разъ все та же фигура вырастала и отдалялась. И это была не галлюцинація и не видѣніе—я видѣла это, хотя ясно, но какъ-то внутри себя. Замѣчательно, что и Коля каждый разъ, когда я начинала молиться о его выздоровленіи, становился безпокоенъ, метался и стоналъ, словно его лишали воздуха и причиняли еще большія страданія. Иногда, когда онъ бывалъ въ бреду, я пробовала давать ему его образокъ Скорбящей Божіей Матери, надѣясь, какъ и прежде, привести его этимъ въ себя, облегчить болѣзнь, но, взявши образокъ, онъ уже не узнавалъ и не цѣловалъ его, а быстро, быстро начиналъ вертѣть, осматривая со всѣхъ сторонъ, словно искалъ чего-то, чего ужъ въ немъ не было—образокъ словно представлялся ему пустымъ, ничего не содержащимъ.—Она ушла отсюда, зная, что въ скоромъ времени онъ долженъ предстать передъ Нею въ иномъ мірѣ.

Онъ опять сталъ звать маму, но не бурно, какъ въ той лихорадкѣ, а въ какомъ то раздумьѣ—„позовите маму“.—„Я

мама, мой родной“, говорила я едва сдерживая слезы.— „Нѣтъ, не ту, другую маму, маму другую позовите“. Думали, что онъ зоветъ старшую сестру, крестную мать свою, но онъ какъ то въ раздумьѣ отвѣчалъ—„Да, крестную“, и бралъ ее за руку, но что-то соображалъ, и чувствовалось, что не то ему нужно. На мои сѣтованія, что какую-то другую маму зоветъ, онъ говорилъ мнѣ—„Да, мать одна, одна мать“, и снова раздумье, и снова—„Маму, другую маму позовите“. Не передать, какую болью это отзывалось въ моемъ сердцѣ. И только много времени спустя послѣ его смерти мнѣ пришло въ голову, что, быть можетъ, онъ звалъ Ту, Которую любилъ такую чистою вѣрующей душой, Которую привыкъ всегда чувствовать вблизи себя, и Которая теперь временно покинула его, чтобы встрѣтить тамъ, въ заоблачномъ Царствѣ Своего возлюбленнаго Сына, куда и мой сынъ стремился всей своей дѣтской душой.

И много еще подробностей, которыя въ воспоминаніяхъ цѣнны сердцу матери, могла бы я рассказать о дорогомъ сынѣ моемъ, но не все и уловимо, не все и поддается описанію. Не могу удержаться, чтобы не рассказать объ одномъ письмѣ, написанномъ мнѣ сыномъ года за два до его смерти. Я уѣзжала въ Москву и на этотъ разъ не брала Колю съ собой. Онъ очень тосковалъ и очень озабоченно усѣлся мнѣ писать письмо, еще до моего отъѣзда. Я старалась убѣдить его, что не стоить мнѣ писать, потому что я такъ мало времени пробуду въ Москвѣ, что не успѣю даже получить его.—„Ахъ, мама, вѣдь я и не буду посылать тебѣ его, я отдамъ здѣсь, пока ты не уѣхала, потому что другого я тебѣ ничего не могу написать—это письмо, которое я всегда пишу тебѣ, и которое всегда, и только это одно, можешь получать отъ меня“. Меня немного удивилъ такой оборотъ рѣчи, но я не придавала тогда этому большого значенія. Онъ принесъ мнѣ письмо и просилъ, чтобы я никогда его не теряла. Вотъ какое это было письмо: „Мама, милая, крѣпко тебя цѣлую. Коля“. Около помѣтки числа былъ большой кляксъ—это слеза, налитая чернилами, и около клякса надпись—„Мама, капля Колиной слезы“. Наверху наклеена картинка, изображающая двухъ ласточекъ, вьющихся другъ около друга.

У Коли было очень много картинокъ и очень хорошихъ, и меня удивило, почему онъ выбралъ именно эту, которая была съ виду неважная. Онъ часто потомъ выражалъ мнѣ свою ласку словами этого письма—разбѣжится съ протянутыми еще издали руками и крѣпко обниметь со словами: „Мама, милая, крѣпко тебя цѣлую. Коля“, и такая ласковая, сіяющая любовью улыбка. При нашемъ переѣздѣ въ городъ, лежащій на противоположномъ берегу Оки отъ того имѣнія, гдѣ мы жили, онъ очень былъ озабоченъ, чтобы письмо его не пропало. Это было въ годъ его смерти.— „Смотри, не потеряй его—вѣдь это письмо, которое я всегда пишу тебѣ“. Послѣ его смерти и первыхъ минутъ отчаянія, моей первой заботой было найти письмо, которое я всегда получаю отъ моего незабвеннаго мальчика. И эти двѣ ласточки... онѣ говорятъ мнѣ о нашей постоянной съ нимъ духовной близости, не смотря на вещественную, матеріальную разлуку. Я не думала тогда, что онъ выбиралъ эту картинку по содержанію.

Коля умеръ, когда ему исполнилось 9 лѣтъ, въ день своего рожденія и въ день смерти маленькой сестры своей, съ которой не довелось одновременно жить на землѣ—они соединились въ иномъ мірѣ, тѣла же ихъ покоятся подъ общимъ цвѣтущимъ могильнымъ холмомъ, а на общемъ крестѣ ихъ, такимъ образомъ, три раза повторяется число—1-е января. Излишнимъ будетъ говорить, что испытываю я теперь во дни Рождественскихъ праздниковъ и въ день Новаго года, когда воспоминанія о дорогихъ дѣткахъ и ихъ страданіяхъ съ такой силой всплываютъ въ душѣ.

Предвидя уже очевидно неизбежную потерю сына, я говорила себѣ и окружающимъ, что я этого не [вынесу], что я чувствую, что это свыше моихъ силъ, и что безъ него я уйду изъ дома—куда? я и сама не знала; но умъ мой не мирился съ возможностью продолжать безъ него прежній образъ жизни—казалось, что надо итти, итти безъ цѣли куда-то, потому что нѣтъ безъ него мѣста, не на чемъ остановиться, все содержаніе жизни вырвано, вѣра должна быть утрачена, потому что только имъ она держалась. Церковь, иконы—все опустѣетъ, какъ опустѣла та иконка, отъ которой Богоматерь только что отошла. Безъ Коли, я это чувствовала, вся одухотворенность храма для меня пропадетъ.

Но вышло не совсѣмъ такъ, какъ думалось. Прежде всего, когда скончался нашъ Коля, глубокое горе охватило всю семью такъ сильно, что мнѣ невольно пришлось подавить свое личное горе и призвать всю энергію, чтобы вынести на своихъ плечахъ потрясающую неутѣшность отца и остальныхъ дѣтей, еще полубольныхъ и слабыхъ. Я какъ-то не представляла себѣ, что это такъ будетъ, пока еще теплилась дорогая жизнь, и пока еще все мое вниманіе было сосредоточено въ ней и въ глубокомъ ощущеніи лишь своего надвигающагося горя. Теперь оказалось, что на время пришлось забыть о себѣ, а уйти и невозможно было, пока сынъ былъ еще здѣсь, пока неутѣшное горе около него, переставшаго уже страдать, проявлялось неудержимыми слезами отца, пока любовь остальныхъ дѣтей выражалась то въ такой непреодолимой тоскѣ и глубинѣ чувствъ, съ какой меньшая сестра, лучший другъ его, не отходила отъ умершаго брата и даже на ночь уснула, склонивъ около него голову.

Но вотъ опустѣла наша квартира, и куда же уйти отъ собственного горя? Чего искать безъ него, моего дорогого сына, который наполнялъ собою и своими интересами весь мой внутренній міръ? Съ уходомъ его все опустѣло въ моей душѣ... Онъ хотѣлъ быть священникомъ, онъ любилъ церковь, и меня потянуло туда, гдѣ мы молились вмѣстѣ. Потянуло къ священнику, чтобы излить передъ нимъ свою душу, сказать, что въ ней стало пусто, что безъ Коли я не умѣю ни молиться, ни видѣть того, что видѣла раньше черезъ призму его любви и вѣры; что я не знаю, зачѣмъ и какъ молиться за него, такъ какъ умѣю только бояться смерти и бѣжать отъ всего, что напоминаетъ ее. Отецъ Л., который зналъ всю нашу семью и понималъ глубину нашего горя, съ большимъ участіемъ выслушивалъ меня. Онъ не говорилъ мнѣ словъ утѣшенія, но, съ болью за меня въ сердцѣ, выражалъ сожалѣніе, что я не могу понять того, что сынъ мой живъ, и что ничего не произошло собственно такого, что внесло бы существенную перемѣну въ моей внутренней жизни, такъ какъ духовная связь не порывается съ матеріальной разлукой, а, зачастую, еще болѣе крѣпнетъ, не поддаваясь условностямъ и испытаніямъ здѣшней жизни. Но какъ достигъ этого и какъ молиться? Онъ совѣ-

товаль пока безъ пониманій, механически слѣдовать его совѣту, который заключался въ томъ, чтобы дѣлать какъ можно больше во имя сына, и то, что онъ любилъ. Онъ говорилъ, что, быть можетъ, это на первое время будетъ вносить въ сердце большую горечь, какъ запоздалое вниманіе тому, кто уже не можетъ притти и оцѣнить дѣлаемаго. Но чтобы я пересилила въ себѣ это ложное, какъ я потомъ пойму, чувство, и что въ непродолжительномъ времени я увижу, какой это дастъ результатъ, и тогда сама найду въ своемъ сердцѣ молитву. Пока же онъ совѣтуетъ слѣдить лишь мыслью за установленной церковной молитвой, хотя бы сердце мое и не участвовало въ ней. Я безприкословно послѣдовала этимъ совѣтамъ—своего, все равно, я ничего тутъ не могла бы придумать. Да если куда и влекло меня теперь, такъ только въ церковь и на могилку. Каждый ударъ колокола мнѣ говорилъ о томъ, что сынъ мой ждетъ, чтобы я скорѣе шла въ храмъ. Мнѣ думалось, что онъ или прислушивается съ заоблачнаго міра къ нашимъ моленіямъ и старается различить среди молящихся и меня, или невидимо присутствуетъ здѣсь, и непременно въ алтарѣ, особенно во время пѣнія херувимской, когда священникъ молится съ воздѣтыми руками, и во время совершенія Таинства Преосуществленія Даровъ.

Заутреня начиналась въ 5 часовъ, и первый же ударъ колокола заставлялъ меня торопливо одѣваться—я боялась опоздать къ началу службы—мнѣ казалось, что мой сынъ тревожится—приду ли я?

Было темно въ зимнее холодное утро, когда приходилось итти къ заутренѣ. Я вспоминала, какъ по этой дорожкѣ до церкви шли мы съ Колей вдвоемъ, и онъ, зная мое плохое зрѣніе, слѣдилъ, чтобы я не оступилась и указывалъ дорогу. Мнѣ какъ то странно было первое время въ церкви безъ него. Но что за нужда, что иконы уже не одухотворялись какъ при немъ?—Онъ любилъ ихъ, и я чтילה эту священную память. Я ставила свѣчи, прикладывалась къ иконамъ, которыя цѣловалъ мой мальчикъ; я прислушивалась къ богослуженію, съ которымъ молитвенно сливался мой сынъ. Заупокойныя молитвы, которыя я такъ не любила прежде, стали вносить въ мою душу нѣчто примиряющее, и глубокий смыслъ ихъ становился все доступнѣе. Мнѣ постепенно

стало уясняться, что свиданіе съ сыномъ для меня становится возможнымъ въ церкви и вообще во время молитвы, когда она овладѣваетъ всей душой, и когда наступаетъ тотъ моментъ, въ который Христось, по слову Своему „Я въ васъ и вы во Мнѣ“, объединяетъ въ Себѣ души всѣхъ вѣрующихъ безъ различія времени и разстояній. Тогда и мы съ Колей сходимся въ этомъ вѣчномъ Источникѣ Жизни, гдѣ никто не умираетъ. И я стала домогаться этихъ моментовъ возможно чаще. Съ ними незамѣтно возвращались ко мнѣ молитвенные навыки, которые когда-то, въ раннемъ дѣтствѣ, были такъ беззавѣтны и непосредственны.

Л. Пребстингъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Чѣмъ можно воскресить Русскій Народъ.

(Тамбовскія Пятиримовскія торжества¹⁾).

IV.

Но.. вотъ раздался мощный призывъ протодіакона: „*Двери, двери премудростию вонмемъ*“, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ; вся эта живая многоголовая масса огласилась общимъ, чрезвычайно стройнымъ пѣніемъ: „*Върую*“.

Чувствовалось во всемъ воздухѣ, во всей природѣ, что то неизмѣримо глубокое, неизмѣримо сильное, неизмѣримо могучее.

Вотъ эта же толпа запѣла: „*Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимъ Ти ся Боже нашъ*“. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, опустили на колѣни.. и, какъ много сказали въ это время въ душѣ каждому изъ молящихся эти слова: „*и молимъ Ти ся Боже нашъ*“!..

Многіе проливали въ этотъ великій моментъ обильныя слезы того молитвеннаго восторга, который охватываетъ върющую душу въ моментъ наивысшаго ея общенія съ Господомъ Богомъ въ молитвенномъ возношеніи къ Нему.

Да, это была та молитва, которая навсегда запечатлѣется въ сердцахъ людей, участвовавшихъ въ ней.

Я не могу увѣренно сказать, кто за послѣдніе годы реставрировалъ у насъ въ Россіи древній обычай совершенія Богослуженія подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ; но, мнѣ кажется, испытанный на себѣ обаяніе этой молитвы, не только здѣсь, въ этомъ мірѣ, но и тамъ, въ загробномъ

¹⁾ Окончаніе. См. „Г. Ц.“. Октябрь.

своёмъ существованіи, будетъ благословлять имя этого человѣка.

Я знаю лично по себѣ, а затѣмъ, интересуясь этимъ вопросомъ, спрашивалъ о впечатлѣніи этого рода Богослуженія у тысячи людей. И всѣ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о томъ, что ничто такъ не объединяетъ, ничто такъ не живо-творитъ человѣческую душу.

Ничто такъ не обновляетъ религіозные порывы и міро-созерцаніе.

Ничто не создаетъ того мощнаго молитвеннаго единодушія, которое именно только лишь одно и можетъ противостоять всѣмъ міровымъ катаклизмамъ, катастрофамъ и потрясеніямъ, какъ эта форма молитвы.

Не даромъ люди далекихъ эпохъ прибѣгали къ общественнымъ молебствіямъ на открытомъ воздухѣ и неизмѣнно всегда отражали надвигавшіяся на нихъ несчастія. Чудеснымъ путемъ парализовали направленные на нихъ дѣйствія силъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ ихъ, и черпали въ этихъ молитвахъ непоколебимую энергію, неотразимую силу и глубокую вѣру.

Да, если бы въ это время увидалъ нашу Русь нашъ врагъ, онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, понялъ бы, какъ силенъ нашъ народъ и какъ много должны значить великія слова Выразителя этого народа, его Царя и Божія Помазанника: „Великъ Богъ земли русской“,

Страшно великъ.

Неизмѣримо великъ.

И великъ, главнымъ образомъ, въ умѣнни русскаго народа находить Его въ трудные моменты въ молитвенномъ единеніи, вкупѣ со своими братьями на общественномъ богослуженіи...

Послѣ „запричастнаго“, чудную по мысли и глубокою по содержанію, проповѣдь произнесъ священникъ, о. Павелъ Мальцевскій.

Особенно красивы и глубоки были тѣ мѣста проповѣди, гдѣ о. Павелъ приглашалъ маловѣрующихъ и невѣрующихъ измѣнить свою точку зрѣнія на оцѣнку православія, перенесъ ее съ неправильнаго метода базировать на немощахъ и слабостяхъ многихъ современныхъ членовъ Церкви, на методъ справедливой и благоговѣйной оцѣнки тѣхъ великихъ подвижниковъ, которые, какъ Святитель Питиримъ; столѣ-

тіями, и даже тысячелѣтіями живутъ въ человѣческихъ душахъ, укрѣпляютъ, исцѣляетъ, возстановляютъ ихъ и духовно благотворять имъ.

Тѣ золотыя слова, которыя были сказаны этимъ проповѣдникомъ: „не по нашимъ немощамъ, не по нашимъ грѣхамъ и ошибкамъ цѣните святое Православіе, а вотъ по этимъ столпамъ и оплотамъ его, какъ великій нынѣ прославляемый Святитель Питиримъ, который на протяженіи 200 лѣтъ привлекалъ, и по нынѣ привлекаетъ къ себѣ ищущую правду душу истинно вѣрующаго православнаго христіанина“, сказанныя съ рѣдкимъ подъемомъ духовно слившейся съ проповѣдникомъ толпѣ, должны огненными буквами запечатлѣться въ душахъ тѣхъ маловѣрныхъ и слабовѣрующихъ, которые привыкли критиковать нашу родную религію не по духу ея и не по внутреннему содержанію, а именно по немощи и слабости нѣкоторыхъ современныхъ намъ членовъ Церкви, въ слѣпомъ невѣдѣніи упуская простую жизненную истину, что случайные уроды въ семьѣ не могутъ служить оцѣнкой для всей этой семьи, и что даже среди малочисленной семьи апостоловъ, окружавшихъ Господа нашего Иисуса Христа, былъ такой индивидуумъ, какъ Иуда-предатель, но это ни чуть не помѣшало тому чудному росту, тому пышному расцвѣту христіанства, которое, выросши изъ двѣнадцати первыхъ носителей его, охватило собою весь міръ...

Насколько велико было вниманіе молящихся и къ этой службѣ, и къ этой чудной проповѣди, можно судить по тому, что появившіеся было то тутъ, то тамъ въ толпѣ молящихся всевозможные калѣжки и убогіе съ своимъ заунывнымъ причитаніемъ, были останавливаемы самими молящимися...

Въ то же время въ нижней церкви соборнаго храма, гдѣ почиваютъ мощи прославляемаго Святителя, совершалась торжественная литургія мѣстнымъ архіепископомъ Кирилломъ въ сослуженіи съ епископами: Василіемъ Черниговскимъ, Амвросіемъ Михайловскимъ, Варлаамомъ Гомельскимъ, Тихономъ Уральскимъ, Зиновіемъ Козловскимъ, со многими, спеціально пріѣхавшими на торжество архимандритами и игуменами, среди которыхъ мы видѣли архимандрита Веніамина, ректора Тверской Духовной семинаріи, архимандрита Иннокентія, завѣдующаго Александро-Николаевской церковной школой и Шведской могилой въ Полтавѣ, Самарскаго архи-

мандрита Анатолія, архимандрита Іпатія Вышинскої пустыни, игумена Серафима Бѣлгородскої пустыни Пермскої губерніи и многихъ другихъ.

Описываемая нами поздняя литургія отличалась особенной торжественностью и особеннымъ подъемомъ духа.

Намъ приходилось видѣть много торжественныхъ богослуженій, но рѣдкое изъ нихъ оставляло такое глубокое впечатлѣніе, какъ эта литургія.

Прежде всего замѣчательно сильное и захватывающее впечатлѣніе производитъ своимъ богослуженіемъ самъ архіепископъ Кириллъ.

Обладая сильнымъ и чрезвычайно красивымъ теноровымъ баритономъ и произнося всѣ богослужебные возгласы съ какою то, только лишь ему одному свойственной проникновенностью, этотъ великій рабъ Божій своими возгласами приковываетъ къ ходу Богослуженія самую разсѣянную, самую неумѣющую сосредоточиться душу, находящуюся въ храмѣ.

Кромѣ того, обладая прекраснымъ даромъ слова, онъ удивительно умѣло и своевременно пользуется имъ.

Достаточно сказать, что за время этой литургіи онъ пять разъ говорилъ прямо захватывающія проповѣди, изъ которыхъ особенно глубокой слѣдъ оставила въ душѣ слушателей первая, на тему: „Проклять всякъ человекъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ“.

Затѣмъ остальные разы архіепископъ выступалъ со словомъ: первый разъ послѣ евангелія, когда въ многотысячной толпѣ вдругъ сразу раздался необыкновенный шумъ и говоръ.

Здѣсь онъ выступилъ, какъ грозный обличитель, призывая всѣхъ къ немедленному порядку и благочинію.

И удивительное дѣло рѣчь мастистаго іерарха моментально сдѣлало то, что не въ силахъ; кажется, была воспроизвести самая идеальная организованная полицейская власть.

Мгновенно водворилась такая поразительная тишина, что, казалось, былъ слышенъ полетъ мухи.

И эта тишина продолжалась вплоть до окончанія литургіи.

Слѣдующая рѣчь его имѣла подробное объясненіе предстоящаго посвященія въ чинъ діакона, съ самымъ точнымъ изъясненіемъ всѣхъ. пѣснопѣній, всего порядка чина этого посвященія.

Причемъ все это передавалось въ красивыхъ образныхъ выраженіяхъ, закончившихся приглашеніемъ молящихся принести свою молитву къ престолу Всевышняго за „посвящаемаго раба Божія Алексѣя“.

Всю обѣдню пѣлъ знаменнымъ распѣвомъ специально организованный Владыкою Кирилломъ для этихъ торжествъ хоръ изъ 160 человекъ псаломщиковъ, причетниковъ и діаконовъ Тамбовской епархіи.

Хоръ этотъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ подготовлялся къ торжествамъ подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ Московской Синодальной капеллы.

И что это за хоръ.

Что это за пѣніе.

Только познакомившись съ этимъ пѣніемъ и въ такомъ исполненіи, какое было здѣсь, можно понять, почему среди истовыхъ любителей духовнаго пѣнія въ Россіи такъ опредѣленно стремленіе къ возстановленію у насъ на Руси нашихъ прежнихъ, старыхъ напѣвовъ и желаніе совершенно ликвидировать, такъ называемое „партесное“ пѣніе.

Я глубоко увѣренъ, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ торжествахъ не будетъ въ состояніи забыть эту изумительную по силѣ, мощи и красотѣ духовную музыку.

Въ этотъ мотивъ и въ это пѣніе былъ вложенъ весь укладъ истоваго русскаго православія, давно забытой старины, умиляющаго душу богомоленія и таинственной, чудной пустынной иноческой аскетической жизни.

Думавшіе и молившіеся на этихъ торжествахъ подъ звуки этой мелодіи испытывали рѣдкую полноту души отъ переживаемыхъ психическихъ ощущеній.

Въ каждой тихой мелодіи, въ каждомъ „*pianissimo*“ этого своеобразнаго колорита, слышались то скорбь наболѣвшей души, то первые шаги, еще полные тревожнаго сомнѣнія, неувѣренности начинающейся молитвы.

То отдаленное рыданіе гдѣ то.. тамъ „въ тайникахъ“ души.

То безпредѣльная скорбь и беспомощность.

Но вотъ все въ болѣе и болѣе расширяющихся, захватывающихъ „*crescendo*“ аккордахъ растетъ увѣренность молящагося, и наконецъ какъ то мгновенно, молніеносно развертывается въ пышный разцвѣтъ безграничной, смѣлой вѣры, и высоко поднимаетъ вашу душу.

Невольныя слезы восторга и радости льются изъ вашихъ глазъ.

Вы чувствуете, что этотъ мощный аккордъ въ одно мгновение охватилъ и всѣ ваши, и всѣхъ молящихся съ вами, молитвенныя чувства; объединилъ, спаялъ, и, стремясь подъ куполь храма, вознесъ ихъ, за молитвы святого угодника Питирима, къ Творцу всей вселенной.

И у васъ легко, свободно, отраднo на душѣ.

Вы какимъ то другимъ чувствомъ, много выше, нѣмъ ваше сознание, поняли, что ваша молитва принята.

И въ то же время вы сердцемъ невольно постигли и смыслъ общей молитвы и силу великой Христовой Православной Церкви, и ея непоколебимость, непозыблемость, неустрашимость.

Великое дѣло, благодаря мудрымъ заботамъ и попеченію архіепископа Кирилла, сдѣлало это пѣніе въ эти дни великихъ торжествъ среди молящихся.

Можно смѣло и увѣренно сказать, что здѣсь *молились* всѣ, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

По окончаніи литургіи была совершена панихида передъ ракою прославляемаго Святителя, а потомъ долженъ былъ выйти крестный ходъ на колодезь Святителя, для освященія воды и самага колодезя.

Необходимо замѣтить, что этотъ колодезь находится внизу большого обрыва, и, если бы двинулась къ нему вся эта масса народа, то можно было бы ожидать много очень неприятныхъ и грустныхъ послѣдствій, но и это устранила мудрая распорядительность архіепископа.

Передъ самымъ началомъ крестнаго хода, онъ вышелъ къ народу съ послѣдней рѣчью, въ которой просто, коротко и убѣдительно разъяснилъ присутствующимъ,—какое участіе они должны принимать въ этомъ крестномъ ходу, дабы не произошло какого нибудь несчастія.

И вся эта разношерстная, въ огромномъ большинствѣ мало интеллигентная масса съ рѣдкою бережностію и осторожностію двинулась за нашей русской, излюбленной народомъ процесіей крестнаго хода.

Великое дѣло, когда во главѣ народной массы стоитъ лицо, понимающее эту массу и имѣющее власть надъ ея душою!..

V.

Въ пять часовъ вечера, по мѣстному времени, 27 іюля гулко пронесся по Тамбову первый ударъ, красиво вибрирующаго въ воздухѣ, благовѣста въ Казанскомъ монастырѣ и, минуто спустя, весь Тамбовъ огласился торжественнымъ звономъ ко всеобщему бдѣнію.

По улицамъ Тамбова длинными вереницами потянулись къ нерасходившейся еще отъ обѣдни народной массѣ на соборной площади, мѣстные богомольцы.

И, какъ въ огромное море головъ, непрерывными потоками, красивыми ручьями сливались въ эту толпу все новыя и новыя головы.

Только что окончивъ лекцію, которую я читалъ въ этотъ день въ Тамбовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на тему: „Значеніе святыхъ Православной Христіанской Церкви въ жизни современнаго человѣка“, по прибытіи въ соборъ, я отправился на колокольню, дабы оттуда видѣть всю эту движущуюся массу.

Картина была непередаваемая.

Все это время народъ шелъ безъ конца и прекрасно организованная полицейская стража, состоявшая изъ большихъ нарядовъ пѣшей и конной полиціи въ высокой степени толково и разумно распредѣляла подходящую массу на двѣ группы: одну, имѣющую билеты на право входа въ соборъ, которыхъ, какъ говорили въ народѣ, было выдано 1200 лицамъ, пропускали въ одну сторону, а остальныхъ—на обтянутую канатомъ площадь.

Длинные шеренги союзниковъ, съ трехцвѣтными лентами на правыхъ рукавахъ, помогали поддерживать этотъ порядокъ, которому, безъ преувеличенія говоря, могли бы позавидовать наши столичныя полицейскіе органы.

И до чего стройно, хорошо, благоговѣйно держала себя вся эта многочисленная народная масса нужно было удивляться въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

Не было ни малѣйшаго безпорядка, ни какихъ либо выраженій протеста, неудовольствій, словомъ ничто не нарушало благоговѣйнаго настроенія молящихся.

Можно смѣло было сказать, что „Духъ Божій царилъ“ надъ всѣмъ этимъ благоговѣйнымъ собраніемъ.

Богослуженіе имѣло совершаться: въ нижнемъ храмѣ собора, гдѣ помѣщаются мощи Святителя; на соборной площади, въ описанномъ выше павильонѣ, и въ верхнемъ храмѣ собора.

Передъ началомъ всенощнаго богослуженія старѣйшіе священнослужители, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Петроградскаго митрополита, Владыки Владиміра, возглавлявшаго торжество открытія мощей Святителя Питирима, вынесли опечатанный гробъ съ мощами Святителя на середину собора, поставили его на первую каѳедру, ближе къ амвону, на углахъ которой помѣщались четыре возжженныхъ свѣчи, а по бокамъ стали по два діакона съ трикиріемъ и дикріемъ.

Необходимо замѣтить, что въ этихъ двухъ торжественныхъ богослуженіяхъ, то есть во всенощномъ бдѣніи сегодняшняго дня и во время литургіи завтрашняго, возглавляютъ эти два богослуженія мощи Святителя Питирима, такъ что первоприсутствующимъ на нихъ является, какъ бы самъ, Святитель.

Поэтому въ оба богослуженія на первой каѳедрѣ поставляются мощи Святителя, а на второй находятся сослужащіе съ нимъ митрополитъ и епископы.

Началась всенощная во всѣхъ сказанныхъ выше мѣстахъ ровно въ 5 съ половиною часовъ.

До поліелея служба отправлялась въ честь празднуемой 28 числа иконы Смоленской Божіей Матери.

Послѣ первой каѳизмы произнесъ чудное слово о жизни и значеніи Святителя Питирима въ исторіи русской христіанской Церкви Владыка Василій, епископъ Черниговскій.

Въ красивой, чрезвычайно доступной по формѣ изложенія, спокойной рѣчи епископъ подробно охарактеризовалъ историческую связь и вліяніе Святителя на западную Россію и въ частности на Черниговскую губернію, представителемъ которой епископъ Василій являлся въ данный моментъ.

Свою рѣчь архипастырь закончилъ трогательнымъ привѣтствіемъ прославляемаго Святителя отъ всей Черниговской паствы.

Мудрый администраторъ, высокоуважаемый архіепископъ Кирилль, согласно составленнаго имъ, спеціального чина церковныхъ Тамбовскихъ торжествъ, издалъ распоряженіе чтобы, всенощное бдѣніе сегодняшняго дня, совершалось,

не только въ верхнемъ, нижнемъ—храмахъ собора, на площади, но и во всѣхъ приходскихъ храмахъ Тамбова, съ *такимъ расчетомъ*, чтобы начало полиеля вездѣ совпало со временемъ его въ нижнемъ храмѣ собора...

Наступилъ чудный моментъ.

Отворились Царскія врата. Моментально весь храмъ озарился возжженными свѣчами паникадилъ и возжженными свѣчами въ рукахъ богомольцевъ.

Зажглись эти свѣчи всѣми богомольцами сначала въ храмѣ, а потомъ, какой то неземной стружкой, вышли эти святые огоньки изъ храма, и начали вспыхивать восковыя свѣчечки на всей площади.

На середину храма вышли всѣ священнослужители, во главѣ съ Владыкою Митрополитомъ.

Дивный, звучный, точно голосъ небожителя, раздался серебристый теноръ канонарха: „Хвалите имя Господне“.

Грянулъ мгновенно захватывающій и душу, и сердце хоръ знаменнаго распѣва.

Вылетѣлъ наружу изъ дверей и отворенныхъ оконъ храма, подхватился опустившеюся на колѣни многотысячною толпою на площади и полился, потекъ широкой, необъятной волною по всему Тамбову.

Казалось въ этотъ моментъ все слилось въ одинъ молитвенный вопль.

Казалось, хвалили Всемогущаго Господа не только живыя душа этого счастливаго града, но и каждое зданіе, каждое деревце, каждый кустикъ; и падающія сумерки съ тверди небесъ, съ начинавшимися, то тутъ, то тамъ вспыхивать яркими звѣздочками, поистинѣ „внимали той пѣснѣ святой“.

Да это былъ моментъ, который не умереть ни въ одной изъ душъ, переживавшихъ это великое мгновение.

А тѣмъ временемъ, гордость нашей Россіи, смиренный, великій служитель Божій, еле оправившійся отъ перенесенной тяжелой болѣзни, смиренный, любвеобильный Святитель Православной Церкви, митрополитъ Владиміръ, съ какимъ-то трогательнымъ свыше вдохновеннымъ благоговѣніемъ, троекратно обходилъ вокругъ гроба со святыми мощами, совершая надъ ними казденіе.

И мгновенно, во всемъ храмѣ, во всей толпѣ окружающей храмъ и на площади, съ прекращеніемъ пѣнія „Хвалите“, водворилась мертвая тишина.

Казалось все притаило дыханіе въ ожиданіи чего то великаго; чего то необычайнаго, неземнаго, грандіознаго.

Эта пауза, не смотря на то, что она длилась около двухъ, трехъ минутъ, была чрезвычайно торжественна на почвѣ всѣхъ этихъ переживаній.

Трегуляевскій Тамбовскій монастырь.

Въ это время святѣйшему митрополиту Владиміру подали на особомъ блюдѣ ножницы. Онъ срѣзалъ шнуръ, опечатывавшій гробъ, шесть священнослужителей подняли крышку гроба, понесли ее въ алтарь предѣла, и всѣ, кто былъ въ храмѣ, и священнослужители, и пѣвчіе, и народъ, и всѣ находящіеся на площади, какъ будто по мановенію жезла, стройно трогательно запѣли „Величаемъ ты, Святителю Отче Питириме, и чтемъ святую память Твою“.

А затѣмъ гробъ со святыми мощами въ преднесеніи свѣтильниковъ, хоругвей, святыхъ иконъ, тронулся западными дверями наружу, кругомъ храма.

Начался крестный ходъ.

Передъ самымъ гробомъ съ мощами несли келейную икону Святителя Питирима, Богоматери Девпетерувскія; затѣмъ икону Тамбовской Божіей Матери, данную Святителемъ Питиримомъ въ благословеніе городу Тамбову.

Каждая икона шла въ сопровожденіи двухъ діаконовъ съ рипидами и двухъ діаконовъ съ трикиріемъ и дикиріемъ, затѣмъ слѣдовали святыя мощи несомыя архимандритами и протоіереями.

За гробомъ слѣдовали, во главѣ съ преосвященнѣйшимъ митрополитомъ, сослужащіе ему архіереи.

Во время крестнаго хода, само собою разумѣется, шло непрерывное пѣніе всѣхъ находящихся и въ крестномъ ходу, и вокругъ храма.

И все это покрывалось звономъ всѣхъ церковей Тамбова.

Благодаря прекрасно организованному наблюденію полиціи и союзниковъ, порядокъ во время крестнаго хода былъ изумительно образцовый.

Когда же, моментами, приходилось прислушиваться къ настроенію и отдѣльнымъ замѣчаніямъ толпы, то, кромѣ молитвенныхъ, орошаемыхъ обильными слезами, возношеній, какая глубокая благодарность слышалась по адресу и Высокопреосвященнѣйшаго Кирилла, и Святѣйшаго Синода, сохранившихъ это торжество, въ наступившее тяжелое переживаніе въ нашей странѣ.

Нѣтъ, велико еще на святой Руси православіе.

Твердо, крѣпко и незыблемо.

И если многіе изъ насъ, обманываемые мищурой внѣшнихъ впечатлѣній, когда видѣли штурмъ Святой Православной Церкви ея врагами и не наблюдали яркихъ выступленій народной защиты ея,—съ грустью приходили къ выводу объ упадкѣ Православія, то только здѣсь мы увидали, какъ не правы мы были въ этомъ отношеніи.

Мы упускали изъ виду, что отличительная коренная черта православія, — это **смирненіе, долготерпящая и всепрощающая любовь.**

Но стоитъ только всколыхнуться этой великой мощной духовной силѣ православнаго русскаго народа; стоитъ только широкимъ яркимъ заревомъ вспыхнуть его внутренней, таящейся, бережно охраняемой имъ въ лампадахъ его сердець Святой Православной вѣрѣ, чтобы засвидѣтельствовать всему міру, всей вселенной, что эта великая стихійная сила, не раздѣлена, не раздроблена на мелкія безсильныя особи, не спитъ, что это то же, что и всѣ, Богомъ созданныя мощныя

силы природы, въ свое время можетъ показать себя во всей своей красотѣ, во всей своей нерушимой цѣлостности.

Это та сила, возглавляемая нашимъ Спасителемъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, которая въ потенціальной формѣ всегда и неизмѣнно живетъ въ нашей церкви и, благодаря которой, эту самую церковь, и этотъ самый народъ, членовъ этой церкви, непоколеблеть, не только какая нибудь, горделивая, забывшая завѣты Христа и Бога, земная держава, но даже и „врата ада“...

Вознесенскій женскій монастырь.

Возвратился крестный ходъ.

Святые мощи поставлены на прежнее мѣсто, посрединѣ собора.

Владыка митрополитъ прочиталъ евангеліе отъ Іоанна, и затѣмъ началось поклоненіе святымъ мощамъ, сначала священнослужащихъ, а затѣмъ богомольцевъ.

И потянулось это поклоненіе до конца всеобщаго бдѣнія, во время котораго благословлялъ все время молящихся неутомимый архіепископъ Кириллъ и наблюдалъ за порядкомъ въ храмѣ его ближайшій викарный епископъ.

А по окончаніи всеобщаго ихъ мѣста замѣнили, назначенные для этого очередные священнослужители и до ранняго утра слѣдующаго дня потекла длинная, узкая вереница паломниковъ приложиться къ дорогой святынь.

Я на нѣсколько времени задержался послѣ всенощной, для того, чтобы, съ благословенія Господа Бога еще больше запечатлѣть въ своей душѣ тѣ дивные штрихи, которыми такъ богаты эти, столѣтіями совершающіяся событія.

Какъ жаль мнѣ было въ этотъ моментъ тѣхъ нашихъ интеллигентовъ, которые, стараясь жить разумомъ совершенно игнорируютъ то, что даетъ такъ неизмѣримо много сердцу.

Какъ жаль мнѣ было нашу хорошую, юную, здоровую молодежь, которая старается держаться въ сторонѣ отъ такихъ торжествъ, считая ихъ нужными и полезными только лишь для „простого народа“.

И какъ счастливъ нашъ русскій простой народъ, наша сѣрая сермяжная Русь, наши многострадальныя деревенскія женщины, матери и жены, собирающія послѣднія крохи, послѣднія гроши, для того, чтобы отдохнуть у святыхъ мощей преподобенькаго; для того, чтобы вылить передъ его святыми мощами всю свою грусть, тоску безпредѣльную, всю свою скорбь беззавѣтную. Для того, чтобы набраться и новой силы для дальнѣйшей жизненной борьбы, для непоколебимаго, для желѣзнаго, для неуязвимаго противостоянія, жизненнымъ невздамъ. **Даромъ, безвозмездно** получить ту легкую, спокойную, непроницаемую броню вѣры и радужной надежды на грядущіе миръ на землю и благоволеніе въ человѣческія сердца.

Вѣдь жизнь, какъ бы она не была счастлива, съ мірской точки зрѣнія, не всегда и не у всѣхъ проходитъ, какъ яркая красивая картинка.

Я не говорю уже объ ужасныхъ историческихъ, потрясающихъ буряхъ.

Я не говорю уже о такихъ міровыхъ катаклизмахъ и катастрофахъ, какъ народныя бѣдствія, война, моръ, голодъ.

Нѣтъ, я возьму самое обычное явленіе жизни.

Переходъ черезъ ту завѣтную грань, откуда начинается старость, разочарованіе въ людяхъ, сплошь и рядомъ въ наше время—въ самыхъ близкихъ друзьяхъ, въ женахъ, въ мужьяхъ, въ дѣтяхъ, въ своей собственной семьѣ.

Когда мучительное одиночество вытѣсняетъ изъ человѣческой души,—въ особенности изъ души далеко отошедшей отъ методовъ и способовъ ея питанія на святыхъ укладахъ

церковности,—благодатное Православіе; когда человѣкъ автоматически подходит къ опредѣленію: безцѣльности жизни, существованія обидной и яркой своей бесполезности въ этомъ жалкомъ мірѣ; когда нахлынувшая тоска стискиваетъ грудь, болѣзненно сжимаетъ сердце, и мучительное отчаяніе тяжелымъ молотомъ стучитъ во всю человѣческую сущность.

О, какъ дороги, какъ святы, какъ благословенны, въ моменты указанныхъ переживаній, такія событія, какъ описанное нами торжество, которое даетъ намъ наша Святая Православная Церковь!

О, какъ мы должны благодарить ее за нихъ.

О, какъ счастливъ бываетъ тотъ, кто бросаетъ все и идетъ на встрѣчу имъ.

Кто ставитъ ихъ дороже всѣхъ благъ видимой жизни.

Кто понудитъ себя внимательно прочесть и понять все происходящее въ этотъ великій моментъ вокругъ него...

Тотъ, кто приметъ участіе въ такихъ великихъ событіяхъ, кому удастся наблюдать всю эту народную духовную мощь,— тотъ пойметъ, что такое жизнь Духа.

Тотъ постигнетъ, что такое **истинная жизнь**.

Тотъ самолично убѣдится, что въ жизни бываютъ моменты, когда можно видѣть все,—и даже Бога, живущаго среди насъ и около каждаго изъ насъ.

И святыхъ угодниковъ, снисходящихъ къ намъ въ великіе и нужные для насъ моменты.

И массу, тѣхъ новыхъ мыслей, назиданій, и вразумленій, какія обычно даютъ такія великія страницы исторіи Православной Церкви, какъ страница открывшихся передъ нами торжествовъ прославленія мощей Святителя Питирима.

И сразу чувствуешь, что ты не одинокъ; что около тебя возглавляемая Христомъ и неимѣющая конца святая Церковь.

Что жизнь *стоитъ* того, чтобы жить.

Что въ ней есть другіе, безсмертные, высокіе интересы.

Что ты потому загрузилъ, захирѣлъ, что сдѣлался лѣнивымъ, нерадивымъ рабомъ Церкви; отвалился, отдѣлился отъ нея, углубился въ свою маленькую, эгоистическую жизнь.

Ее—свою личную жизнь поставилъ центромъ своего существованія, а не искупившаго тебя Господа Иисуса Христа и возрастившую тебя святую Церковь.

Не работаешь для нея, ничего не несешь ей въ своей личной жизни.

И ты чувствуешь, какъ всѣ пережитые здѣсь, у гроба великаго Святителя моменты всколыхнули твою душу и сказали тебѣ словами Апостола:

„Возстани спящій и воскресни изъ мертвыхъ, и освятить тебя Христось“¹⁾.

И ты чувствуешь, что свалилось съ тебя это уныніе, этотъ упадокъ энергіи, эта кисельная расхлябленность.

Что тебя охватила живая, всеоживляющая, бодрящая сила молящейся съ тобою живоносной Церкви, которая въ данный моментъ развернулась передъ тобою многотысячною, безъ различія состояній, положеній, развитія, вѣрующею народною массою.

Она втянула тебя своею непосредственною силою.

Потому, что ты подошелъ къ ней близко.

Съ глубокимъ довѣріемъ.

Тебѣ теперь легко дышится.

Ты ожилъ воскресь.

Бѣсъ унынія покинулъ тебя и далеко, далеко, убѣжалъ.

Его и духа теперь не найдешь; его и слѣдъ простылъ.

А „Духъ Господень нашель на тебя“...

Вотъ какія мысли неудержимо рвались и лились въ мою душу.

А шеренга богомольцевъ все двигалась и двигалась ко гробу Святителя.

Тихо, спокойно, благоговѣйно.

И, главное, смиренно и любовно.

Вотъ движется партія рязанскихъ богомолковъ.

Впереди идетъ старушка, лѣтъ 80—90.

Идетъ, и причитаетъ, что наконецъ то она дождалась. „Пѣшкомъ шла изъ подъ самаго Богоявленскаго. Вотъ, почитай, семой день безо сна... Теперь, слава Богу, около самаго святаго Угодничка... Вотъ приложусь, да хоть бы и умереть“...

Но... вдругъ, оглянувшись назадъ, видитъ она позади себя длинную вереницу въ „хаки“ мобилизованныхъ запасныхъ солдатиковъ.

¹⁾ Еф. 5, 14.

И, мгновенно, забывши и свою бессонницу, и свою завѣтную цѣль, засуетилась старуха, командуетъ своими товарками, чтобы остановиться и пропустить впередъ солдатиковъ.

— „Они—Божьи работнички: за нашу Русь святую православную идутъ съ ворогомъ сражаться... а ихъ опережать?“

Многіе изъ наблюдавшихъ эту сцену, стерли набѣжавшую на рѣсницахъ слезу.

Это сила народной любви.

Это — незаученный, непоказной феноменъ самоотверженія.

Или:

Какими то судьбами попали въ толпу двѣ дѣвочки крестьянки: одна лѣтъ четырехъ, а другая—лѣтъ пяти.

Всѣ сзади нихъ и впереди ихъ шедшіе, замѣтя дѣтокъ, не смотря на отсутствіе полиціи, шли такъ, что не только толкнуть, задавить въ массѣ, но даже старались и не зацѣпить ихъ.

Случайно находившійся здѣсь преклоннаго возраста генераль въ отставкѣ, какъ къ роднымъ дѣтищамъ, подбѣжалъ къ младенцамъ-богомолкамъ, каждую поднялъ и приложилъ къ мощамъ Святителя.

Или: вдругъ въ самомъ отдаленномъ хвостѣ вошедшей въ Церковь шеренги, раздался слабый женскій больной голосъ: „Господи! Кажется недождусь, всю то мою спинунку разломило“.

Моментально одна барыня, стоящая въ четвертомъ или въ пятомъ ряду около гроба Святителя, что то сказала двумъ-тремъ стоявшимъ рядомъ съ нею, вышла изъ порядка. Смотрю, немного погодя, она ведетъ какую то богомолку. Беременную, съ катомкою за плечами и съ ребенкомъ на рукахъ.

Ведетъ, устанавливаетъ ее на свое мѣсто. И хочетъ, видимо, итти и встать на ея мѣсто.

Вдругъ эта сѣрая, пыльная „неинтеллигентная“ мужицкая масса, какъ то вся въ одинъ голосъ, скорѣе заворчала, нежели заговорила: „ну, чего ты, барыня, Господь съ тобою... иди вмѣстѣ съ нею прикладывайся... развѣ мы... что же?“

Барыня проходитъ внѣ очереди...

Великъ русскій народъ!

И силенъ, и любовень и есть въ немъ превеликое, ему одному свойственное, благородство.

И умѣть онъ простою мужицкою душою по своему оцѣ-
нивать святыя порывы души.

Потому то онъ и герой.

Потому то и Господь съ нимъ...

А развѣ это не трогательно.

А развѣ это не хватающій за душу эпизодъ.

Приложился запасный и только отошелъ отъ гроба Свя-
тителя, какъ что то вспомнилъ. Полѣзъ за пазуху. Вынулъ
оттуда большой круглый образокъ и со словами: „братцы
допустите приложить къ мощамъ „на воинственность“ свя-
той образокъ“.

Ужъ поздно.

Всѣ утомлены.

Всѣ торопятся поскорѣ приложиться, пойдти домой и хотя
немного соснуть до обѣдни.

Тѣмъ не менѣе раздались радушные, сердечные привѣт-
ливые слова:

„Иди.. иди, кормилецъ!“

А батюшка потянулся къ добродушному вѣрующему воину,
взялъ его образокъ и приложилъ его къ мощамъ Угодника
Божія.

И счастливый солдатикъ, лобызая свою святыню отходить
въ сторону.

Трогательно. Чудно. Слезы просятся изъ глазъ

VI.

Въ шесть часовъ утра, подъ лучами яркаго солнца 28 іюля
начался уже двигаться народъ по направленію къ храмамъ.

Жизненный пульсъ забился во всю.

Оказывается въ эту ночь, за отсутствіемъ поѣздовъ много
понаѣхало интеллигентныхъ богомольцевъ на автомобиляхъ
изъ Моршанска, Козлова, Камышина.

Движеніе на всѣхъ улицахъ было одно—къ собору.

Въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ нижняго собора уже кон-
чалась средняя литургія.

По отпускѣ литургіи, при пѣніи тропаря Святителю, свя-
щеннослужители подняли гробъ съ его честными мощами

и понесли его въ верхній храмъ собора, гдѣ поставили на уготованномъ возвышеніи—посрединѣ храма.

И въ то же время на колокольнѣ раздался первый ударъ благовѣста, и вслѣдъ за нимъ начался призывной благовѣстъ во всѣхъ церквахъ Тамбова.

Епархіальное Тамбовское женское училище.

Какъ и вчера, та же масса народа, если не больше, тотъ же изумительный и строгій порядокъ, съ тою только разницею, что теперь, благодаря прямо очаровательной погодѣ, больше праздничныхъ городскихъ костюмовъ, и народу прибавилась такая масса, что на переполненныхъ дорожкахъ соборнаго сквера движенія уже нѣтъ, а всѣ стоятъ.

Вотъ проѣхалъ въ закрытомъ экипажѣ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Владиміръ.

Вся эта масса всколыхнулась, обнажила головы, но не двинулась, потому что двигаться было некуда.

Приблизительно черезъ четверть часа началась литургія. Служилъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Владиміръ въ сослуженіи съ архіепископомъ Тамбовскимъ Кирилломъ, Епископомъ Тихономъ Уральскимъ, Епископомъ Василіемъ Черниговскимъ и Варлаамомъ Епископомъ Гомельскимъ; съ архимандритами: Веніаминомъ — Ректоромъ Тверской духовной семинаріи, Ипатіемъ — Вышинскимъ, Иннокентіемъ — Полтавскимъ, Анатоліемъ — Самарскимъ, съ Игуменомъ Бѣлогорскимъ—Серафимомъ и съ другими.

Пѣніе было восхитительно.

На маломъ выходѣ съ Евангеліемъ, при пѣніи: „Приидите поклонимся“ гробъ со святыми мощами былъ перенесенъ архипастырями и старѣйшими служителями черезъ царскія врата въ алтарь и поставленъ на горнемъ мѣстѣ, лицомъ къ престолу. Четыре ипподиакона въ продолженіе всей литургіи держали надъ мощами съ обѣихъ сторонъ рипиды.

Излишне говорить о томъ, что служба была особенно торжественна.

Архидіаконъ Исаакіевскаго собора въ Петроградѣ Косогорскій украшалъ богослуженіе своимъ красивымъ и сильнымъ голосомъ.

Молящихся было настолько много, что былъ переполненъ даже алтарь.

Во время литургіи чудное слово сказалъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Владиміръ, по свойственной ему особенностямъ говорить просто, спокойно, тепло и задушевно.

Великая цѣнность его проповѣдей—вообще и этой—въ частности заключается въ томъ, что онъ, при простой, безхитростной рѣчи, удивительно захватывающе освѣщаетъ современные моменты жизни свѣтомъ Евангельскаго ученія.

Съ перваго слова Владыки, вниманіе молящихся было приковано къ его словамъ...

Закончилась литургія, закончилась она одновременно и на площади.

Духовенство, совершавшее литургію на площади, пришло въ верхній храмъ, равно какъ и духовенство всѣхъ другихъ храмовъ.

Начался молебенъ въ алтарѣ верхняго собора передъ гробомъ Святителя, затѣмъ при пѣніи тропаря гробъ былъ поднятъ архимандритами и протоіереями и начался крестный ходъ вокругъ собора съ тою только разницею противъ вчерашняго, что въ данный моментъ онъ былъ съ остановками, во время которыхъ, передъ южными дверями была произнесена сугубая эктенья; передъ алтаремъ—малая; противъ сѣверныхъ дверей читалось евангеліе, а у западныхъ—впервые читалась молитва Святителю и было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Святѣйшему Синоду, служащимъ архипастырямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, послѣ чего мощи Святителя были внесены въ нижній

храмъ и началось неумолчное пѣніе молебновъ передъ ракою Святителя и поклоненіе его святымъ мощамъ.

Меня особенно тронуло то обстоятельство, что во время крестнаго хода хоругви несли не только мужчины, но и интеллигентныя барыни.

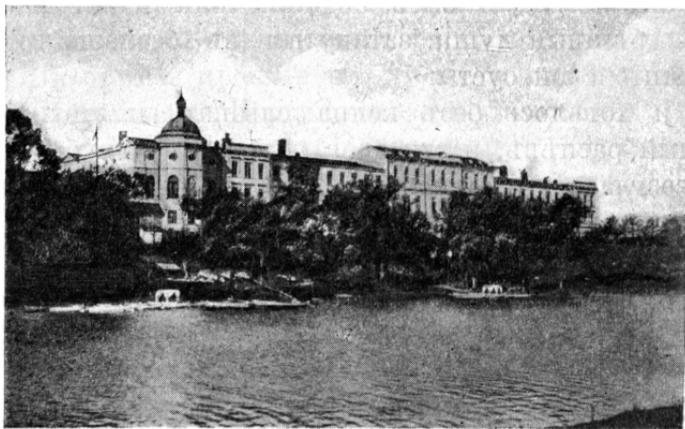
Это служить нагляднымъ доказательствомъ высокаго религіознаго настроенія тамбовскихъ обывателей.

Честъ и хвала за это Тамбову!

Послѣ крестнаго хода очень много говорили о чудесномъ исцѣленіи во время самаго хода,—когда онъ поравнялся съ алтаремъ,—одного слѣпотаго семилѣтняго крестьянскаго мальчика.

Очевидцы говорили, что, какъ самый фактъ исцѣленія, такъ и исцѣленный мальчикъ вмѣстѣ съ находившимся съ нимъ отцомъ производили чрезвычайно трогательное, въ душу проникающее, впечатлѣніе...

Послѣ торжествъ въ актовомъ залѣ мѣстной семинаріи былъ предложенъ участвовавшему въ богослуженіяхъ духовенству и нѣкоторымъ приглашеннымъ гостямъ обѣдъ.

Тамбовская духовная семинарія.

Здѣсь мы видѣли Тамбовскаго губернатора съ семьєю, Вице-губернатора, Предводителя дворянства Елатомскаго уѣзда князя Н. Н. Гагарина, Предсѣдателя Земской Управы Луженовскаго, брата убитаго въ 1906 г. Вице-губернатора Тамбова Г. Н. Луженовскаго, А. Н. Нарышкину и многихъ другихъ.

Во время объѣда Архидіаконъ Косогорскій провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, Царствующему дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, мѣстнымъ властямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Затѣмъ Архіепископъ Кириллъ прочиталъ текстъ чудной, глубокопрочувствованной телеграммы Государю Императору, а Его Высокопреосвященство Владыка Митрополитъ, сообщивши присутствующимъ о томъ, что всѣ эти торжества, ихъ организація, помимо дѣятельнаго участія архіепископа Кирилла, прошли, благодаря только лишь матеріальной поддержкѣ Тамбовской жительницы и землевладѣлицы Александры Николаевны Нарышкиной, предложилъ всѣмъ присутствующимъ провозгласить за нее „многая лѣта“.

Торжества закончились.

Завтра 29-го іюля будетъ только лишь вокругъ Тамбова крестный ходъ.

Жаль было снова садиться въ вагонъ и возвращаться въ обычную сутолоку жизни.

Слишкомъ высоки и глубоки были переживанія; слишкомъ далеко, въ небесную высь подняли они наши маленькія, бѣдныя, грѣшныя души, затаютыя въ безпопадную тину базара житейской суеты.

Такъ и хотѣлось безъ конца слышать и этотъ чудный знаменный распѣвъ, и эти трогающіе душу глубокіе, вдумчивые возгласы Архіепископа Кирилла, и эту умиротворяющую человѣческую душу святую, безхитростную, теплую ласку и благословеніе Великаго Архипастыря нашей Церкви, Митрополита Владиміра, и это сильное и мощное духовное настроеніе, народный подъемъ нашего вѣрующаго православнаго русскаго люда.

И эту искреннюю, захватывающую, мощную и въ то же время смиренную молитву всѣхъ присутствующихъ на этихъ торжествахъ.

И эту незримую ласку, незримый святой привѣтъ, незримое умиротвореніе, облегченіе и исцѣленіе всѣхъ духовныхъ недуговъ, всѣхъ скорбей и незримый источникъ всеоживляющей, бодрящей и воскрешающей энергіи, которыми дивно облагодатствоваль cadaго изъ находившихся здѣсь дивный Угодникъ Божій Святитель Питиримъ.

Но... жизнь требует своего.

Тамъ, въ самой толщѣ ея есть масса людей, которые, быть можетъ, хотѣли быть на этихъ торжествахъ, но не могли по тѣмъ или другимъ причинамъ. Или, быть можетъ, не слыхали о нихъ и не знали; или, быть можетъ, не хотѣли быть, не понимая всей прелести, всей духовной красоты и духовнаго обновленія, которыя они могли получить на этомъ великомъ праздникѣ Православной Церкви.

Долгъ каждаго изъ насъ, все это видѣвшихъ, пережившихъ и переиспытанныхъ, всѣмъ этимъ насладившихся, идти къ нимъ и, „даромъ получивши“, даромъ повѣдать имъ все, что мы видѣли, слышали и перечувствовали.

Пусть въ этомъ случаѣ живымъ примѣромъ послужать намъ каждый и каждая вотъ изъ этихъ сермяжныхъ Богомольцевъ, которые, придя домой, не только одинъ разъ повѣдаютъ о пережитомъ и перечувствованномъ на этихъ торжествахъ своей семьѣ и своимъ односельчанамъ, а до конца своихъ дней будутъ рассказывать десятки, сотни, тысячи разъ своимъ дѣтямъ, своимъ внукамъ и правнукамъ о пережитомъ и переиспытанномъ.

И они безо всякой философіи, безо всякой „учебы“, душою знаютъ, что, совершая это скромное, посильное прославление Святителя Питирима, прославляя этотъ великій историческій актъ Православной Церкви, они дѣлаютъ великое дѣло **вдвойнѣ**: подогрѣваютъ вѣру среди своихъ односельчанъ въ наши русскія святыни; и кладутъ въ душу каждаго фундаментъ **той твердыни**, за которую въ трудную жизненную минуту можетъ ухватиться любая изъ скорбныхъ душъ и спастись.

И при каждомъ пересказѣ, восстанавливая въ своей памяти эти золотыя минуты, они глубже развѣтвляютъ въ **своемъ** сердцѣ корень своей личной вѣры и, восстанавливая, перевертывая въ своемъ сердцѣ незабвенныя страницы великихъ переживаній, изумительно просто, трогательно и разумно поддерживаютъ въ себѣ до конца своихъ дней то свѣтлое настроеніе, которое они получили въ дни давно минувшихъ великихъ событій, и наслаждаются имъ и оживляютъ имъ свою будничную сѣрую скорбную жизнь.

Это въ высокой степени цѣнный, разумный и благодатный методъ питанія и себя, и своей души является тѣмъ сча-

стливымъ моментомъ, которые такъ рѣдки въ жизни человека.

Не могу не подчеркнуть, что эта дивная особенность присуща только лишь славянскимъ народностямъ на землѣ: и въ особенности русскому человеку. Онѣ могутъ цѣлыми часами сидѣть и наслаждаться святыми воспоминаніями минувшаго.

Поэтому такая сильная, мощная и поэтическая душа у русскаго человека...

Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы каждый изъ пережившихъ эти святыя моменты глубоко вдумался въ то, что они дали душѣ каждаго вѣрующаго человека.

Вдумался бы въ тѣ незримые импульсы вѣры, которые такъ наглядно, такъ чудно объединяютъ, возрождаютъ спаиваютъ человѣческія души.

Которые невольно, самую жизнь показываютъ, что Церковь—**наша общая мать, а мы—ея дѣти.**

Вдумался бы въ таинственную предусмотрительность Божественнаго Вѣдѣнія, въ которомъ видна забота Отца нашего небеснаго о каждомъ народѣ, о каждой душѣ, о каждомъ человекѣ, чудесно проявившуюся въ своевременности открытія мощей Святителя Питирима.

Затѣмъ хотѣлось, чтобы каждый, бывший на этихъ торжествахъ, вдумался и оцѣнилъ великую роль въ жизни человечества всѣхъ вѣковъ, временъ и **нашего времени въ особенности** Святой Православной Церкви.

Ея дивную способность воскрешать, обновлять, возрождать русскій народъ.

Способность единственно только присущую одной ей на всемъ земномъ шарѣ.

Оцѣнилъ бы ее—Святую Церковь, не по немощнымъ слабымъ единицамъ, не по такимъ отрицательнымъ индивидуумамъ; какимъ когда то былъ я, пишущій эти строки.

Числился по паспорту православнымъ христіаниномъ, а на самомъ дѣлѣ былъ невѣромъ, спиритомъ, оккультистомъ; воевалъ противъ святой Православной Церкви.

Старался всячески унижить, оскорбить, угнести ее.

А по тѣмъ мощнымъ натурамъ, которыя борются за нее, отстаиваютъ ее, служатъ ей до болѣзни, до изнеможенія, до потери послѣднихъ силъ, какъ хотя бы,—благослови Его

Господь на долгіе годы здравіемъ,—Святитель Православной Церкви, вышеупомянутый Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Владиміръ, который проводилъ всѣ эти торжества на глазахъ у всѣхъ, не смотря на всю свою всѣми видимую слабость, изнеможеніе, послѣ болѣзни, въ пламенномъ и горячемъ служеніи передъ престоломъ Бога Живаго, что явно чувствовалось всѣми присутствующими на минувшихъ тамбовскихъ торжествахъ.

Или, напримѣръ, по пламенной ревностности великаго служителя Церкви Тамбовскаго Архіепископа Кирилла, который тоже, всѣми чувствовалось, былъ душою всѣхъ этихъ торжествъ, который въ нѣкоторые моменты даннымъ ему Богомъ талантомъ, даромъ слова, какъ мы видѣли выше, самъ прекращалъ мгновенно всякія замѣшательства во время Богослуженія въ народной массѣ.

Или эта великая Божья раба на нашемъ церковномъ кораблѣ, вышеназванная А. Н. Нарышкина.

Вѣдь все, что только было на этихъ торжествахъ, начиная и съ этого, повторяю незабвеннаго для всѣхъ, кто былъ на нихъ, организованнаго хора и кончая всѣми этими павильонами, бараками для богомольцевъ, заботами о нихъ, (въ виду ожидавшихся крестныхъ ходовъ изъ многихъ пунктовъ тамбовской епархіи, на всемъ пути слѣдованія этихъ ходовъ, которые чуть не наканунѣ этихъ торжествъ по случаю мобилизациі были отмѣнены, были устроены пункты для отдыха богомольцевъ. На каждомъ пунктѣ былъ врачъ, фельдшеръ и медикаменты на случай оказанія медицинской помощи,—на все это была произведена огромная затрата, большія средства А. Н. Нарышкиной.

Скажите,—много въ наше время найдется такихъ дѣятелей на благо святой Православной Церкви?

Мы не говоримъ уже здѣсь о самомъ великомъ и дивномъ Угодникѣ Божиѣмъ Питиримѣ, потому что въ нашихъ слабыхъ умахъ еще крѣпко гнѣздится мысль, что де „это святой“, и мы никакъ не можемъ освоиться съ тѣмъ, что онъ былъ такой же человѣкъ, какъ и мы: плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ предковъ.

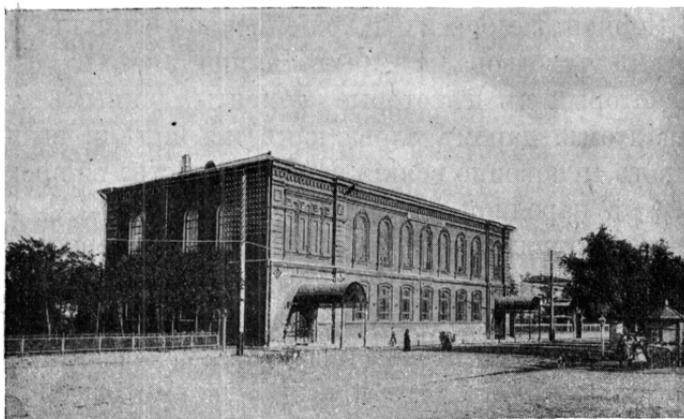
И вотъ, когда мы безпристрастно вдумаемся въ эту великую дивную дѣйственную и въ наше тлетворное время красоту святой Православной Церкви, то, прежде всего, мы сами

же получимъ самые благотворные плоды этого нашего размышленія.

Мы поймемъ:

Что мы не одиноки.

Что мы за молитвы святой Православной Церкви, ограждены отъ всякихъ скорбей, отъ всякихъ бѣдъ, потому что Тотъ, Кто стоитъ во главѣ ея, сказалъ всѣмъ намъ, находящимся въ Его святой Церкви:

Нарышкинская читальня.

„Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но, мужайтесь: Я побѣдилъ міръ“ ¹⁾.

Что мы не побѣдимы, потому, что Святая Православная Церковь, черезъ своихъ и перешедшихъ за грань бытія святыхъ угодниковъ Божіихъ и, вмѣстѣ съ ними и нынѣ здравствующихъ подвижниковъ и соратниковъ Христовой Церкви, въ одно мгновеніе можетъ превратить нашу страну въ непоколебимую твердыню, передъ которою падетъ ницъ—**все**.

Вѣдъ побѣждаютъ на войнѣ не пушки, не усовершенствованныя орудія, а народный духъ.

Вѣдъ не Богъ вѣсть какъ далеко та эпоха, когда простыя деревенскія бабы, вооруженныя вилами и граблями полонили вооруженныхъ солдатъ великой арміи Наполеона.

И, наконецъ, что мы благополучны, ибо Церковь и всѣхъ членовъ ея, по великому обѣтованію Спасителя, даже „не одолѣютъ врата ада“.

¹⁾ Іоан. 16, 33.

И я увѣренъ, что каждый, поразмыслившій надъ этимъ человѣкъ отъ всей души испросить у Господа Бога, за молитвы Святителя Питирима, за трогательные торжественные дни его прославленія, пробудившіе въ насъ великое счастливое сознаніе,—обильное благословеніе на нашего Великаго Помазанника Божія Государя Императора, на всю Его Царственную семью, на Святѣйшій Правительствующій Синодъ, на все наше Православное духовенство, начиная съ бѣднаго, скромнаго сельскаго причетника и кончая Архіепископомъ Кирилломъ и Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ

Окрестности Тамбова. Дачная аллея пригороднаго лѣсничества.

Владиміромъ, на великую Боголюбивую душу А. Н. Нарышкиной, на всю ту массу молящихся христіанъ, которые оторвались въ тяжелую минуту переживаній отъ своихъ домашнихъ очаговъ, отъ своихъ дѣлъ и пришли на это великое торжество, и на все то Православное воинство, сыны котораго, готовясь на бранный подвигъ, шли сюда за полученіемъ мощнаго всеохраняющаго благословенія Святителя Питирима „на воинственность“, какъ говорилъ вчерашній солдатикъ богомолецъ.

И пусть въ лицѣ всѣхъ ихъ до дней послѣдняго суда живетъ, процвѣтаетъ и горитъ яркимъ маякомъ во мракѣ тяжелой современной жизни Святая Православная Церковь Христова, указуя путь къ вѣчной правдѣ, къ свѣту и къ счастью.

И пусть она до скончанія вѣка возрождаетъ, укрѣпляетъ черезъ своихъ великихъ служителей нашъ народъ и воскрешаетъ его.

Вотъ какія мысли роились крѣпли, и облекались въ яркія формы, послѣ чудныхъ дней Пятиримовскихъ торжествъ.

Хочется низко, низко, земно поклониться за нихъ нашему Святому Православію и отъ всей души сказать ему русское „спасибо“.

И хочется къ стихотворенію русскаго народнаго пѣвца, которое мы взяли эпиграфомъ къ этой статьѣ, добавить:

...Вѣра святая,
Молитва церковная,
Жизнь православная,
Божьи Угоднички,
Покровъ Богоматери..
Въ этомъ и сила,
Сила великая
Матушки Руси,
Несокрушимая...

А поэтому будемъ же всѣми силами души охранять, любить, беречь и лелѣять нашу святую Православную Церковь...

В. П. Быковъ.

Своею дорогой *).

IX.

Кое-какъ онъ провелъ экзамень. Сердце мучительно ныло. Хотѣлось громко кому-то закричать протестъ. Но, обдумавъ, онъ рѣшилъ: пусть растутъ эти плевелы до жатвы.

Модестовъ сильно тосковалъ. Только въ нѣдрахъ своей семьи онъ находилъ нѣкоторое успокоеніе. Мать первая замѣтила грусть сына.

— Не болѣнъ-ли ты, Петенька? Или школа досталась?..

— Да, служба сельскаго учителя—не легка.

— А ты переѣхни ее, хотя бы на рясу. Вѣдь дадутъ дьяконство-то?

— Это, мама, еще не уйдетъ отъ меня. А пока отдыхъ и отдыхъ.....

И онъ использовалъ лѣто, какъ могъ. Сердечная рана немного затянулась...

По приѣздѣ обратно въ „Бѣлые Ключи“, онъ энергично взялся за дѣло, надѣясь въ немъ найти себѣ полное исцѣленіе. Съ Ельниковымъ и Пономаревымъ онъ окончательно разорвалъ въ первый же ихъ приѣздъ къ нему. Онъ ихъ считалъ своими личными врагами,

*) Окончаніе. • См. м. Сентябрь.

которые способствовали разрушенію его счастья. И даже удивился ихъ безцеремонному пріѣзду.

— Что же вы, батенька, къ намъ глазъ не кажете,— закричалъ Пономаревъ еще съ порога: — пріѣхали и ни гу-гу....

Въ сердцѣ Модестова закипѣла досада.

— А что мнѣ у васъ дѣлать?

— Какъ что? Поговорить, поспорить.

— Нѣтъ, увольте. Спорить больше я съ вами не буду. Мы съ вами люди разныхъ полюсовъ и лучше.....

— Что лучше: не разойтись ли ужъ?...

— Какъ вамъ угодно. Но повторяю: между мной и вами нѣтъ ничего общаго по воззрѣніямъ.

Пріятели переглянулись и пожали плечами.

— Итакъ, вы никогда не перейдете въ нашъ лагерь?

— Я лагери отрицаю. Лагерь долженъ быть одинъ: это искренняя любовь къ Россіи. И новаго вы отъ меня ничего не услышите...

— Ну, прощайте. Но предупреждаемъ — вы будете одиноки.

— Ошибаетесь. Быть можетъ, настанетъ время, когда вы будете одиноки. А у меня единомышленниковъ много.

Они разстались холодно...

Модестовъ весь зарылся въ работу. Онъ не примкнулъ къ одной опредѣленной партіи, считая совершенно бесполезнымъ замыкаться въ извѣстныя рамки. Онъ началъ читать народу разные историческаго содержанія рассказы, рисующіе величіе и славу Россіи, способствующіе развитію истиннаго патріотизма. Эти чтенія производили въ народѣ большое впечатлѣніе и крестьяне охотно собирались въ школу. Не ограничиваясь школой, Модестовъ заходилъ часто въ дома и велъ продолжительныя бесѣды на всевозможныя темы. Ѣздилъ для этой же цѣли и въ большія деревни ихъ прихода.

И чѣмъ сильнѣе шло и развивалось броженіе умовъ, тѣмъ энергичнѣе старался Модестовъ насадить въ окружающихъ его крестьянахъ здравыя понятія. Въ этомъ ему много способствовалъ мѣстный священникъ, раздѣлявшій часть трудовъ по чтеніямъ въ школѣ. На свои скудныя средства, Модестовъ выписывалъ кое-какія брошюры для бесплатной раздачи народу и всячески предостерегалъ народъ отъ волненій. Онъ открылъ даже миниатюрную читальню въ школѣ. Для этого юноша привлекъ къ пожертвованію богатыхъ крестьянъ, прибавилъ свою лепту и выписалъ нѣсколько газетъ и журналовъ, предоставивъ ихъ въ бесплатное, конечно, пользованіе всѣмъ желающимъ. Охотники читать находились. Благоразумные крестьяне были очень довольны такимъ дѣятельнымъ учителемъ и откровенно заявляли:

— Дай, Господи, Петру Алексѣевичу добраго здоровья. Стараются онъ о насъ и нашихъ ребятахъ. Побольше бы такихъ учителей. А то теперича совсѣмъ разбаловались парни. И уговоръ не помогаетъ... А доживутъ до нашихъ сѣдыхъ волосъ и сами увидятъ, что плохо дѣлали, неладно жили.

Модестову, конечно, пріятно было выслушивать эти отзывы, но онъ сознавалъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, что „вражье лѣпко“. И это сказалось среди крестьянской молодежи. Парни запѣли пѣсни „свободы“, наученные досужими людьми, начали читать разныя брошюры съ громкими названіями и иногда плохо понимаемымъ текстомъ. И вездѣ царило слово „свобода“. И парни поняли ее по своему, т. е. начали дебоширить и буянить. Старухи заохали и закрестились.

— Послѣднее времячко пришло, — шептали онѣ: — тепереча народъ совсѣмъ другой сталъ. Охъ, избалуются парни... И сладу съ ними не будетъ... Забыли Бога...

А парни, дѣйствительно, начали „баловать“. Съ Модестовымъ заговорили рѣзко, грубо, старались его не слушать, свистѣли, кричали.

— Врешь ты все, — не церемонясь, заявляли они юношѣ въ глаза.

— Докажите, что вру.

— Много чести. Врешь и все...

Горизонтъ былъ закутанъ темными, зловѣщими облаками, изъ которыхъ шелъ непрерывный шумъ и громъ. Но не смущался этимъ громомъ Модестовъ. Онъ зналъ, что какъ ни сильна гроза, но она несомнѣнно рано или поздно, но пройдетъ. И не переставалъ бесѣдовать, за что однажды какой-то „сознательный“ парень выбилъ стекла въ его квартирѣ. Но Модестовъ, не обращая вниманія на эти выходки и протесты не измѣнялъ „своей дорогѣ“. Онъ былъ твердо увѣренъ, что его дорога единственно вѣрная, прямая и надежная, а остальные пути—кривые, лживые, полные фантазмагорій и обманчивыхъ грезъ.

Х.

За послѣднее время Марья Филипповна Звѣрева, жена продавца, окончательно извела свои нервы. Да и было отъ чего. Разбои участились, нападенія на винныя лавки стали не рѣдкостью. Грабители врывались среди бѣлаго дня и подъ угрозой смерти забирали деньги. Бѣдная женщина приходила въ ужасъ отъ этихъ извѣстій. Самъ Трофимъ Лукичъ хотя и храбрился, но въ душѣ не могъ оставаться покойнымъ. На его рукахъ была цѣлая куча ребятъ: стало быть его смерть лишила бы ихъ отца и кормильца. И онъ порой съ грустью останавливалъ свой взоръ на веселыхъ, бойкихъ

дѣтскихъ личикахъ, которымъ чужды были тайныя отцовскія терзанія.

Модестовъ любилъ эту семью и часто сидѣлъ у нихъ цѣлыми вечерами. Звѣревъ жаловался учителю на жену, что она хандрила, жена жаловалась на тяжелое время, которое такъ развело грабежи и убійства. Модестовъ, какъ могъ старался успокоить перепуганную женщину, хотя и сознавалъ, что всѣ его утѣшенія мало достигаютъ цѣли.

Однажды, зимнимъ вечеромъ, онъ сидѣлъ у нихъ и оживленно бесѣдовалъ за шумѣвшимъ самоваромъ. Вся семья была въ сборѣ. Дѣти оживленно пили чай, при чемъ мать принуждена была ежеминутно останавливать ихъ излишнюю рѣзвость. Трофимъ Лукичъ благодушествовалъ и допивалъ четвертый стаканъ. Дверь въ винную лавку была отворена. Тамъ горѣла лампа-молнія, рельефно выдѣляя каждую бутылку,

Вдругъ къ лавкѣ подѣхали сани. Дверь распахнулась и слышно было, какъ сразу вошло нѣсколько человѣкъ.

— По водку пришли. Я сейчасъ,—проговорилъ Звѣревъ, направляясь въ лавку.

Но едва онъ переступилъ порогъ, какъ произошло нѣчто ужасное.

— Руки вверхъ! Деньги!—скомандовалъ одинъ.

— Живо! Иначе смерть! — подхватилъ товарищъ, направляя на продавца револьверъ.

Третій остался у входа. Одинъ изъ грабителей кинулся къ денежному ящику. Первую секунду Звѣревъ остолбенѣлъ, но тотчасъ же опомнился.

— Иди прочь!—закричалъ онъ, толкнувъ грабителя и самъ бросился къ деньгамъ, чтобы схватить лежащій тамъ револьверъ.

— Не хочешь добромъ. Ну, получай.

Раздался выстрѣлъ. Пуля просвистала мимо уха продавца и ударилась въ бутылку съ виномъ. Все это произошло втечені нѣсколькихъ мгновеній. Марья Филипповна, услышавъ первый окрикъ грабителя, страшно поблѣднѣла и окаменѣла отъ ужаса. Хотѣла было крикнуть, но слова замерли на губахъ.

— Ай, батюшки, грабятъ, — наконецъ, вырвался у нея сдвленный вопль.

И она едва помня себя кинулась на кухню, а тамъ на улицу, пронзительно и отчаянно закричавъ о помощи. Модестовъ не растерялся. Онъ схватилъ висѣвшее на стѣнѣ ружье и бросился въ лавку именно въ то время, когда тамъ прогремѣлъ первый выстрѣлъ.

— Трофимъ Лукичъ, не робѣйте! — крикнулъ онъ вскидывая на плечо ружье.

Но прежде чѣмъ онъ нажалъ спускъ, какъ стоявшій у входа грабитель выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ грудь и блѣдный юноша безъ стона, безъ звука, рухнулъ на полъ, выронивъ ружье.

Что заслужилъ то и получилъ, — съ дьявольской улыбкой прошепталъ убійца.

Но, однако, ограбить лавку не удалось.

Грабителямъ была дорога каждая секунда. Выстрѣлы и вопли Марьи Филипповны взбудоражили сосѣдей. Къ тому же Звѣревъ удачно хватилъ кулакомъ по лицу одного грабителя и, вооружившись револьверомъ, самъ открылъ пальбу.

— Обратно! — лаконически скомандовалъ старшій.

Выбѣгая, они- выстрѣлили еще разъ въ Звѣрева и легко ранили его въ плечо. Крестьяне хотѣли было схватить грабителей, но принуждены были отступить подъ выстрѣлами. Въ саняхъ сидѣлъ четвертый. Черезъ секунду они скрылись. Когда крестьяне вбѣжали въ лавку, то увидали блѣднаго окровавленнаго Звѣрева,

зажимающаго рану платкомъ, а на полу покойно лежащаго сраженнаго на смерть Модестова.

Земной путь его былъ конченъ. Начиналась вѣчность....

XI.

Прошло года четыре. Революціонная волна стихла. Взбаламученное море легло въ свои прежніе берега. Люди, жаждущіе мира и славы родины, облегченно вздохнули. Старое, пережитое, рисовалось какимъ-то кошмаромъ, который такъ полновластно царилъ надъ умами русскихъ людей. Горизонтъ прочистился отъ тучъ и снова засіяло солнце мирнаго труда.

Въ одинъ іюльскій вечеръ къ селу „Бѣлые Ключи“ медленно подвигалась крестьянская „долгуша“ запряженная парой тощихъ лошадей. Ямщикъ лѣниво время отъ времени махалъ въ воздухъ кнудомъ и такъ же неохотно, словно жалѣя, стегалъ имъ лошадей.

— Но-о, милыя, но-о... Скоро и Ключи,—произнесъ онъ въ утѣшеніе лошадямъ.

Сидѣвшая въ плетенкѣ молодая женщина лѣтъ двадцати трехъ при этихъ словахъ точно очнулась отъ сна. Она выпрямилась и зорко посмотрѣла впередъ.

— Скоро доѣдемъ?

— Скоро, барыня, скоро. Вотъ пригорокъ, а за нимъ и Ключи. А вы бывали въ нихъ?

— Была,—неохотно и сдавленнымъ голосомъ отозвалась пассажирка.

— А славное село,—разглагольствовалъ ямщикъ, не подозревая того мучительнаго состоянія, въ какомъ находилась молодая женщина:—правда, было раньше баловство, а тепереча, слава Богу, миновало оно.

— А кто тамъ священникомъ. Не знаешь-ли?

— Какъ не знать. Отцомъ Владиміромъ зовуть. Славный батюшка.

— Все тотъ же,—подумала пассажирка.

Лошади поплелись шагомъ въ горку. Ямщикъ, усчитывая это обстоятельство, сунуль кнутъ подъ „козлы“, соскочилъ на землю и пошелъ рядомъ съ лошадейю.

— Шагайте, голубчики, шагайте. Попроворнѣе, милые,—увѣщевалъ онъ лошадей, когда онѣ уже сильно замедляли шагъ.

Молодая женщина не слушала ямщика. Она опустила голову и невеселыя картины встали въ ея головѣ. Четыре года прошло, а точно вотъ все вчера было! И какъ много пережито за эти годы! Иной въ двадцать лѣтъ не переживетъ того, что испытала она. Какой бодрой, жизнерадостной дѣвушкой уѣзжала она отсюда и какой разбитой, съ сокрушенными мечтами и надеждами, возвращается. Слезы неволью нависли на ея рѣсницахъ. Лицо отобразило душевную муку.

— Вотъ и „Ключи“,—вдругъ заявилъ ямщикъ, снова взбираясь на „козлы“.

Колеса быстро покатали подъ уклонъ. При видѣ села глухія рыданія поднялись изъ глубины души у молодой женщины. Все пережитое разомъ встало въ ея воображеніи. Какъ живой предсталъ Модестовъ, тотъ скромный, чистый, прямолинейный юноша, когда-то ее сильно любившій и котораго она также любила до тѣхъ поръ, пока... пока не набросили на ея глаза какое-то туманное покрывало, сквозь которое она утратила способность видѣть вещи въ ихъ истинномъ значеніи и свѣтѣ. Вся ея логика, весь здравый смыслъ извратился и это туманное покрывало скрыло и любимаго прежде чело-вѣка. Онъ отошелъ на второй планъ. Онъ представился искаженнымъ, неправильнымъ, даже несимпатичнымъ. Но вотъ эти годы сорвали съ ея глазъ по-

крывало и она увидѣла, что была горько обманута. Позолота оказалась фальшивой. То, къ чему она стремилась, что старались вбить въ ея голову новые просвѣтителы, оказалось миражемъ, ложнымъ кумиромъ. Все потеряно, отравлена жизнь, нѣтъ любимаго чело-вѣка. Онъ даже убить и кровью своей доказаль пра-воту своихъ идеаловъ.

— Боже мой! Какъ мнѣ тяжело!

Она закрыла лицо руками и рыданія вырвались на-ружу, хотя она и старалась заглушить ихъ. Ямщикъ удивленно обернулся къ ней.

— Плачешь, голубушка? Не горе ли какое случи-лось? Прости за слово.

Она ничего не отвѣтила, только махнула рукой и вытерла слезы.

— При горѣ надо плакать,—нравоучительно замѣ-тилъ послѣ нѣкотораго молчанія ямщикъ:—слезы по-могаютъ. Ежели нѣту слезъ—тогда чело-вѣку очень тяжело... Не вмоготу. А куды вамъ ѣхать-то? Гдѣ остановитесь?

— Все равно хотя гдѣ. Вези на земскую.

— Ладно, свезу.

Вотъ и школа. Она все такая же, только крылечко немного подремонтировано, да на крышѣ видѣляются новыхъ двѣ-три доски, вставленныхъ на мѣсто старыхъ. При видѣ школы сердце молодой женщины болѣзненно, мучительно заныло, точно его схватилъ и сжалъ кто-то грозный, беспощадный. Слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ.

— Ямщикъ, стой!

Тотъ придержаль лошадей.

— Я хочу зайти въ школу. Узнай пожалуйста тамъ, или нѣтъ сторожъ.

Ямщикъ постучаль, но сторожа не оказалось.

Проходившая мимо женщина сказала:

— Никого нѣту. Миронычъ рѣдко заходитъ, потому и учительша уѣхала домой.

Дѣлать него—пришлось ѣхать на земскую, но все таки молодая пассажирка, въ которой читатель несомнѣнно узналъ Панкратову, рѣшилась достать „Мироныча“ и посмотрѣть квартиру учительницы, куда ее четыре года тому назадъ тянуло всей душой и гдѣ она узнала радость первой любви.

По приѣздѣ на земскую она первымъ дѣломъ обратилась къ хозяйкѣ съ вопросомъ:

— Мнѣ нужно пройти на ваше кладбище. Кто бы проводилъ меня туда?

— А вотъ моя Маша проведетъ. А развѣ у тебя кто тамъ похороненъ изъ сродственникововъ?

— Да, похороненъ.

Баба съ любопытствомъ посмотрѣла на Панкратову и терялась въ догадкахъ.

— Помните учителя Петра Алексѣевича?

— Какъ не помнить!—живо отозвалась та: его убили въ лавкѣ. Славный былъ человѣкъ. Хорошая душа. Слышала я: и невѣста у него была—да что-то разошлось дѣло.

На лицѣ Панкратовой отобразилась невыносимая мука. Она машинально провела рукой по волосамъ.

— И какой былъ славный человѣкъ-то!—уцѣпилась баба за событіе, когда то надѣлавшее столько шума:—рѣдко нонѣ такихъ. Съ огнемъ не найдешь. До ребятъ былъ такой ласковый, говорилъ съ ними, бесѣды велъ. Всѣ мы любили его. Охъ, какъ жалѣли, когда такая бѣда приключилась. А ты спроси у сидѣльца-то. Все тотъ же. Онъ скажетъ, какъ застрѣлили его душегубы. Такъ, говоритъ, и палъ не состонавъ. Хорошая, добродѣтельная душа была. Дай Богъ ему царство небесное.

Все село было на похоронахъ. А мать какъ разливалась плакала!.. Тошнехонько было на ее и смотрѣть-то... Не такъ, видно, живи какъ хочется, а какъ Богъ велить. И Богу то надо такихъ хорошихъ. А Петръ Алексѣвичъ на диво былъ хорошій человекъ. Гдѣ онъ, какъ не у Бога... А ты какъ ему приходишься? Сродственницей?

— Нѣтъ, но я его хорошо знала.

— Значить на могилку пріѣхала посмотрѣть? Панафидку отслужить?

— Да, отслужу. Но твоя Маша знаетъ ли гдѣ похороненъ Петръ Алексѣвичъ?

— Какъ не знать. Все село знаетъ. А вотъ ежели бы ты пріѣхала назадъ тому дѣнь десятокъ, такъ и на панафиду бы попала. Батюшка на Петра и Павла служилъ на его могилкѣ: Народу было страсть. Любили мы его шипко. Ласковый такой былъ до всѣхъ.

Панкратовой тяжело было выслушивать бабу. Она взяла Машу, дѣвочку лѣтъ пятнадцати, и направилась съ ней ко кладбищу. Послѣднее было расположено за селомъ. Достаточно было пройти отъ послѣднихъ домовъ саженой сто, не болѣе.

— Вотъ, тетенька, могила учителя,—проговорила дѣвочка, указывая на большой бѣлый крестъ и выложенную камнемъ могилу.

Весь свѣтъ помутился въ глазахъ Панкратовой. Едва помня себя, шатаясь, трепещущая, какъ преступница, подошла она къ дорогой могилѣ и какъ подкошенная пала на нее. Весь міръ исчезъ изъ сознанія: передъ ней была лишь самая для нея драгоцѣнная могила на свѣтѣ. Здѣсь, подъ этими камнями, подъ этимъ крестомъ, лежалъ любимый человекъ, лежало ея счастье, которое она такъ отвергла и разбила погнавшись за фантомомъ.

— Милый... милый... прости... прости,—вырвался у нея вопль измученнаго, разочарованнаго сердца:—ты правъ... ты чистъ... ты святъ!.. О, есть ли мнѣ прощеніе отъ тебя? О, чтобы я дала вернуть старое... Милый... слышишь ли ты меня?.. Видишь-ли меня?.. Возьми меня къ себѣ... На что мнѣ теперь жить? Для кого? Сокровище мое, прости меня безумную... Я не оцѣнила тебя тогда!.. Каюсь... Прости... Всей своей дальнѣйшей жизнью постараюсь вымолить у тебя прощеніе.

Она безумно рыдала и колотилась о могилу. Слезы бѣжали и капали на дорогую землю. Она цѣловала эту землю, словно кого-то живого...

— Прости... Прости... Молись обо мнѣ,—рыдала она.

Здѣсь у дорогой могилы разомъ блеснула вся ея прошедшая жизнь. Здѣсь ярко и наглядно встали всѣ заблужденія, лживыя мечты, лживыя кумиры, на поклоненіе которымъ она такъ ринулась четыре года тому назадъ.

И горькими слезами она оплакивала эти заблужденія, оплакивала разбитое счастье, оплакивала потерю любимаго человѣка.

Она такъ отдалась своему порыву отчаянія, что и не замѣчала, какъ испуганно, съ недоумѣніемъ, смотрѣла на нее дѣвочка. Для Панкратовой въ данный моментъ не существовало другого міра: весь міръ заключался въ этой могилѣ, передъ которой она поклялась идти той дорогой, какой шелъ ею любимый человѣкъ.

И это обѣщаніе влило въ ея измученную душу лучъ мира и успокоенія...

И. Поповъ-Пермскій.

Бесѣда съ „адвентистами седьмого субботняго дня“ о воскресномъ днѣ.

Вскорѣ послѣ бесѣды о субботѣ собрались мы съ „адвентистами седьмого субботняго дня“ для бесѣды и *о воскресномъ днѣ*.

1) — Мы уже видѣли, — заговорилъ я, — что христіане не должны чтить субботу, или ветхозавѣтный покой. Какъ служители Новаго Завѣта, они должны свято хранить *покой новозавѣтной*, дарованный имъ Ходатаемъ Новаго Завѣта Иисусомъ Христомъ, Новозавѣтный покой заключается въ побѣдѣ Христа надъ адомъ и смертью (1 Кор. 15, 57) или въ *воскресеніи* Христа, потому что именно воскресеніемъ Своимъ Онъ расторгъ узы смерти и сокрушилъ силу ада (Дѣян. 2, 25—32; 1 Кор. 15, 20—23, 55—57) и тѣмъ „*упокоился*“ въ упованіи, что не оставлена душа Его въ адѣ, и плоть Его не увидѣла тлѣнія (Дѣян. 2, 26—31). Въ покой или воскресеніи Христа всѣ христіане получили непреодолимое свидѣтельство и собственнаго покоя отъ узъ ада и смерти, какъ нѣкогда евреи въ покой Бога Отца или въ Господней субботѣ получили знаменіе и собственнаго покоя отъ гнета Египетскаго рабства. И какъ нѣкогда евреи свято хранили и самый день своего покоя — субботу, такъ теперь христіане, участники въ покой Христа, должны святить и самый день покоя Христова. День же, когда Христосъ „упокоился“ или воскресъ, — это, по свидѣтельству Евангелистовъ, **первый день недѣли** (Мр. 16, 9 и др.).

Слѣдовательно, *первый день недѣли и служитъ для истинныхъ христіанъ видимымъ знаменіемъ дарованнаго имъ Христомъ новозавѣтнаго покоя*. И православные христіане чтутъ Христовъ покой и свято хранятъ его *знаменіе* — *первый день недѣли*.

Между тѣмъ у васъ, Петръ, нѣтъ знаменія покоя Христова, и вы доселѣ храните лишь знаменіе покоя ветхозавѣтнаго. Выходить,—вы не вѣруете, что Христось Своимъ воскресеніемъ даровалъ и намъ надежду на новый покой. Но если нѣтъ у васъ надежды на покой Христовъ, какъ собственный, который и вы получите въ воскресеніе мертвыхъ, то вы погибли, и самая вѣра ваша тщетна (1 Кор. 15, 14—23).

— 2) — Въ воскресеніе Христа мы вѣруемъ,—отвѣчалъ Петръ.—Вѣруемъ также и въ то, что и мы воскреснемъ и наслѣдуемъ покой Христовъ. Объ этомъ намъ ясно говоритъ Св. Писаніе (1 Кор. 15, 22—23).

— а) — *Но нигдѣ въ Св. Писаніи не сказано, чтобы христіане праздновали самый день покоя или воскресенія Христова.* По крайней мѣрѣ, мы не только не находимъ **заповѣди** объ этомъ въ Св. Писаніи, но даже не видимъ **примѣровъ** того, чтобы Христось или Апостолы при жизни Христа *чтили день Его воскресенія или первый день недѣли.*

— Помнишь, Петръ, какъ я уже доказалъ тебѣ, что намъ необходимо соблюдать не букву, а духъ десяти заповѣдей (2 Корин. 3, 6—7). Четвертая заповѣдь десятословія повелѣваетъ: „помни *день* субботній, чтобы святить его.“... (Исх. 20, 8). Что такое: „*день субботній*“? Это „*день покоя*“, какъ сказано: „завтра *покой*, святая суббота“... (Исх. 16, 23). Итакъ, по заповѣди необходимо святить „*день покоя*“. Въ этомъ и заключается духъ заповѣди, обязательный и для христіанъ. И если для евреевъ „*днемъ покоя*“ былъ *седьмой* день недѣли, съ которымъ у нихъ связывалось воспоминаніе объ освобожденіи ихъ отъ Египетскаго рабства (Второз. 5, 16), то для христіанъ „*днемъ субботнимъ*“, или „*днемъ покоя*“ является уже *первый* день недѣли, такъ какъ Самъ Христось „*упокоился*“ именно въ *первый* день недѣли (сравн. Дѣян. 2, 24—26. Мр. 16, 9). И христіане съ этимъ днемъ связываютъ воспоминаніе и о собственномъ покоѣ въ воскресеніе мертвыхъ. Слѣдовательно, христіане имѣютъ *прямую заповѣдь*, повелѣвающую свято хранить самый *день* покоя. Имѣютъ они также и *примѣръ* Христа, избравшаго днемъ покоя не *седьмой*, а *первый* день недѣли. Отсюда уже понятно, почему ни Самъ Христось ни ученики Его не могли святить первый день недѣли, какъ день покоя Христова, **прежде воскресенія Христова.**

Лишь съ воскресеніемъ Христа наступилъ покой Христовъ, и посему только по воскресеніи Христа открылась для христіанъ обязанность чтить *первый* день недѣли, какъ день покоя Христова.

— б) — Я не буду спорить о томъ, что Христось воскресъ въ *первый* день недѣли и что въ воскресеніи Христа заключается Его покой,—возбужденно возразилъ мнѣ Петръ.— Не буду спорить и о томъ, что мы должны свято хранить и *день* покоя. Но только скажу, что въ *Св. Писаніи* мы не находимъ **примѣровъ** того, чтобы Христось или ученики Его, по воскресеніи Христа, святили именно **первый** день недѣли, какъ день покоя ¹⁾.

— Но позволь, Петръ, ты самъ себя противорѣчишь. Ты признаешь *первый* день недѣли днемъ покоя Христова и соглашаешься, что мы должны чтить и самый *день* покоя. Для чего же тебѣ еще *примѣры* освященія *перваго* дня недѣли? Развѣ, если бы въ *Св. Иисаніи* не было такихъ примѣровъ, то заповѣдь объ освященіи дня покоя потеряла бы свою силу для насъ?!

— Нѣтъ, не потеряла бы,—отвѣчалъ Пестряковъ,—а только для насъ убѣдительноѣ была бы.

— Хорошо, Петръ. Во вниманіе къ твоей немощи я приведу тебѣ изъ *Св. Писанія* *примѣры* того, что Христось и Апостолы освящали именно *первый* день недѣли.

— Прежде всего остановимся на **примѣрахъ**, **взятыхъ изъ жизни Иисуса Христа съ момента Его воскресенія и до вознесенія Его на небо**. Воскресеніе Христа является величайшимъ событіемъ въ Его жизни. Безъ воскресенія Христа тщетна была бы и проповѣдь наша, и вѣра наша была бы тщетна, и мы погибли бы, такъ какъ спасаемся только *воскресеніемъ* Иисуса Христа (1 Кор. 15, 14—18; 1 Петр. 3, 21). И вотъ это величайшее въ жизни Христа событіе и самое спасительное для насъ совершилось именно въ *первый* день недѣли, какъ согласно повѣствуютъ о семъ всѣ Евангелисты: „воскресши рано въ *первый* день недѣли... (Мр. 16, 9, сравн. Мѣ. 28, 1—6;

¹⁾ Иногда сектанты указываютъ на ев. Марка 16, 1—2 и ев. Лук. 23, 56; 24, 1, какъ на доказательство того, что вѣрующіе не чтили воскреснаго дня. Но вѣдь они еще и не знали тогда о воскресеніи Христа, хотя и былъ уже первый день недѣли.

Мр. 16, 1—2; Лук. 24, 1; Иоанн. 20, 1). *Первымъ* днемъ недѣли назывался день, слѣдующій тотчасъ за субботой: „по прошествіи же субботы, на разсвѣтъ перваго дня недѣли“... (Мѡ. 28, 1). Слѣдовательно, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ-Отець освятилъ день седьмый тѣмъ, что *почилъ* въ оный день отъ дѣлъ творенія, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ Богъ-Сынъ *покоемъ* въ первый день недѣли (Дѣян. 2, 24—26), покоемъ отъ дѣлъ творенія новой твари, навсегда смѣнившей тварь древнюю (2 Кор. 5, 17), *освятилъ* для Себя и для всѣхъ христіанъ, какъ участниковъ въ покоѣ Христа, *первый* день недѣли. И въ этомъ покоѣ Христа въ первый день недѣли заключается *первое* освященіе Христомъ перваго дня недѣли (сравн. Быт. 2, 2—3; Исх. 20, 8—11). Затѣмъ, въ дальнѣйшей Своей жизни на землѣ по воскресеніи Христосъ не разъ выдѣлялъ *первый день недѣли* изъ ряда другихъ дней, какъ день особенный, когда именно къ этому дню приурочивалъ всѣ свои явленія вѣрующимъ въ Него. Такъ, уже въ самый день Своего воскресенія, т.-е. *въ первый день недѣли*, Онъ пять разъ являлся: 1) Маріи Магдалинѣ (Мр. 16, 9), 2) женамъ, пришедшимъ ко гробу (Мѡ. 28, 9), 3) Петру (Лк. 24, 34), 4) двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ (Лк. 24, 13—32) и 5) одиннадцати апостоламъ (Иоан. 20, 19). Прошло восемь дней со времени воскресенія Христа, и Христосъ снова освятилъ *первый день недѣли* Своимъ явленіемъ ученикамъ, собравшимся въ домъ вмѣстѣ съ Ап. Ѳомою (Иоан. 20, 26).

— Напрасно вы видите здѣсь *первый день недѣли*,—возразилъ мнѣ Петръ.—Еванг. Иоаннъ ясно говоритъ: „послѣ восьми дней“ (20, 26). Слѣдовательно, если предыдущее собраніе апостоловъ было „въ первый день недѣли“ (20, 19), то восьмой день *послѣ* перваго дня недѣли падеть на понедѣльникъ или на второй день недѣли. Значить, Христосъ явился двѣнадцати апостоламъ въ понедѣльникъ. Можно думать, что данное явленіе Христа было даже во вторникъ, такъ какъ еванг. Иоаннъ говоритъ: „послѣ восьми дней“, а не въ восьмой день.

— Ошибаешься, Петръ. Во-первыхъ еванг. Иоаннъ не пишетъ: „восемь дней *послѣ* перваго дня недѣли“, а говоритъ только: „послѣ восьми дней“. Съ какого же времени? Конечно, со времени собранія апостоловъ въ первый день недѣли

(20, 19—26). Является вопросъ: считать ли *первый* день недѣли въ числѣ восьми дней? Если не считать, какъ дѣлаете вы, то можно прийти къ нелѣпому заключенію, что Христосъ и воскресъ-то во *второй* день недѣли! Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ училъ, что Онъ воскреснетъ „*послѣ трехъ дней*“ со дня смерти Своей (Мѡ. 27, 63. Іоан. 2, 19). Если не считать дня Его смерти, т.-е. пятницы (Ін. 19, 31—42), то третій день падаетъ на понедѣльникъ. Если же выраженіе „*послѣ*“ понимать по окончательномъ *прошествіи* третьяго дня, то воскресеніе Христа падаетъ уже на вторникъ!.. А между тѣмъ Христосъ воскресъ „въ *первый* день недѣли“ (Мр. 16, 9). Значить, въ числѣ трехъ дней необходимо считать и день смерти Христа, и выраженіе „*послѣ* трехъ дней“ необходимо понимать въ смыслѣ: „въ третій день“ (Мѡ. 27, 63—64. Лк. 24, 46). Такъ точно должны мы толковать и выраженіе еванг. Іоанна: „*послѣ* восьми дней“. Въ число „*восьми дней*“ входитъ и *первый* день недѣли, и самое выраженіе: „*послѣ* восьми дней“ должно быть понимаемо: „въ восьмой день“ ¹⁾. Тогда ясно станетъ, что Христосъ и воскресъ въ первый день недѣли и явился двѣнадцати ученикамъ также въ *первый* день недѣли (Іоан. 20, 26) ²⁾. Но не только покоемъ Своимъ и явленіемъ Христосъ запечатлѣлъ святость для христіанъ перваго дня недѣли. Въ тотъ же первый день недѣли Онъ совершилъ съ двумя учениками Своими первое и послѣднее, по своемъ воскресеніи и до вознесенія, преломленіе хлѣба или вечерю Господню (Лук. 24, 30, 31—35) и подаль апостоламъ особый даръ Св. Духа и власть силою этого дара прощать людямъ или оставлять на нихъ грѣхи ихъ (еванг. Іоан. 20, 21—23). Наконецъ, съ особенною ясностью Христосъ указаль на

¹⁾ Точнѣе: при исходѣ восьмого дня, такъ какъ явленіе было, безъ сомнѣнія, *вечеромъ* (ср. Ін. 20, 26, ст. со ст. 19). Подобно выраженію: „*послѣ* восьми дней“ понимается всѣми и выраженіе: „*при наступленіи* дня пятидесятницы“ (Дѣян. 2, 1), когда имѣется въ виду здѣсь самый день пятидесятницы—его начало, а не конецъ дня предъ пятидесятницей.

²⁾ Св. Теофилъ Александръ († 385 г.) свидѣтельствуетъ, что именно *воскресный день* именуется въ Св. Писаніи и „*первымъ*“ и „*осьмымъ*“ (пр. 1-е).

И Ап. Варнава именуетъ воскресный день „*осьмымъ*“ (посл. Ап. Варн. XV гл.). Также учить и Св. Василій Великій, называя „*день воскресенія*“ днемъ *осьмымъ* (прав. 19).

святость перваго дня недѣли, какъ дня радости и мира для христіанъ, когда, явившись плачущимъ женамъ (Іоан. 20, 11), повелѣлъ имъ: „радуйтесь“ (Мѳ. 28, 9) и затѣмъ, явившись одиннадцати апостоламъ и бывшимъ съ ними, дважды сказалъ имъ: „миръ вамъ“ (Іоан. 20, 19—21), но не плачь и рыданіе (Мр. 16, 10. Лк. 24, 17—21). Спустя восемь дней Христось снова является уже всѣмъ апостоламъ и снова повелѣваетъ имъ: „миръ вамъ“ (Іоан. 20, 26). Отсюда ясно, что священный покой Христа, т. е. „первый день недѣли“, запечатлѣнный въ умахъ и сердцахъ христіанъ явленіями воскресшаго Христа и священнымъ собраніемъ съ преломленіемъ хлѣба и подачею великаго дара Св. Духа, долженъ быть проводимъ христіанами въ особой радости и мирѣ во Христѣ. Какъ нѣкогда евреи называли *субботу* „отрадою“ и чтили ее воздержаніемъ отъ обычныхъ дѣлъ (Исаи 58, 13), такъ христіане должны считать „днемъ радости“ *первый день недѣли* и проводить его въ „мирѣ“ Божіемъ, а не въ суетныхъ, житейскихъ дѣлахъ. „Миръ“ или покой не только для Христа, но и „вамъ“, т. е. всѣмъ христіанамъ *въ первый день недѣли*.

По вознесеніи Своемъ на небо Христось снова отъ имени Бога-Отца запечатлѣлъ святость перваго дня недѣли. Апостолы, по вознесеніи Христа, должны были остаться въ Іерусалимѣ, доколѣ не облечутся силою Св. Духа, Котораго Христось обѣщалъ послать на нихъ отъ Отца Своего (Лк. 24, 49. Дѣян. 1, 4). На вопросъ учениковъ о времени этого событія Христось отвѣчалъ: „не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отець положилъ въ своей власти; но вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святой“... (Дѣян. 1, 6—8). И вотъ это сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, давшее имъ силу быть проповѣдниками Христа по всей землѣ (Дѣян. 1, 8), случилось въ день Пятидесятницы (Дѣян. 2, 1), которая въ тотъ годъ праздновалась въ *первый день недѣли*. Итакъ, первый день недѣли и есть то время, которое Самъ Богъ Отець избралъ и которое освятилъ ниспосланіемъ Св. Духа на Апостоловъ и другихъ христіанъ.

— А по-нашему, **Пятидесятница**, когда Св. Духъ сошелъ на учениковъ Христа, приходилась въ субботу, — замѣтилъ, обращаясь ко мнѣ, Петръ. — Вѣдь Пасха въ тотъ годъ была въ субботу и, если *со дня субботы* отсчитать пятьдесятъ дней, то и Пятидесятница была въ субботу.

— Ошибаешься, Петръ. То правда, что Пасха въ тотъ годъ пришла въ субботу (Иоан. 19, 14—31). Но дни Пятидесятницы нечисляются по закону не отъ перваго дня Пасхи, а отъ второго, какъ сказано: „отсчитайте себѣ отъ перваго дня *послѣ* праздника... семь полныхъ недѣль“... (Лев. 23, 15). Слѣдовательно, счетъ пятидесятницы въ годъ воскресенія Христова должно вести съ перваго дня недѣли, потому что праздникъ Пасхи былъ въ тотъ годъ въ субботу. А тогда „семь полныхъ недѣль“ кончатся въ субботу, и 50-й день, или Пятидесятница падеть, именно, на *первый* день недѣли.

Итакъ, всѣ примѣры, приведенные мною изъ жизни Иисуса Христа, ясно и неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что христіане должны свято хранить, и праздновать первый день недѣли, какъ день воскресенія или покоя Христа.

— в) — Да вы ужъ для полноты дѣла укажите намъ *примѣры и изъ жизни Апостоловъ и другихъ вѣрующихъ во Христа*,—проговорилъ Петръ, видимо удрученный приведенными мною доказательствами въ пользу празднованія воскреснаго дня.

— Позволь, Петръ. Сейчасъ поговоримъ съ тобою и объ этомъ. Видно, велика твоя немощь, что ты сказаннымъ мною не удовлетворяешься.

Апостолы и всѣ бывшіе со Христомъ, по смерти Христа, проводили дни, не исключая и субботы, въ плачъ и рыданіи (Мар. 16, 10. Лк. 24, 17—21. Ин. 20, 11). Въ такомъ печальномъ настроеніи засталъ ихъ и первый день недѣли. Но вотъ является имъ Христосъ и повелѣваетъ: „радуйтесь“ (Мѡ. 28, 9) и еще „миръ вамъ“ (Ин. 20, 19. 21, 26), и они тотчасъ же „обрадовались“ (Иоан. 20, 20. Мѡ. 8—9), при чемъ радость наполнила ихъ сердце еще тогда, когда они только предчувствовали въ своемъ Собесѣдникѣ Христа: „не горѣло ли въ насъ сердце наше“... (Лк. 24, 32). Такъ первый день недѣли сталъ для учениковъ Христа „днемъ радости и мира“, какъ день воскресенія и явленія Христа, и они проводили его въ радости и мирѣ—„обрадовались“. Далѣе. Для Христа, какъ я уже сказалъ, первый день недѣли былъ *днемъ покоя, днемъ священнаго собранія*, соединеннаго съ „*преломленіемъ хлѣба*“. Такъ же проводили первый день недѣли и Апостолы съ прочими христіанами. Отъ женъ мѡроносицъ они узнали, что Христосъ воскресъ, хотя и не повѣрили женамъ (Лк. 24, 9—

11). И вотъ Клеопа вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ Христа идутъ изъ Иерусалима въ селеніе Еммаусъ и разговариваютъ между собою по поводу вѣстей, доставленныхъ женами и подтвержденныхъ нѣкоторыми изъ учениковъ Христа (Лк. 24, 13—14. 22—24). По дорогѣ къ нимъ присоединился Христосъ и принялъ участіе въ ихъ разговорѣ. Подошли они къ селенію. Первый день недѣли уже склонился къ вечеру. Христосъ съ учениками вошелъ въ селеніе и тамъ остался съ ними. И вотъ здѣсь въ селеніи Христосъ не только бесѣдовалъ съ учениками, но и, когда *возлежалъ* съ ними, взялъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ имъ... И ученики узнали въ своемъ Собесѣдникѣ Христа, узнали именно въ „*преломленіи хлѣба*“ (Лк. 24, 28—31. 35). Это и было *первое* священное собраніе, соединенное съ „вечерею Господнею“, или съ „преломленіемъ хлѣба“, совершенное въ первый день недѣли учениками Христа, съ участіемъ и по волѣ Самого Христа. Апостолы и прочіе христіане въ свою очередь, по поводу вѣстей женъ мѣроносицъ и Ап. Петра о воскресеніи и явленіи имъ Христа, собрались въ Иерусалимѣ всѣ вмѣстѣ въ опредѣленномъ домѣ въ тотъ же первый день недѣли вечеромъ (Лк. 24, 9—14. 34—35. Иоан. 20, 18) ¹⁾ и во время этого священнаго собранія также совершали „вечерю Господню“: „*возлежали на вечери*“ (Мр. 16, 14). Туда же пришли и два ученика изъ Еммауса съ вѣстями о явленіи имъ Христа, и какъ они узнали Его въ „преломленіи хлѣба“ (Лк. 24, 35). И Христосъ явился здѣсь ученикамъ и освятить это уже *второе* священное собраніе учениковъ въ первый день недѣли, соединенное съ „вечерею Господнею“, когда сказалъ: „миръ вамъ“. И сердца учениковъ тотчасъ наполнились *радостью* (Лк. 24, 36—41. Ин. 20, 19—20). Видя, что Самъ Христосъ устроилъ съ двумя Своими учениками въ Еммаусѣ

¹⁾ Иногда сектанты, пытаясь отнять отъ собраній Апостоловъ праздничный или священный характеръ, говорятъ, что данное первое вечернее собраніе Апостоловъ и бывшихъ съ ними вызвано было не вѣстями о воскресеніи Христа и, слѣдовательно, было не священнымъ, а Апостолы просто укрывались отъ іудеевъ. Но Св. Писаніе ясно говоритъ, что изъ опасенія іудеевъ ученики только *двери дома затерли* (Ин. 20, 19) а что самое собраніе вызвано было и посвящено было именно разговорамъ о воскресеніи и явленіи Христа, о чемъ возвѣстили жены и мѣроносицы и Ап. Петръ (ср. Лк. 24, 9—14. 33—36, Ин. 20, 18—19).

священное собраніе съ преломленіемъ хлѣба *въ первый день недѣли*, и что Онъ же освятить такое же собраніе Апостоловъ въ Іерусалимѣ въ тотъ же первый день недѣли, *Апостолы пришли къ убѣжденію, что именно первый день недѣли и долженъ особенно святиться такими священными собраніями*. Посему они и устроили слѣдующее священное собраніе опять *въ первый день недѣли*, т.-е. „послѣ восьми дней“. На этомъ собраніи былъ и Ап. Тома. И снова явился имъ здѣсь Христосъ и снова благословилъ и освятить это уже *третье* священное собраніе Своихъ учениковъ *въ первый день недѣли* словами: „миръ вамъ“ (Іоан. 20, 26). Такъ уже до вознесенія Христа у Апостоловъ и другихъ учениковъ Христовыхъ установился освященный Самимъ Христомъ обычай чтить первый день недѣли, какъ день священннхъ собраній и преломленія хлѣба, какъ день священнаго покоя. И *по вознесеніи* Христа, вѣрующіе въ Него продолжали освящать первый день недѣли означенными богослужебными собраніями. Съ достовѣрностью можно заключить, что Апостолы остались на мѣстѣ вознесенія Христа до субботы, а въ субботу прошли разстояніе отъ горы Елеонъ до Іерусалима, потому что ев. Лука прямо пишетъ: „въ разстояніи *субботняго* пути“ (Дѣян. Ап. 1, 12). И вотъ, пройдя въ субботу это разстояніе, они на слѣдующій день, т.-е. въ первый день недѣли, въ Іерусалимѣ взошли въ горницу и вмѣстѣ съ другими вѣрующими *„единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи“* (Дѣян. 1, 13—14)¹⁾. Вторично они также въ слѣдующій первый день недѣли, на который падала тогда Пятидесятница, пребывали всѣ вмѣстѣ въ томъ же единодушій, т.-е. въ единодушномъ моленіи и молитвѣ (Дѣян. 2, 1 сравн. 1, 14). Безъ сомнѣнія, на этихъ священннхъ собраніяхъ они преломляли хлѣбъ (сравн. Дѣян. 2, 42).

По примѣру двѣнадцати Апостоловъ и учениковъ Христовыхъ и великій Ап. Павелъ *пріурочивалъ священныя собранія съ преломленіемъ хлѣба также къ первому дню недѣли*, который и проводитъ въ религіозномъ покоѣ. Это видно изъ жизни

¹⁾ Выраженіе: „въ тѣ дни Петръ“ (Дѣян. 1, 15)—отнюдь не указываетъ на продолжительность собранія въ теченіе нѣсколькихъ дней, а означаетъ просто: „въ то время“, какъ и выраженіе: „въ тѣ дни излію отъ Духа моего“... (Дѣян. 2, 18)—указывало на одинъ день, день Пятидесятницы.

образованной имъ Троадской церкви. „*Въ первый же день недѣли*, пишетъ ев. Лука, когда ученики (въ Троадѣ) собрались для преломленія хлѣба, Павелъ, намѣреваясь отправиться съ слѣдующій день, бесѣдовалъ съ ними и продолжилъ слово до полуночи“... Во время бесѣды Павловой съ однимъ юношей случилось несчастіе, и Павелъ, выйдя изъ горницы, ищѣлилъ его и снова, „взошедъ (въ горницу) и преломивъ хлѣбъ и вкусивъ, бесѣдовалъ довольно, даже до разсвѣта, и потомъ вышелъ“ (Дѣян. Ап. 20, 7—12).

— Зачѣмъ мы указываете на собраніе учениковъ въ Троадѣ,—рѣшительно возразилъ мнѣ Петръ,—когда это собраніе *чрезвычайное*, вызванное пріѣздомъ Ап. Павла, а не обычное, всегда совершающееся у Троадскихъ христіанъ?

— Ошибаешься, Петръ,—отвѣчалъ я.—Вѣдь ап. Павелъ пробылъ въ Троадѣ семь дней (Дн. 20, 6). Почему же ученики въ Троадѣ не устроили собранія тотчасъ, или въ первый день пріѣзда ап. Павла, а перенесли оное на послѣдній день его пребыванія у нихъ? Значитъ, по случаю *пріѣзда* ап. Павла они такого собранія не устраивали. Не устраивали потому, что пріѣздъ къ нимъ ап. Павла палъ на понедѣльникъ ¹⁾, а въ понедѣльникъ христіане не устраивали означенныхъ священныхъ собраній. И въ первый день недѣли они опять-таки если и устроили священное собраніе, то не по случаю *отъѣзда* ап. Павла, а только потому, что у нихъ уже былъ такой обычай святить первый день недѣли богослужественными собраніями съ преломленіемъ хлѣба. Вотъ почему ев. Лука и не пишетъ, что собраніе въ первый день недѣли было по случаю пріѣзда или отъѣзда ап. Павла, а ясно говоритъ: „въ первый же день недѣли, *когда ученики собрались для преломленія хлѣба* (Дѣян. 20, 7). Вспоминая все сказанное нами о собраніяхъ другихъ апостоловъ и христіанъ именно въ первый день недѣли для преломленія хлѣба, мы видимъ, что ев. Лука указываетъ, что и Троадскіе христіане, какъ наставленные ап. Павломъ (Дѣян. 16, 8—12), также устраивали священныя собранія съ преломленіемъ хлѣба въ первый день недѣли. Посему-то они и не устраивали такого

¹⁾ Павелъ отбылъ изъ Троады „въ слѣдующій“ за первымъ днемъ недѣли день (Дн. 20, 7), т. е. въ понедѣльникъ, а пробылъ въ Троадѣ семь дней. Ясно, что прибылъ онъ въ Троаду въ понедѣльникъ.

собранія въ теченіе первыхъ шести дней пребыванія у нихъ ап. Павла, а когда насталь первый день недѣли, то и собрались для преломленія хлѣба по обычаю, уже заведенному у нихъ. Ясно, что не собраніе Троадскихъ учениковъ вызвано прїѣздомъ или отъѣздомъ ап. Павла, а наоборотъ, ап. Павелъ къ этому собранію приурочилъ свою бесѣду съ учениками, и, отпраздновавъ съ ними первый день недѣли, отправился въ дальнѣйшій путь „на слѣдующій день“, т.-е. въ понедѣльникъ. Итакъ, несомнѣнно, что христіане въ Троадѣ, по повелѣнію ап. Павла, святити именно первый день недѣли особыми священными собраніями съ преломленіемъ хлѣба.

— Да какъ вы понимаете „*первый день недѣли*“ въ даннсмъ мѣстѣ?— снова многозначительно спросилъ Петръ.

— Такъ, какъ и всюду онъ понимается въ Св. Писаніи, т.-е. какъ день воскресный,—отвѣчалъ я

— А по-нашему, здѣсь есть разница,—не безъ лукавства замѣтилъ Петръ.—Вѣдь собраніе учениковъ въ Троадѣ случилось *вечеромъ*, что видимъ изъ словъ ев. Луки: „Павелъ продолжилъ слово *до полуночи*. Въ горницѣ... было довольно *свѣтильниковъ*“ (Дн. 20, 7—8). Счетъ дней въ Св. Писаніи ведется іудейскій, по которому день начинается *съ вечера* и продолжается *до вечера* слѣдующаго дня (Левитъ 23, 32. Быт. 6—8—13). Значитъ, ап. Павелъ проповѣдывалъ и преломилъ хлѣбъ въ Троадѣ на собраніи, бывшемъ *въ субботу вечеромъ* или *подъ воскресенье*. На разсвѣтѣ же въ воскресенье (Дн. 20, 11) онъ отправился изъ Троады въ дальнѣйшій путь, т.-е. въ Ассъ. Отсюда ясно, это ап. Павелъ считаль воскресный день *рабочимъ* и провелъ его не священномъ собраніи, а въ дорогѣ. Слѣдовательно, и Троадскіе ученики отнюдь не святити воскреснаго дня покоемъ и собраніями съ преломленіемъ хлѣба.

— Нельзя, Петръ, согласиться съ тобою,—отвѣчалъ я.—Во-первыхъ, изъ примѣра Христа и другихъ апостоловъ мы видимъ, что собраніе съ преломленіемъ хлѣба совершалось ими не въ субботу вечеромъ, а вечеромъ въ воскресенье, т.-е. подъ 2-й день недѣли (ев. Лк. 24, 29, 30, 35. Мр. 19, 14. Ин. 20, 19). Слѣдовательно, если собраніе Троадскихъ учениковъ было „въ первый день недѣли *вечеромъ*“ (Дѣян. 20, 7, 8), то его нужно понимать такъ же, какъ и собраніе апостоловъ „въ первый день недѣли *вечеромъ*“ (Ин. 20, 19), т.-е.

что оно произошло подъ 2-й день недѣли. Это ясно и изъ повѣствованія ев. Луки, что, ап. Павелъ отправился въ путь не на разсвѣтъ перваго дня недѣли, а на разсвѣтъ *слѣдующаго дня* за первымъ днемъ недѣли, т. е. въ понедѣльникъ. Очевидно, что воскресеніе ап. Павелъ провелъ въ священномъ покоѣ и собраніи съ преломленіемъ хлѣба. Что касается приведеннаго тобою счета дней, по которому вечеръ даннаго дня принадлежитъ не этому дню, а слѣдующему за нимъ, то должно замѣтитк, что въ Св. Писаніи употребляется и другой счетъ дней, не іудейскій, а языческій-римскій, по которому день считается отъ полуночи до полуночи, и, слѣдовательно, вечеръ дня принадлежалъ тому же дню. Такой счетъ дней употребленъ евангелистами при описаніи явленій воскресшаго Христа ученикамъ, когда на собраніяхъ учениковъ совершалось и преломленіе хлѣба. Такъ, напримѣръ, говоря о явленіи Христа одиннадцати апостоламъ, возлежавшимъ на вечерахъ, ев. Іоаннъ пишетъ: „въ тотъ же первый день недѣли вечеромъ“ (20, 19)... Здѣсь *вечеръ подъ понедѣльникъ* считается частью дня воскреснаго, какъ и тотъ же вечеръ, когда Христосъ возлежалъ съ учениками въ Еммаусѣ. И вотъ такое римское счисленіе дней, конечно, было и у Троядскихъ христіанъ, которые составились не изъ іудеевъ, а изъ язычниковъ. Въ то время Трояда была Римскою провинціей. Извѣстно же, что ап. Павелъ чуждымъ еврейскаго закона не навязывалъ предписаній этого закона (1 Кор. 9, 21). Да и ев. Лука, будучи родомъ грекъ, писалъ Дѣянія Апостоловъ Теофилу, отнюдь не еврею. Ясно, что Троядскіе христіане собрались для преломленія хлѣба, по примѣру другихъ апостоловъ и Христа, вечеромъ подъ понедѣльникъ, считая этотъ вечеръ еще продолженіемъ перваго дня недѣли, или воскресенья. Ясно также и то, что ап. Павелъ отправился въ путь на разсвѣтъ въ понедѣльникъ, какъ и говоритъ ев. Лука: „въ слѣдующій день“ за первымъ днемъ недѣли. Я не буду уже говорить о томъ, что въ Св. Писаніи ясно сказано, что собрались Троядскіе христіане для преломленія хлѣба „въ первый день недѣли“ ¹⁾).

1) Если бы мы и допустили, вопреки ясному смыслу Св. Писанія, что данное собраніе было подъ воскресеніе, то опять-таки и по европейскому счету имъ святится бы *первый день недѣли*... А изъ того, что ап. Павелъ отправился въ путь, какъ думаютъ сектанты, на разсвѣтъ воскресенья.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ Петръ.—Пусть собраніе было въ воскресенье. А все же ап. Павелъ совершилъ преломленіе хлѣба послѣ полуночи, т.-е. по вашему счету уже *во второй день недѣли*, а не въ воскресенье, что видно изъ сравненія стиховъ 7 и 11 гл. 20 Дн. Ап.

— И опять, Петръ, ты извращаешь Св. Писаніе, — заявилъ я.—Въ Дѣянїяхъ апостольскихъ не сказано, что ап. Павелъ совершилъ преломленіе хлѣба „*послѣ полуночи*“. Тамъ лишь сказано, что ап. Павелъ велъ продолжительную бесѣду „*до полуночи*“. *Во время* этой бесѣды, „*до полуночи*“, съ юношею случилось несчастіе, такъ что апостоль прервалъ эту бесѣду, а затѣмъ, войдя снова въ горницу, преломилъ хлѣбъ и вкусилъ. Послѣ преломленія онъ продолжилъ бесѣду не только „до полуночи“, но „даже до разсвѣта“, и потомъ вышелъ (Дн. 20, 7—11). Ясно, что и событіе съ юношею, и преломленіе хлѣба произошли „*во время* продолжительной бесѣды Павловой... „*до полуночи*“ (ст. 7—9), а не послѣ полуночи, т.-е. въ воскресенье. Выраженіе же ев. Луки: бесѣдоваль довольно, *даже до разсвѣта*“ (ст. 11),—если и говорить о чемъ, такъ только о томъ, что ап. Павелъ и послѣ преломленія продолжилъ бесѣду съ полуночи, даже до разсвѣта, но отнюдь не даетъ данныхъ для заключенія о совершеніи преломленія хлѣба въ этотъ второй періодъ бесѣды, такъ какъ означенное преломленіе ясно отнесено къ первому періоду бесѣды „*до полуночи*“ и, можно думать, состоялось въ концѣ первой бесѣды. Посему-то и говорить ев. Лука, что Троицкіе ученики собрались *въ первый день недѣли* не только для бесѣды, но и для „*для преломленія хлѣба*“ (ст. 7). Необходимо еще замѣтить, что выраженіе: „*до разсвѣта*“ означаетъ время, когда еще совсѣмъ темно, такъ какъ даже выраженіе: „*на разсвѣтъ*“— и то означаетъ, что „было еще темно“ (ср. Мѡ. 28, 1. Иоан. 20, 1). Слѣдовательно, съ полуночи до разсвѣта— время короткое, и если на это время отнести преломленіе хлѣба и вкушеніе, то явится совершенно непонятнымъ, какъ же ев. Лука говоритъ, что и послѣ преломленія ап. Павелъ „бесѣдовалъ довольно“!.. Все это и свидѣтельствуешь о томъ,

нельзя заключить, что воскресенье было днемъ *рабочимъ*. Вѣдь ап. Павелъ отправился опять-таки *на протовѣдь*, а не на житейскую работу, и спѣшилъ въ Іерусалимъ къ Пятидесятницѣ (Дн. 20, 13—16). Подобными же путешествіями не нарушалась и суббота (Мѡ. 12).

о чемъ ясно говоритъ и самъ ев. Лука, что и священное собраніе, и преломленіе хлѣба состоялись въ первый день недѣли. И лишь ап. Павелъ, отъѣзжая, затянулъ нѣсколько свою бесѣду, чтобы прямо съ бесѣды на разсвѣтъ понедѣльника отправиться въ Ассъ.

— Еще при жизни своей Христосъ училъ, что „въ дни покоя“ („въ субботы“) можно дѣлать добро (Мѡ. 12, 12). И вотъ ап. Павелъ повелѣваетъ христіанамъ *святить день христіанскаго покоя—первый день недѣли—дѣлами благотворительности и милосердія*, о чемъ человекъ въ другіе дни за житейскою суетою можетъ и позабыть, или недостаточно исполнить этотъ христіанскій долгъ. „При сборѣ же для святыхъ, пишетъ ап. Павелъ Коринѳянамъ, поступайте такъ: въ первый день недѣли каждый изъ васъ пусть отмѣчаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволить ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я приду. Когда же приду, то которыхъ вы изберете, тѣхъ отправлю съ письмами для доставленія вашего подаянія въ Іерусалимъ“ (1 Кор. 16, 1—3). Такъ *первый день недѣли выдѣлялся у христіанъ во времена Апостоловъ изъ среды другихъ дней, какъ день усиленнаго сбора подаяній для немощныхъ братій по вѣрѣ*.

— Но какой же тогда покой въ первый день недѣли, когда въ этотъ день производились сборы?—возразилъ Петръ.

— Добрыми дѣлами на пользу ближнихъ никогда, Петръ, покой не нарушался. Это мы видимъ изъ жизни Христа (Мѡ. 12, 10—13; Лк. 13, 12—13; 14, 4; Иоан. 9, 7; 5, 2—9); и изъ Его отвѣта фарисеямъ: „въ субботы можно дѣлать добро“. Только фарисеи соблазнялись дѣлами милосердія въ дни покоя. Сверхъ того, ап. Павелъ говоритъ не о публичныхъ сборахъ, хотя и такіе сборы отнюдь не нарушили бы покоя священнаго дня, а только о томъ, чтобы каждый отлагалъ *у себя* и сберегалъ, сколько позволить ему состояніе.

— Но если этими приношеніями освящался первый день недѣли, то почему ап. Павелъ не приурочилъ ихъ къ богослужебнымъ собраніямъ христіанъ въ тотъ же день, а повелѣлъ производить ихъ дома „у себя“, т.-е. частно?—снова спросилъ Петръ.

— Да потому, Петръ, чтобы такими приношеніями не нарушить порядка или тишины самыхъ моленій, что случилось бы при массѣ приношеній. И потому еще, чтобы всѣ

участвовали въ моленіи, тогда какъ при иной обстановкѣ дѣла нѣкоторымъ пришлось бы все время провести въ приѣмѣ и сортированіи приношеній. Да и каждый у себя въ домѣ могъ лучше сберечь свои приношенія. Словомъ, такой способъ сбора подаеній нашелъ наилучшимъ самъ ап. Павелъ. Посему намъ нечего критиковать ап. Павла. Для насъ важно лишь то, что такія подаенія были приурочены къ первому дню недѣли и, слѣдовательно, назывались воскресными. А что добрыми дѣлами освящается, а не пятнается покой дня, такъ объ этомъ и Христосъ не разъ говорилъ, и спорить объ этомъ пристойно только фарисеямъ.

Итакъ, мы видимъ, что *апостолы и прочіе христіане, по примѣру Христа, считали первый день недѣли днемъ покоя, днемъ священныя собранія и преломленія хлѣба, днемъ радости и мира, днемъ усиленной благотворительности и милосердія.* И въ этотъ же первый день недѣли апостолы впервые явили міру воскресшаго Христа и подали новообращеннымъ даръ Св. Духа. Такъ освящали первый день недѣли христіане апостольскихъ временъ.

3) — Замѣчательно, что еще въ ветхозавѣтныя времена *пророки возвѣстили будущую славу дня воскресенія Христова или перваго дня недѣли.*

— Мы что-то не знаемъ такихъ пророчествъ,—недоумѣвая, проговорилъ Петръ.

— И неудивительно, Петръ, — отвѣчалъ я. Иначе вы праздновали бы воскресный день. Развѣ только упорство сердца ваішого и при разумнѣиіи пророческихъ словъ помѣшало бы вамъ свято хранить первый день недѣли. Но я надѣюсь на ваше сердце и потому приведу *пророчества о славѣ воскреснаго дня.*

Въ одномъ изъ псалмовъ пророкъ Давидъ восклицаетъ: „славлю Тебя, что Ты услышалъ меня и сдѣлался моимъ спасеніемъ. Камень, который отвергли строители, сдѣлался главою угла: это—отъ Господа, и есть дивно въ очахъ нашихъ. Сей день сотворилъ Господь: *возрадуемся и возвеселимся въ оный!* О, Господи, спаси же“! (Псал. 117, 21—25). Что приведенныя слова имѣютъ пророческій, мессіанскій смыслъ—это весьма ясно указано пророкомъ Исаіею и особенно Самимъ Мессіею—Христомъ и апостолами (Исаіи 8, 14, 28, 16. Мѡ. 21,

42. Лк. 20, 17. Дѣян. 4, 11. 1 Петр. 2, 4—8. Римл. 8. 33. Ефес. 2, 20). Подъ „*камнемъ*“ Псалмопѣвецъ разумѣлъ Господа—Христа. Итакъ, *день*, когда Христосъ „дѣлался спасеніемъ“, *сотворенъ Господомъ* и въ тотъ день должно „*радоваться и веселиться*“. Въ какой же день Христосъ „сдѣлался спасеніемъ и главою угла“? На это намъ отвѣчаетъ и притомъ съ неоспоримую ясностью ап. Петръ: „насъ, пишетъ онъ, крещеніе *спасаетъ воскресеніемъ* Иисуса Христа“ (1 Петр. 3, 21. 1, 3. 5.10). И въ своей рѣчи къ израильтянамъ тотъ же апостоль подробно раскрываетъ мысль, что отверженіе камня—это распятіе Христа, а что камень содѣлался главою угла и спасеніемъ—это *воскресеніе Христа* (Дѣян. 4, 10—12. 33). Другой апостоль также подробно раскрываетъ намъ, что именно въ воскресеніи Христа наше спасеніе и что безъ воскресенія Христа мы погибли бы (1 Коринф. 15, 17—22; 57). Да и самъ Псалмопѣвецъ видитъ именно въ воскресеніи Христа свое спасеніе или свой покой, какъ покой Христа (Дѣян. 2, 24—35). Слѣдовательно, *день*, когда Христосъ сдѣлался спасеніемъ и главою угла,—это день Его воскресенія или *первый день недѣли*. И объ этомъ-то днѣ пророкъ Давидъ и восклицаетъ: „*сей день сотворилъ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ оный!*“ Пророческое приглашеніе Псалмопѣвца сбылось, когда ученики Христа, по повелѣнію воскресшаго Христа: „радуйтесь и еще „миръ вамъ“ (Мѡ. 28, 9. Ин. 20, 19, 21, 26), дѣйствительно „обрадовались“ (Ин. 20, 20. Лк. 24, 41. Мѡ. 28, 8—9) въ день воскресенія Христа или въ первый день недѣли. Такъ Христосъ повторилъ приглашеніе Давида и повелѣлъ Своимъ ученикамъ исполнить оное въ первый день недѣли,—и ученики Христа исполнили его (Ин. 20, 20). День воскресенія Христова, во исполненіе пророчества, сталъ для нихъ *днемъ Господнимъ, днемъ радости и веселья во Христвѣ*.

Ап. Павелъ указываетъ еще на одно пророчество о христіанскомъ покоѣ и подробно выясняетъ смыслъ его. Это пророчество 94-го псалма: „Я поклялся въ гнѣвѣ Моемъ, что они *не войдутъ въ покой Мой*“ (ст. 11). Здѣсь, по объясненію ап. Павла, нельзя разумѣть ветхозавѣтный покой, или покой, доставленный народу израильскому Иисусомъ Навиномъ, когда онъ ввелъ израильтянъ въ землю обѣтованную, такъ какъ въ томъ и другомъ покоѣ израильтяне уже пребыли до

Псалмопѣвца. Но чрезъ Давида Духъ Святый говоритъ о „*другомъ днѣ покоя*“, въ который еще никто въ то время не входилъ, и о которомъ дано лишь *обѣтованіе*. Въ этотъ покой „входимъ мы увѣровавшіе“ во Христа, какъ „сдѣлавшіеся причастниками Христу, и въ этотъ новый покой или новое „субботство“ зоветъ ап. Павелъ и весь „народъ Божій“ или израильскій. Слѣдовательно, въ пророчествѣ 94-го псалма (ст. 7—11) ап. Павелъ видитъ ясное указаніе на новозавѣтный или Христовъ покой. И это пророчество сбылось при Христѣ, потому что со времени Христа явилась, по ап. Павлу, возможность для увѣровавшихъ во Христа войти въ этотъ покой (Евр. 3, 7—11, 4, 1—11). Покоемъ же Христа называется въ Св. Писаніи, какъ я уже говорилъ, Его воскресеніе¹⁾. Такъ училъ и Псалмопѣвецъ, который изрекъ пророчество о покойѣ (Дѣян. 2, 23—32).

— А, быть-можетъ, ап. Павелъ разумѣетъ здѣсь подъ „покоемъ“ наше воскресеніе изъ мертвыхъ, — нерѣшительно замѣтилъ Петръ. — Тогда мы еще не можемъ праздновать этотъ „покой“, такъ какъ еще нѣтъ воскресенія мертвыхъ.

— Прежде всего, Петръ, — отвѣчалъ я, — ап. Павелъ говоритъ о покойѣ *Христа*: „покой *Его*“ (Евр. 4, 1). И въ покой Христа „мы входимъ“, и „кто вошелъ въ покой *Его*, тотъ и самъ успокоился“... (Евр. 4, 3, 10). Христось же уже воскресъ, посему мы и празднуемъ покой *Христовъ*. Собственный же покой мы получимъ въ воскресеніе мертвыхъ, но надежду на этотъ покой мы уже получили въ покой или воскресеніи Христа. Иначе, если бы мы не вошли въ покой Христа и въ надежду собственнаго покоя, то мы были бы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ (1 Коринф. 15, 18—23).

Такъ *предсказана св. пророками слава перваго дня недѣли, который мы, по слову пророческому, должны называть, „днемъ Господнимъ, великимъ и славнымъ“, „днемъ покоя, радости и веселья“.*

4) — А гдѣ въ Св. Писаніи сказано, чтобы мы называли первый день недѣли **воскреснымъ днемъ?** — какъ бы нехотя спросилъ меня Петръ.

Видно было, что онъ совершенно потерялъ подъ собою

1) Сравни. 1 Петр. 1,3 -5, 10—12.

почву и у него уже не было матеріала для возраженія противъ празднованія перваго дня недѣли.

— А развѣ нельзя назвать день, когда воскресъ Христось, днемъ воскресенія, или воскреснымъ? — въ свою очередь спросилъ я Петра.

— Да оно-то можно, — отвѣчалъ Петръ, — а все же лучше показать отъ Писанія.

— Видишь, Петръ, ты все требуешь привести букву Писанія, а между тѣмъ мы служители не буквы, а духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ (2 Коринѳ. 3, 6). Но все же, чтобы не соблазнить тебя, приведу тебѣ и букву Писанія, гдѣ отъ имени событія воскресенія Христова и самый день называется воскреснымъ, подобно тому какъ и у евреевъ отъ имени покоя — субботы сталъ и седьмой день какъ время покоя, называться субботою, или субботнимъ днемъ. И вообще въ Писаніи нерѣдко отъ имени праздника получаетъ себѣ названіе и самый день, на который падаетъ праздникъ (Лев. 23.; Дѣян. 2, 1). Посему отъ имени событія воскресенія Христова и день, когда Онъ воскресъ, или первый день недѣли, называется днемъ воскреснымъ. Такъ именуеть этотъ день св. Іоаннъ: „я былъ въ духѣ въ день воскресный“ (Апок. 1, 10).

— Здѣсь, по-нашему, неправильный переводъ съ греческаго, — возразилъ Петръ. — Въ греческомъ подлинникѣ сказано: „*Κυριακή ἡμέρα*“, т.-е. *день Господень*. А днемъ *Гоподнимъ* называлась суббота (Исаія 58, 13), а не первый день недѣли. Слѣдовательно, св. Іоаннъ былъ въ духѣ въ день *субботній*.

— Позволь, Петръ, — отвѣчалъ я. — Всегда ты твердилъ, чтобы бесѣдовали съ вами только по *русской библии*. Теперь же ты не довѣряешь и русской библии. Нехорошо. Далѣе, ты глубоко неправъ въ своемъ утвержденіи, что „днемъ *Господнимъ*“ называется въ Св. Писаніи только седьмой день недѣли, или еврейская суббота. Правда, пр. Исаія называетъ субботу, какъ день, посвященный евреями Господу (Исаія 31, 15), „*отрадою, святымъ днемъ Господнимъ, чествуемымъ*“... Но я уже подробно указалъ, что въ Новомъ Завѣтѣ „днемъ радости“ и также „днемъ *Господнимъ*“ называется уже не седьмой, а *первый день недѣли*, потому что этотъ день христіане посвящали Господу (Мѳ. 28, 8—9, Лк. 24, 32, Іоан. 20,

19, 20, 21, 26 Псалм. 117, 24; Дѣян. 1, 7, 2, 20, 21, Іоила 2, 31, Псал. 117, 24). А такъ какъ св. Іоаннъ былъ въ духѣ въ Новомъ Завѣтѣ, то подѣ „днемъ Господнимъ“ онъ, конечно, и разумѣлъ Новозавѣтный „день Господень“, или день воскресенія Христа. Къ тому заключенію мы приходимъ и изъ сопоставленія двухъ выраженій Св. Писанія Новаго Завѣта: „*Κυριακῆ ἡμέρα*“ (Апок. 1, 10) и „*Κυριακὸν δέηρον*“ (і Кор. 11, 20). Въ послѣднемъ случаѣ подѣ „вечерею Господнею“ разумѣется „вечеря *Христова*“, а потому и „день Господень“—это день *Христовъ*, каковымъ отнюдь не можетъ быть еврейская суббота, а, какъ я уже изъяснилъ, является *первый* день недѣли или *день воскресный*. Такъ и природные греки понимаютъ данное выраженіе, которое и переведено на русскій языкъ: „въ день *воскресный*, а на славянскій: „въ день *недѣльный*“ (т.-е. день, съ котораго начинается новая недѣля, или седмица¹⁾). И какъ въ древности Богъ воззвалъ къ ветхозавѣтному пророку Моисею изъ среды облака въ день ветхозавѣтнаго покоя, т.-е. въ седьмой день (Исх. 24, 16), такъ въ Новомъ Завѣтѣ Христосъ воззвалъ къ новозавѣтному пророку въ день новозавѣтнаго покоя, т.-е. въ первый недѣли или въ день воскресный (Апок. 1, 10). Итакъ, и прямое свидѣтельство Св. Писанія, и здравый смыслъ нашъ ясно говорятъ намъ, что мы имѣемъ полное право именовать *первый* день недѣли **днемъ воскреснымъ**.

Петръ смолкъ. Понуривъ голову, онъ больше не возражалъ. Тогда я вкратцѣ повторилъ предѣ слушателями, что *православные христіане*, какъ правильно по Св. Писанію славящіе Христа, *должны согласно прямой заповѣди и примѣрамъ изъ жизни Христа и его учениковъ, свято хранить первый день недѣли, какъ день Христова покоя, какъ день Его воскресенія и явленій ученикамъ, а также и подати послѣднимъ Св. Духа. Этотъ день они должны проводить въ радости и мирѣ во Христвъ, въ священныя собранія съ вечерею Христовой, въ*

¹⁾ И христіанская древность свидѣтельствуетъ о томъ же. Такъ въ законѣ имп. Валентиніана отъ 386 г. къ названію „день солнца“ присоединено поясненіе: „который весьма многіе имѣютъ обыкновеніе называть „*днемъ Господнимъ*“ (dominica dies). Въ законѣ же Гонорія отъ 409 г. употреблено лишь одно названіе: „*день Господень*“ (Смирнова. Праздн. воскр. дня. 73). Отсюда это назначеніе перешло и во всѣ романскія нарѣчія: „domenica“, „domingo“, „dimanche“.

дѣлахъ милосердія и благотворительности и, наконецъ, должны называть этотъ день днемъ Господнимъ, великимъ, славнымъ и воскреснымъ.

На этомъ и кончилась наша бесѣда. Въ ней я исчерпалъ все возраженія, какія только приводятся сектантами и ихъ печатною литературою противъ празднованія воскреснаго дня якобы „на основаніи Св. Писанія“.

В) О субботѣ и воскресномъ днѣ по Св. Преданію и древнѣйшей христіанской письменности.

Иногда сектанты стараются оправдать себя свидѣтельствами христіанской древности, именуемой ими „преданіемъ“. Въ такихъ случаяхъ, прежде всего, необходимо поставить имъ на видъ ихъ собственное противорѣчіе, такъ какъ въ принципѣ они противъ всякихъ „преданій“, а между тѣмъ, когда имъ эти „преданія“ какъ бы на руку, они не прочь пользоваться ими.

Обычно сектанты говорятъ: „празднованіе воскреснаго дня впервые введено закономъ Константина Великаго отъ 321 г., когда повелѣно чествовать „достопочтенный день солнца“, или день воскресенія. Въ то время Константинъ былъ еще язычникомъ (христіанство онъ-де принялъ въ 323 г.), и законъ его учреждалъ языческій праздникъ солнца, или воскресенія. Этотъ гражданскій праздникъ былъ введенъ и въ церковную жизнь христіанъ папою Сильвестромъ, который воспользовался закономъ Константина, чтобы придать празднованію перваго дня недѣли характеръ законнаго церковнаго учрежденія. Со времени же утвержденія декретомъ Юстиніана въ 538 г. главенства во всей церкви Римскаго папы, празднованіе воскреснаго дня или перваго дня недѣли стало *повсемѣстнымъ*“.

— Но, во-1-хъ, Константинъ Великій считалъ себя христіаниномъ съ 313 г.; такъ что до 321 г. онъ уже издалъ много распоряженій въ пользу христіанской церкви. Къ числу такихъ распоряженій принадлежалъ законъ 321 г., ограждавшій чествованіе христіанами воскреснаго дня, совпадавшаго съ празднованіемъ язычниками „дня солнца“. Впрочемъ, и христіане имѣли полное основаніе называть

свой воскресный день „днемъ солнца“, разумѣя подѣ „солнцемъ“ Христа, Который есть Свѣтъ міру. Въ такомъ смыслѣ встрѣчаются эти имена въ законѣ Валентиніана отъ 386 г., гдѣ къ названію „день солнца“ прибавлено поясненіе: „который весьма многіе имѣютъ обыкновеніе называть „днемъ Господнимъ“, или „воскресеньемъ“. Постепенно названіе „день солнца“ ступшевало, такъ что въ законѣ Гонорія отъ 409 г. употреблено уже одно названіе: „день Господень“. Но что языческаго въ этомъ названіи и христіанами перваго дня педѣли „днемъ солнца“ не было ничего, — это ясно и изъ свидѣтельства Тертулліана (II в.): „если мы предаемся радости въ такъ называемый день солнца, то причиной тому совсѣмъ не то, чтобы мы поклонялись ему (солнцу)“... (Аполог. гл. XXXIX). Ясно, что законъ Константина Великаго былъ *христіанскаго* характера. Что же касается того, что законъ 321 г. якобы *первые* установилъ празднованіе воскреснаго дня, то, какъ увидимъ ниже, христіанская древность весьма убѣдительно свидѣтельствуешь о празднованіи христіанами воскреснаго дня задолго до Константина Великаго, который, такимъ образомъ, лишь оградилъ гражданскимъ закономъ силу церковнаго обычая, укоренившагося въ церкви издревле.

Во-2-хъ, папа Сильвестръ не имѣлъ нужды вводить въ церковное употребленіе обычай празднованія воскреснаго дня, опираясь на законъ Константина, такъ какъ означенный обычай существовалъ въ церкви со временъ апостоловъ. Самое большее, что могъ сдѣлать папа Сильвестръ, — это *оградить* святость древняго церковнаго обычая и гражданскимъ закономъ Константина.

Въ-3-хъ, наконецъ, папское главенство въ церкви никогда не простиралось на восточную церковь, и никогда папы не были властителями всей церкви. Между тѣмъ, празднованіе воскресенія издревле было не только на западѣ, но и на востокѣ. Ясно, что ни Константинъ, ни папы не могли навязать всей церкви обычай чтить воскресный день, а они могли лишь констатировать, или подтвердить и оградить святость того обычая, который *укоренился въ церкви со временъ св. апостоловъ*.

Уже въ апостольскомъ правилѣ 64-мъ мы находимъ отличный отъ субботы „день Господень“, въ который, какъ и

въ субботу, запрещалось поститься: „аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единыя токмо (великія субботы): да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ“. Что „день Господень“ *не суббота*,—это видно изъ самаго текста 64-го правила, въ которомъ „день Господень“ отличается отъ субботы. Изъ сравненія же приведеннаго правила съ правилами: Петра Александрійскаго (15-мъ), 1-го Вселенскаго собора (20-мъ) и 6-го Вселенск. собора 55-мъ и 90-мъ),—мы убѣждаемся, что подъ „днемъ Господнимъ“ апостолы разумѣли *день воскресный*. Такимъ образомъ, христіанское священное преданіе ясно свидѣтельствуетъ о чествованіи *воскреснаго дня*, т.-е. „дня Господня“, *уже при апостолахъ*.

Въ „Ученіи двѣнадцати апостоловъ“,—произведеніи, подлинность и древность котораго (написано не позже конца I или начала II вѣка по Рождествѣ Христовомъ) неоспоримы,—читаемъ: „въ день Господень, собравшись вмѣстѣ, преломите хлѣбъ и благодарите“ (Гл. XIV). Здѣсь также, на основаніи сказаннаго относительно 64-го правила апостольскаго, подъ „днемъ Господнимъ“ нельзя разумѣть субботу, а только *день воскресный*, который и освящался собраніями съ преломленіемъ хлѣба.

Въ „Постановленіяхъ святыхъ апостоловъ“,—произведеніи, древность котораго (написано не позже II вѣка по Рожд. Христов.) внѣ сомнѣній,—читаемъ: „въ день воскресенія Господня, т.-е. въ день Господень, собирайтесь постоянно, благодаря Бога и исповѣдуя, чѣмъ благодарѣтельствоваль васъ Богъ чрезъ Христа“ (стр. 225-я). Сходитесь въ зданіяхъ Господнихъ „въ день воскресенія Господня, т.-е. въ день Господень, возсылать хвалу Богу, сотворившему все чрезъ Иисуса и пославшему Его къ намъ, попустившему Его пострадать и воскресившему Его изъ мертвыхъ. Ибо, чѣмъ оправдывается предъ Богомъ тотъ, кто не ходитъ слушать спасительное слово о воскресеніи въ такой день, когда и три моленія совершаемъ, стоя, въ память Воскресшаго въ третій день, и когда бывають чтенія пророковъ, и проповѣдь евангелія, и приношеніе жертвы, и дары священной снѣди“ (стр. 95—96-я). Въ день Господень „пусть пребываютъ въ церкви ради ученія благочестія“, *онъ имѣетъ образъ воскресенія*“ и есть „*воспоминаніе воскресенія*“ (стр. 221-я и 293-я)—

Такимъ образомъ, уже древнѣйшій памятникъ христіанской письменности ясно называетъ „*днемъ Господнимъ*“ именно „*день воскресенія Господня*“ и свидѣтельствуесть о празднованіи, почитаніи и освященіи христіанами воскреснаго дня со временъ апостольскихъ.

Въ посланіи апостола Варнавы, въ главѣ объ отмѣнѣ іудейской субботы (XV), читаемъ: „мы и проводимъ въ радости *осьмой* день, въ который и Иисусъ воскресъ изъ мертвыхъ.

Мужъ апостольскій св. Игнатій Богоносець (†107 году по Р. Х.) въ посланіи къ Магнезійцамъ пишетъ: „Итакъ, если жившіи въ древнемъ порядкѣ дѣль приближались къ новому упованію и уже *не субботствовали*, но жили жизнью *воскресенія*... Посему, сдѣлавшись Его учениками, научимся жить по-христіански., Нелѣпо призывать Иисуса Христа, а жить по-іудейски; ибо не въ іудейство увѣровало христіанство, напротивъ, іудейство въ христіанство, въ которомъ соединились всѣ языки, увѣровавшіе въ Бога“ (Гл. IX и X).

Св. Іустинъ, мученикъ въ половинѣ II вѣка по Р. Х., свидѣтельствуесть, что христіане собирались въ день, называемый *воскресеніемъ*, чтобы слушать чтенія апостольскихъ писаній (Апологія 1-я, гл. 67-я, 87-я и 89-я).

Тертуллианъ, отецъ церкви II вѣка, пишетъ: „если мы предаемся радости въ такъ-называемый *день солнца* (воскресный день), то причиною тому совсѣмъ не то, чтобы мы поклонялись ему (солнцу)... и мы празднуемъ его далеко не такъ, какъ іудеи, коихъ вы не знаете ни законовъ ни обрядовъ“ (Апол. XVI). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же отецъ церкви пишетъ: „Духъ Святый не одобряетъ іудейскихъ праздниковъ“... И „христіане совершенно отвергаютъ іудейскіе праздники, къ которымъ Богъ нѣкогда благоволилъ“. О какихъ праздникахъ, въ свою очередь, іудеи говорили, упрекая христіанъ, видно изъ слѣдующихъ словъ: „Развѣ мало ихъ (праздниковъ) у васъ (христіанъ)? У васъ ихъ болѣе, чѣмъ у язычниковъ... у васъ *воскресеніе возобновляется черезъ каждые семь дней*“ (см. XXXIX гл., XIV и VI).

Въ концѣ III вѣка, въ царствованіе жестокаго гонителя христіанъ императора, Діоклетіана, по свидѣтельству исторіи, произошло слѣдующее событіе, ярко показавшее, какъ христіане чтили *день воскресенія Христа*: „въ городъ Карфагенъ

привели однажды сорокъ девять человѣкъ христіанъ, взятыхъ въ ближнемъ городѣ за участіе въ общественномъ богослуженіи. Въ этой христіанъ были люди разнаго званія, разнаго возраста. Былъ священникъ съ четырьмя дѣтьми, былъ сановникъ, всѣми уважаемый за честность и правдивость; были юныя дѣвы; всѣ были равно одушевлены пламенною вѣрою и любовію къ Богу и всѣ съ твердостью вытерпѣли мученія, слава и благодаря Бога и молясь за мучителей своихъ.

„Господи, помилуй ихъ! восклицалъ одинъ изъ мучениковъ: благодарю Тебя, Господи; Господи, даруй намъ терпѣніе, освободи служителей Твоихъ отъ рабства міру! Ты наша надежда, Боже; Всевышній, Боже Всесильный!“

Судья убѣждалъ христіанъ открыть мѣсто, гдѣ хранится у нихъ Священное Писаніе. „Оно у насъ въ сердцѣ“,—отвѣчали нѣкоторые. Предали ихъ истязаніямъ. Судья убѣждалъ христіанъ отречься и тѣмъ спасти жизнь свою, но они всѣ единодушно отвѣчали: „Мы христіане и до послѣдней капли крови сохранимъ заповѣди Бога нашего“.

— „Я не спрашиваю у тебя, христіанинъ ли ты,—сказалъ судья одному изъ мучениковъ;—а спрашиваю, *присутствовалъ ли ты при богослуженіи и праздновалъ ли ты день Воскресный*“.

— „Да,—отвѣчалъ тотъ,—мы праздновали день *Воскресный* со всевозможнымъ торжествомъ; мы не пропускали ни одного воскресенія безъ чтенія Священнаго Писанія“

Этотъ отвѣтъ такъ раздражилъ судью, что, по повелѣнію его, отвѣчавшій былъ замученъ до смерти.

— „Былъ ли ты при *Воскресномъ Богослуженіи*“?—спросилъ судья у Ампелія, хранителя священныхъ книгъ.

— „Былъ вмѣстѣ съ братьями, *праздновалъ Воскресеніе* и имѣю священныя книги; онѣ въ сердцѣ моемъ“,—отвѣчалъ Ампелій.

Другой юный христіанинъ, не дождавшись вопроса, воскликнулъ: „*День Воскресный—радость христіанина!* Я присутствовалъ съ братьями при богослуженіи, ибо я христіанинъ. *Я праздновалъ день Воскресный, ибо я христіанинъ.* Да будетъ это извѣстно“.

— „Я христіанинъ,—воскликнулъ третій;—послѣ имени Самаго Иисуса Христа, это священнѣйшее изъ всѣхъ наз-

ваній, Я имѣю священныя книги, вырви ихъ изъ сердца моего“!

Между мучениками былъ ребенокъ, сынъ священника Сатурника. И онъ воскликнулъ съ твердостью: „и я былъ при богослуженіи въ Воскресеніе, былъ тамъ добровольно!“ *).

Такъ, до готовности мученически умереть за „день Воскресный“, христіане въ глубокой древности *святили богослужебными собраніями день Воскресенія Христа* и проводили этотъ день „со всевозможнымъ торжествомъ“.

Къ тому же третьему вѣку по Р. Хр. относится и свидѣтельство св. Петра Александрійскаго и празднованіи христіанами воскреснаго дня. „Никто,—пишетъ св. Петръ Александрійскій († 306 г.)—да не осуждаетъ насъ за соблюденіе среды и пятка, въ которые дни благословно заповѣдано намъ поститься, по преданію... *Воскресный же день провождаемъ, яко день радости, ради Воскресшаго въ оный. Въ сей день и колѣна преклоняти мы не пріяли*“ (прав. 15-е). Здѣсь, такимъ образомъ, ясно засвидѣтельствована апостольская древность почитанія и празднованія воскреснаго дня.

Въ IV вѣкѣ уже первый вселенскій соборъ (325 г.) говоритъ объ освященіи воскреснаго дня молитвенными собраніями, когда запрещаетъ „*преклонять колѣна въ день Господень... да стояще приносятъ молитвы Богу*“ (20-е прав.). Подъ „днемъ Господнимъ“ здѣсь должно разумѣть, конечно, *день воскресный*, что подтверждается и содержаніемъ прав. 20-го, устанавливающаго *одинаковую* во всѣхъ епархіяхъ дисциплину во время молитвеннаго освященія христіанами явно *новаго* для нихъ „дня Господня“, а не ветхой субботы, и затѣмъ правилами: Апост. 64-мъ, св. Петра Алекс. 15-мъ, 6-го Всел. Соб. 55-мъ и 90-мъ и вышеизложенными свидѣтельствами Постановлен. свят. Апост.“.

Соборъ Лаодикійскій (364 г.) правиломъ 29-мъ повелѣваетъ: „не подобаетъ христіанамъ іудействовати, и въ субботу праздновати, но дѣлати имъ въ сей день; а *день воскресный* преимущественно праздновати, аще могутъ; яко христіанамъ. Аще же обрящутся іудействующіе: да будетъ анаѣема отъ Христа“.

*) „Разказы изъ исторіи Христіанской церкви“. Бахметевой. Ч. I. стр. 339—340.

Св. Теофилъ Александрійскій († 385 г.) пишетъ: „и обычай и долгъ требуютъ отъ насъ *читати всякій воскресный день и праздновати оный*: понеже въ сей день Господь нашъ Иисусъ Христосъ проявилъ намъ воскресеніе изъ мертвыхъ. Почему и *первымъ* нарицается день сей въ Священномъ Писаніи, яко составляющій для насъ начало жизни, и *осмымъ*, яко пришедшій по субботѣ іудейской... Мы не поступимъ по обычаю ересей, не почитающихъ дня воскресенія Господа нашего Иисуса Христа“ (прав. 1-е).

Въ томъ же вѣкѣ свидѣтельствуеетъ о молитвенномъ освященіи „дня воскресенія“ и св. Василій Великій, который называетъ еще этотъ день „единою отъ субботы“, или „первымъ“, „единымъ“, и „осмымъ“; онъ пишетъ, что празднованіе „дня воскресенія“ принято „отъ апостольскаго преданія“ (пр. 91-е).

Въ VII вѣкѣ шестой вселенскій соборъ правиломъ 55-мъ подтвердилъ вышеприведенное Апост. пр. 64-е и затѣмъ 90-мъ правиломъ повелѣлъ: „отъ богоносныхъ отецъ нашихъ канонически передано намъ не преклоняти колѣнъ во дни воскресныя, ради чести воскресенія Христова... Въ субботу, по вечернемъ входѣ священнослужителей въ алтарь, по принятому обычаю, никто не преклоняетъ колѣнъ до слѣдующаго въ воскресный день вечера... Нощъ по субботѣ приемя предтечею воскресенія Спасителя нашего, отселъ духовно начинаемъ пѣсни, и праздникъ изъ тьмы во свѣтъ преводимъ, такъ что съ сего времени всецѣлую *нощъ и день торжествуемъ воскресеніе*“.

Приведенныя нами свидѣтельства христіанской письменности, со временъ апостоловъ и кончая VII вѣкомъ по Р. Хр., ясно опровергаютъ всѣ адвентистскіе вымыслы противъ празднованія христіанами воскреснаго дня, основываемые адвентистами на извращенныхъ ими данныхъ „преданія“.

Св. Преданіе, какъ и Св. Писаніе, ясно говоритъ намъ *объ отмѣнѣ у христіанъ субботняго покоя и замѣнѣ его воскреснымъ днемъ*.

Православный миссіонеръ.

Въ защиту приснопамятнаго Святителя-затворника.

Рѣдко кому неизвѣстно теперь имя почившаго еп. Теофана—Вышенскаго затворника. Этотъ незабвенный Святитель-подвижникъ столь ревностно потрудился ко благу Церкви Христовой, такъ много оставилъ послѣ себя высокодостойныхъ и многополезныхъ трудовъ, переводныхъ и самостоятельныхъ, такъ безупречно и свято прожилъ на землѣ, что его чтутъ теперь и ученые и неученые, и духовные и свѣтскіе, и монахи и міряне. Имя еп. Теофана многіе произносятъ не только съ уваженіемъ, но даже съ благоговѣніемъ.

Но вотъ нашлись недавно люди, которые дерзнули печатно запятнать свѣтлую память почившаго Святителя. Кто же это, спросить читатель?—Нѣкіе „Аѳонскіе иноки!“... Такъ, по крайней мѣрѣ, подписана статья, помѣщенная въ № 20—21 журнала „Итоги Жизни“, подъ заглавіемъ: „Корни имяборчества“. Авторъ ея, желая, очевидно, множественнымъ числомъ своей подписи скрыть весьма ограниченное количество своихъ единомышленниковъ и боясь открыто назвать еп. Теофана по имени (такъ какъ самъ авторъ не могъ, конечно, не сознавать своей великой дерзости), корни имяборчества усмотрѣлъ не въ комъ иномъ, какъ въ этомъ праведникѣ-Святителѣ. Въ неоднократно повторяемой имъ фразѣ авторъ обвиняетъ еп. Теофана въ злонамѣренномъ искаженіи подлинныхъ мыслей преп. Симеона Новаго Богослова, представляющихъ будто бы подтвержденіе имябожнаго ученія, и даже въ разрушеніи догматовъ Церкви (?!). Исканіе якобы сознательно допущено Святителемъ въ его переводѣ словъ преп. Симеона, изданныхъ на русскомъ языкѣ въ

двухъ выпускахъ. Кому не станетъ больно и тяжело выслушивать такую странную и дерзкую клевету на высокодостойнаго почившаго Святителя? Мнѣ приходилось и приходится заниматься твореніями преп. Симеона Новаго Богослова и пользоваться плодами трудовъ еп. Теофана, поэтому я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ кратко отвѣтить по поводу взведеннаго на послѣдняго обвиненія.

Желая исправлять почившаго переводчика, анонимный авторъ-аѳонецъ ссылается на твор. преп. Симеона, изданныя *ἐν Σύρῳ* 1886 г., какъ на *подлинный греческій текстъ* его твореній, и этимъ сразу же подрываетъ всякое довѣріе къ своей компетентности. Указанное изданіе представляетъ собою (въ 1-ой части) не греческій подлинникъ твор. Симеона, а *новогреческій переводъ* (92 словъ и 180 главъ), сдѣланный Діонисіемъ Загорѣемъ. Подлинный текстъ словъ Симеона Новаго Богослова доселѣ остается неизданнымъ и существуетъ только въ рукописяхъ. Новогреческій же переводъ ихъ, насколько мнѣ извѣстно, довольно далекъ отъ дѣйствительнаго подлинника, представляя немало вставокъ, повтореній и поясненій. Что же касается русскаго перевода словъ преп. Симеона, сдѣланнаго съ новогреческаго еп. Теофаномъ, то его также нельзя назвать вполнѣ дословнымъ и научно точнымъ. Святитель Теофанъ въ своихъ переводныхъ трудахъ (Добротолубія, словъ Симеона Н. Б. и др.) не ставилъ себѣ исключительно научныхъ цѣлей, и желая сдѣлать свои переводы какъ можно болѣе доступными, понятными и краткими, допускалъ въ нихъ иногда самыя незначительныя измѣненія и сокращенія, безъ всякаго, разумѣется, ущерба для дѣла и въ такой лишь мѣрѣ, что никогда не измѣнялъ основныхъ мыслей оригинала. Обвинять за это Святителя въ злонамѣренномъ искаженіи можетъ только несправедливая придирчивость съ явнымъ желаніемъ умалять въ русскомъ обществѣ слишкомъ высоко стоящій авторитетъ приснопамятнаго Святителя.

Посмотримъ однако, какія „искаженія“ усмотрѣлъ авторъ-аѳонецъ въ Теофановскомъ переводѣ. Въ словѣ 62 на стр. 325 новогреческаго перевода между прочимъ читаемъ: *...ὅλα εἶναι ἕνα φῶς ὁλοῦ προσηνέεται εἰς ὅλα τὰ ἰδιώματα αὐτοῦ, καὶ χάρισματα...* Эти слова дѣйствительно опущены въ переводѣ еп. Теофана, но, конечно, не злонамѣренно, какъ говорить аѳонецъ,

а единственно потому, что въ непосредственно слѣдующихъ затѣмъ строкахъ та же мысль неоднократно повторяется. По этой же причинѣ сдѣланы и другія незначительныя сокращенія въ переводѣ еп. Теофана. Между тѣмъ анонимный авторъ, взявшисъ исправлять почтеннаго переводчика, самъ искажаетъ въ своемъ переводѣ мысли преп. Симеона, передавая, напримѣръ, *εις κάθε μίαν ὑπόστασιν* словами: „во единой сущности“ (17 стр. „И- Жизнь“), тогда какъ нужно перевести: въ каждой Ипостаси. Невѣжество самозваннаго исправителя обличается въ томъ еще, что *ἀκατάληπτος* у него почему-то означаетъ—вѣчный?!.. *θεωρία*—познаніе?!.. *ἀνυπόστατος*—непреложный?! и пр. Въ дѣйствительности же первое слово значитъ — непостижимый, второе — созерцаніе и третье—ипостасный.

На слѣдующей 326 стр. новогреческаго перевода нашъ аэонецъ тоже усмотрѣлъ у еп. Теофана „искаженіе“. Въ одномъ мѣстѣ здѣсь читается: *Διατὶ καθὼς οἱ λόγοι τῶν ἀνθρώπων ῥευστοὶ, καὶ μάταιοι, ἢ δὲ λόγος τοῦ Θεοῦ εἶναι ζῶν, καὶ ἀνυπόστατος, καὶ ἐνεργής, Θεὸς ἀληθής*. Переводъ еп. Теофана передаетъ эту мысль въ нѣсколько укороченномъ видѣ, слѣдую словамъ ап. Павла (Евр. 4, 12), такъ: „Слова человѣческія текучи и пусты. Слово же Божіе есть живое и дѣйственное“ (вып. II, стр. 108). Анонимный аэонецъ обрушился здѣсь на еп. Теофана за то, что въ приведенной выдержкѣ новогреческаго перевода находится якобы „догматическое опредѣленіе всей истины объ именахъ, словахъ и дѣйствіяхъ Божіихъ“ (стр. 23 „Итоги Жизни“). Но ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Преп. Симеонъ сравниваетъ здѣсь слова человѣческія съ Словомъ Божіимъ, какъ раньше предъ тѣмъ сравнивалъ Сына Божія съ сынами человѣческими и Духа Святаго съ духами или душами человѣческими (см. 326 стр. новогреческаго перевода и 107 русскаго). Если Св. Отецъ называетъ здѣсь Слово Божіе Богомъ истиннымъ, то не всякое слово Божіе, а только Ипостасное (*ἀνυπόστατος*—см. новогреч. переводъ).

Замѣчательна еще софистика нашего смѣлаго автора, благодаря которой онъ легко отыскиваетъ и доказываетъ свои излюбленныя идеи. Напримѣръ, онъ постоянно умозаключаетъ такимъ образомъ: Богъ есть свѣтъ, слѣдовательно, и свѣтъ есть Богъ; поэтому вездѣ, гдѣ только у Симеона Но-

ваго Богослова стоит слово „свѣтъ“, онъ сейчасъ же при немъ ставитъ: „т. е. Богъ“ и затѣмъ дѣлаетъ какіе ему угодно выводы. Прибѣгая къ такому произвольному обращенію съ грамматическими формами, въ дѣйствительности далеко не всегда тождественными, можно доказать что-угодно. Христосъ Спаситель дѣйствительно сказалъ: „Азъ есмь свѣтъ міру“ (Іоан. 8, 12), но намъ странно было бы слышать отъ Него: свѣтъ—это Я. Что такія произвольныя метаморфозы со словами недопустимы, пусть нашъ непризванный критикъ поучится хотя бы у того же Симеона Новаго Богослова, который однажды, напримѣръ, говоритъ: „Вѣдѣніе не есть свѣтъ, но свѣтъ есть вѣдѣніе“ (вып. II, стр. 322).

Мы не будемъ подробно разбирать всю статью анонимнаго автора, такъ какъ не имѣемъ свободнаго времени, да и нѣтъ въ этомъ нужды. Скажемъ только, что нашъ аэонецъ, допуская невѣжественный переводъ, постоянные софизмы и перетасовки словъ (напр., преп. Симеонъ пишетъ: „(Богъ) не только именуется тѣмъ самымъ, что я сказалъ, но и дѣйственно производить то самое“; передѣлавъ изъ этихъ словъ собственную фразу: „(Богъ) дѣйственно производить то самое, чѣмъ именуется“, нашъ авторъ нашелъ здѣсь ученіе объ имени Божіемъ, какъ дѣйствию Божіемъ; стр. 20 „Итог. Жизни“), помимо всего этого, онъ умудряется даже исказать слова еп. Теофана, точно передающія оригиналь. Напримѣръ: *πῶς ὁ Θεός, καὶ τὰ περὶ Θεόν* etc. у еп. Теофана точно переведено: „какъ есть Богъ, что есть окрестъ Бога“ и проч., а у нашего критика измѣнено и стоитъ: „что какъ Богъ, такъ и все окрестъ Бога“ и пр. (17 стр. „Ит. Жизни“).

Анонимный авторъ разбираемой статьи обнаруживаетъ не только невѣжество и недобросовѣстность, но и крайнюю гордость и самомнѣніе. Раздѣляемое имъ ученіе объ имени Божіемъ, которое по признанію самого изобрѣтателя его, схим. Иларіона, является новшествомъ, по заявленію нашего автора существуетъ болѣе 1100 лѣтъ (эту цифру онъ потому указываетъ, что Симеона Н. Б. по невѣжеству своему относитъ къ IX, а не къ XI вѣку), оно настолько-де важно, что преп. Симеонъ предвидѣлъ не только это величайшее ученіе, но даже и тѣ возраженія, которыя имѣли высказать противъ него иномыслящіе. Равно и еп. Теофанъ, которому, конечно, и въ голову не могло придти, что среди аэонскихъ иноковъ

появится нѣкогда такая странная и упорная прелесть, какъ имябожничество, не только-де не вмѣстилъ и не постигъ имябожнаго мудрованія, но для устранения, его постарался даже злонамѣренно исказить мысли преп. Симеона въ своемъ переводѣ. Не слишкомъ ли очевидно здѣсь стремленіе возвеличить, придать чрезвычайное значеніе самоизмышленному ученію, а въ существѣ дѣла—стремленіе возвысить не славу имени Божія, а себя и свое самочинное мудрованіе съ желаніемъ унижить, оклеветать и опозорить другихъ? А присвоеніе себѣ наименованія „Союза исповѣдниковъ“... (см. 26 стр. „Ит. Жизни“). Что это, какъ не самоканонизація себя во святые и въ мученики?.. Пусть скажутъ намъ опытные старцы: не явная ли это прелесть?

Упорствующимъ имябожникамъ нужно во что бы то ни стало подорвать довѣріе къ великому Святителю-подвижнику потому именно, что *еп. Теофанъ* и въ жизни и въ сочиненіяхъ своихъ стоялъ на *правильномъ, а не на прелестномъ пути умно-сердечнаго дѣланія*. Нѣкоторые же изъ аѳонскихъ иноковъ уклонились съ этого пути въ прелесть: строгость монастырской жизни на Аѳонѣ, продолжительность богослуженія, обиліе келейнаго правила, состоящаго изъ большого количества положенныхъ молитвъ — все это послужило, къ сожалѣнію, для нѣкоторыхъ иноковъ поводомъ къ тонкой духовной гордости—прелести, на почвѣ которой весьма легко и привилось на Аѳонѣ имябожное ученіе. Съ другой стороны, имябожникамъ необходимо подорвать авторитетъ еп. Теофана и потому еще, что почившій Святитель, прекрасно во всѣхъ деталяхъ усвоившій святоотеческое православно-церковное ученіе, дѣлалъ иногда незабвенному почившему пастырю о. Іоанну Кронштадскому письменныя замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ неосторожныхъ его догматическихъ выраженій. Имябожники же, какъ извѣстно, постоянно ссылаются на слова о. Іоанна, понимая ихъ невѣрно: буквалистически и догматически.

Въ заключеніе своей статьи анонимный аѳонецъ называетъ приведенныя имъ изъ твор. пр. Симеона выдержки одними „изъ важнѣйшихъ святоотеческихъ мѣстъ, гдѣ изложено ученіе объ имени Божіемъ. Съ такой полнотой и ясностію, продолжаетъ онъ, ни одинъ Св. Отецъ Церкви не разсма-

триваетъ сего вопроса, какъ св. Симеонъ Новый Богословъ“ (24 стр. „Ит. Жиз.“). Дивное дѣло!.. Я неоднократно перечитывалъ творенія Симеона Новаго Богослова, но нигдѣ не нашель у него изложенія догматическаго ученія объ имени Божіемъ и вообще ничего въ пользу новозмышленнаго ученія имябожниковъ. Напротивъ, я знаю у преп. Симеона мѣста, которыя говорятъ далеко не въ пользу имябожнаго мудрованія. Пусть нашъ авторъ потрудится въ томъ же разбираемомъ имъ 62 словѣ и даже на той же 325 стр. прочесть слѣдующее мѣсто: „ὁ ὁλοῖος ὄντας ὑπεράνω ἀπὸ κάθε ὀνομαζόμενον ὄνομα, καὶ λόγον, καὶ ῥῆμα, ὑπερβαίνει τῆν κατανόησιν κάθε διανοίας“, переведенное у еп. Теофана совершенно вѣрно: „Онъ (Богъ), будучи *превыше всякаго именуемаго имени, слова и глагола*, превышаетъ постиженіе всякаго ума“... (вып. II, стр. 105). Это ли не обличеніе имябожнаго ученія!.. Въ 48 гимнѣ (*подлинный текст* гимновъ пр. Симеона помѣщенъ во второй части того же изданія его твореній, вышедшаго *ἐν Ἐύρω* 1886 г.). Симеонъ говоритъ между прочимъ: „Любовь (рѣчь идетъ о Богѣ) не имя, но Божественная сущность“ (*Ἀγάπη γὰρ οὐκ ὄνομα, ἀλλὰ εὐαία θεία* стр. 72). Такимъ образомъ, Св. Отець различаетъ имя отъ Божественной сущности. Вообще пр. Симеонъ учитъ, что Богъ-Троица хотя имѣетъ многія имена, но по существу есть „Свѣтъ неизменяемый, какъ совершенно безымянный“ (*φῶς ἀκατανόμαστον, ὡς ἀνώνυμον πάντη*—это также *подлинный текст* 21-го гимна, стр. 31; ср. еще *ibid.* стр. 30, гдѣ о Божественномъ Свѣтѣ Св. Отець пишетъ, что Онъ — *ὄνομα γὰρ οὐκ ἔχει*).

Оканчивая настоящую свою замѣтку, позволимъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы упорствующие имябожники не мнимо—на словахъ только, а дѣйствительно на дѣлѣ присоединились къ Матери-Церкви, смирившись въ глубинѣ души и раскаявшись въ своемъ упорствѣ и горделивомъ самочинномъ мудрованіи. Пусть эти ински подумаютъ, не слишкомъ ли далеко зашли они, что такъ беззастѣнчиво и дерзко поносятъ и безчестятъ не только живыхъ іерарховъ Церкви, но даже одного изъ почившихъ, того самаго, который своими литературными трудами оказалъ неоцѣненную услугу какъ всему русскому православному люду, такъ въ особенности русскому иночеству, — того, который, будучи

епископомъ русской Церкви и высокообразованнымъ мужемъ по скромной и уединенной, вѣистину монашеской жизни, удивительному трудолюбію и непрестанному молитвенному подвигу явилъ себя много, много выше, безупречнѣе и святѣе тѣхъ изъ современныхъ аѳонскихъ иноковъ, которые, оставивъ на дѣлѣ молитву Іисусову, взялись за богословствованіе и словопреніе и, не переставая изыскивать всевозможныя мѣры и способы не къ прославленію имени Божія, а къ собственному самооправданію и самовозвеличенію, донинѣ коснѣютъ въ горделивомъ и упорномъ суетудрїи.

Если анонимный аѳонецъ, авторъ оспариваемой статьи, искренно преклоняется предъ авторитетомъ преп. Симеона Новаго Богослова, — дѣйствительно великаго Отца Церкви, то пусть онъ со своими единомышленниками прочтеть и прочувствуетъ въ сердцѣхъ тѣхъ мѣстахъ изъ твор. пр. Симеона, гдѣ онъ предостерегаетъ всѣхъ непризванныхъ вступать на опасный путь богословствованія. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ: „удивляюсь я тѣмъ, немалочисленнымъ людямъ, — пишетъ Св. Отецъ, — которые, прежде рожденія отъ Бога и прежде вступленія въ чадство Ему, не трепещутъ богословствовать и бесѣдовать о Богѣ. Когда слышу, какъ многіе, не понимая божескихъ вещей... и будучи исполнены грѣховъ, богословствуютъ о Богѣ и о всемъ Его касающемся, — безъ благодати Св. Духа, дающаго смыслъ и разумъ; трепещеть, ужасается и нѣкоторымъ образомъ изъ себя выходитъ духъ мой, помышляя, что, тогда какъ Божество для всѣхъ непостижимо, мы, не знающіе ни самихъ себя, ни того, что предъ очами нашими, съ дерзостію и безстрашіемъ Божиимъ приступаемъ философствовать о томъ, что непостижимо для насъ, особенно будучи пусты отъ благодати Св. Духа... Грѣшимъ мы даже тѣмъ самымъ, что допускаемъ при такомъ положеніи своемъ желаніе говорить что-либо о Богѣ. Ибо если трудно познать самого себя..., не тѣмъ ли паче трудно познать Бога“?... (слово 61, вып. II, стр. 92). „Если бы мы познавали самихъ себя, то не стали бы съ такою дерзостію говорить о Богѣ.... Если бъ мы знали самихъ себя, какъ слѣдуетъ, то никогда не подумали бы, что

достойны даже на небо воззрѣть и видѣть этотъ чувственный свѣтъ міра или попірать ногами эту землю. Почему что можетъ быть нечистѣ того, кто въ гордостномъ самонѣннѣи покушается учить о тѣхъ, яже Духа суть, безъ Духа? И что сквернѣе того, кто, не хотя покаяться и предочистить себя, но минуя сіе, приступаетъ богословствовать“... (сл. 60, выш. II, стр. 85). „Ибо я думаю,—утверждаетъ преп. Симеонъ — что сіе покушеніе страшно, и что тѣ, которые держаютъ на него, будутъ осуждены Господомъ“ (ibid., стр. 76) и пр.

О если бы эти слова святого и богомудраго Отца Церкви вызвали у упорствующихъ иноковъ если не слезы раскаянія, то хоть бы нѣкоторое самоукореніе и сокрушеніе!..

И. д. доцента Московск. Дух. Академіи

іером. Пантелеимонъ.

1914 г. 4 іюля.

Къ вопросу о приходѣ въ Константинопольской церкви.

Съ половины прошлаго столѣтія въ Константинопольской церкви возникло оживленное внутреннее движеніе, направленное къ наилучшей постановкѣ и наиболѣе правильному рѣшенію многотрудной и весьма важной церковно-приходской проблемы. Не только вселенскіе патріархи совмѣстно съ священнымъ синодомъ и народнымъ смѣшаннымъ совѣтомъ стремились къ упорядоченію и благоустройству церковно-приходской жизни, примѣнительно къ основнымъ задачамъ центрального управленія въ Константинопольскомъ патріархатѣ, не только епархіальные архіереи съ мѣстными административными учрежденіями пытались урегулировать приходскія отношенія соотвѣтственно областнымъ запросамъ и потребностямъ, но и отдѣльныя общины, какъ городскія, такъ и сельскія, выступали съ проектами и уставами приходской жизни и строя, имѣя цѣлью регламентировать, при содѣйствіи и подѣ покровительствомъ церковной власти, установившіяся издавна мѣстныя церковно-приходскія отношенія и закрѣпить въ общемъ каноническѣ живую традицію приходской организаціи, сложившуюся примѣнительно къ положенію, составу и занятіямъ населенія того или иного большого города, городка или села и свидѣтельствовавшую о постоянномъ интересѣ и дѣятельномъ отношеніи кинота или прихода и ихъ представителей къ запросамъ мѣстныхъ жителей относительно храма, школы, ихъ имущества и т. д. Въ результатѣ, за послѣднія десятилѣтія въ предѣлахъ Константинопольской церкви появилось большое собраніе отдѣльныхъ кинотскихъ и приходскихъ уставовъ, одни изъ которыхъ имѣли примѣненіе въ устройствѣ и дѣятельности

общинъ въ Константинопольской архіепископіи, другіе регламентировали приходскую жизнь въ провинціальныхъ городахъ европейскихъ и малоазійскихъ епархій обширнаго вселенскаго патріархата, иные, наконецъ, закрѣпляли въ опредѣленныхъ предписаніяхъ живую традицію приходскихъ отношеній въ селахъ. И вотъ, фактически оказалась цѣлая и довольно сложная группа приходскихъ уставовъ для архіепископіи и митрополій Вселенскаго патріаршаго престола, которые не имѣли ни тождества между собою, ни существеннаго совпаденія и согласія въ подробностяхъ, а напротивъ, представляли удивительное разнообразіе въ общемъ своемъ построеніи и въ детальной характеристикѣ частныхъ приходской жизни и кинотскихъ отношеній. Приходскіе уставы оказались такъ же не сходны между собою, какъ разнообразна была и есть и самая общинная жизнь—въ Константинополѣ и большихъ греческихъ городахъ, каковы Фессалоника и Смирна, или въ глухихъ городкахъ и селахъ Малой Азіи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ христіанъ съ фанатичнымъ мусульманскимъ населеніемъ, или на вольныхъ островахъ Архипелага, вдали отъ центральной власти—гражданской и церковной, или, наконецъ, въ гористомъ свободолюбивомъ Эпирѣ, гдѣ гордую самодѣтельность греческой общины не сломили ни фанатизмъ и жестокости турокъ, ни постоянная международная борьба...

И нелегко было отыскать единство въ разнообразіи приходскихъ уставовъ, а между тѣмъ надлежало связать и ограничить многогранную и многообразную приходскую жизнь *единымъ и общимъ для всѣхъ приходовъ Вселенскаго патріархата уставомъ*. Эту задачу вселенская патріархія унаслѣдовала еще отъ эпохи составленія Общихъ канонисмовъ, положившихъ начало новому административному строю въ Константинопольской церкви. Въ частности, приходская проблема представлялась неотложною и въ кругѣ церковныхъ преобразованій, намѣченныхъ знаменитымъ вселенскимъ патріархомъ *Іоакимомъ III* († 13 ноября 1912 года) во второе его патріаршество. При этомъ патріархъ была образована, по совмѣстному рѣшенію священнаго синода и народнаго смѣшаннаго совѣта, особая комиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ спеціальнымъ назначеніемъ составить единый приходскій уставъ.

Комиссія дала своей задачѣ широкую постановку и намѣтила рѣшеніе приходскаго вопроса въ связи съ общимъ церковнымъ управленіемъ. Предстояло, въ частности, уяснить и опредѣлить взаимныя отношенія властей приходскихъ и епархіальныхъ, установить надлежащую область ихъ компетенціи и намѣтитъ грань, за которую не должны были переходить въ своихъ полномочіяхъ и дѣйствіяхъ приходскія власти. Существенное значеніе имѣлъ вопросъ и объ избраніи приходскихъ и иныхъ властей.

Комиссія составила два проекта устава. Первый проектъ канонисма объ избраніи и обязанностяхъ приходскихъ и иныхъ властей, дѣйствующихъ въ предѣлахъ Вселенскаго патріаршаго престола, принадлежитъ свѣтскимъ членамъ комиссіи г.г. Θ. Антоніади и К. Константириди и былъ положенъ въ основу обсужденія предмета со стороны специальной комиссіи, которая, въ свою очередь, составила, на основаніи дальнѣйшей разработки вопроса, другой общій проектъ, объединившій всѣхъ членовъ комиссіи въ ихъ воззрѣніяхъ на церковно-приходское дѣло и отразившій въ постановкѣ и рѣшеніи церковно-приходскаго вопроса основныя идеи и духовныхъ, и свѣтскихъ дѣятелей вселенской патріархіи. Дальнѣйшее движеніе церковно-приходскаго вопроса состояло въ обсужденіи составленнаго комиссіею устава на общихъ засѣданіяхъ двухъ высшихъ административныхъ учрежденій Великой Христовой Церкви — священнаго синода и народнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ вселенскаго патріарха Іоакима III. Наша настоящая задача и состоитъ лишь въ раскрытіи одной этой страницы изъ богатой и разнообразной по содержанію новѣйшей исторіи церковно-приходскаго вопроса въ Константинопольскомъ патріархатѣ.

* * *

Что касается сепаратнаго и перваго—по своему происхожденію и назначенію—приходскаго устава, принадлежащаго *Θ. Антоніади* и *К. Константириди*, то этотъ проектъ былъ представленъ на обсужденіе специальной комиссіи въ слѣдующей редакціи.

1. Его Святѣйшество, вселенскій патріархъ, какъ духовный началовождь и этнархъ, состоитъ предстоятелемъ всѣхъ властей, существующихъ въ предѣлахъ Вселенскаго престола,

и наблюдаетъ за ними. Около него несутъ служеніе двѣ высшія власти, именно святой и священный синодъ и постоянный народный смѣшанный совѣтъ, обязанности которыхъ и способъ избранія опредѣляются Общими каноническими.

2. Существующія въ предѣлахъ Вселенскаго престола власти суть приходскія и епархіальныя. Власти приходскія, будучи только административными и имѣя задачей управленіе храма и школы, избираются непосредственно прихожанами, составляющими общину, а власти епархіальныя, облеченныя и судебнымъ полномочіемъ и имѣющія задачей болѣе общее управленіе архіепископіи Константинополя и митрополій, выбираются антипросопіей, для этого избираемой прихожанами только городовъ, въ которыхъ имѣютъ пребываніе митрополиты или епископы, какъ заключающихъ (въ составъ своего населенія) большинство наиболѣе образованныхъ прихожанъ цѣлой епархіи.

1. Приходскія власти.

Приходъ.

3. Всякая православная община или кинотъ (*κοινότης*) состоитъ вообще изъ всѣхъ православныхъ христіанъ, живущихъ въ какомъ либо *приходѣ* (*ἐνορία*) города, городка или села, имѣя духовнымъ своимъ началовождемъ архіерея, который и представляетъ за нее предъ всѣми властями.

4. Каждый кинотъ пользуется правомъ, подъ наблюденіемъ высшей власти, 1) въ завѣдываніи кинотскимъ имуществомъ, 2) въ управленіи дѣлами храма и школы, избирая епитропіи, ефоріи и контролеровъ, и 3) въ участіи для избранія епархіальныхъ властей посредствомъ избранія своихъ представителей.

5. Право избирателя въ каждомъ приходѣ имѣютъ всѣ тѣ, кто владѣетъ одновременно слѣдующими качествами: 1) достигшіе 25-лѣтняго своего возраста;

2) постоянно живущіе или и недавно поселившіеся, но съ обѣщаніемъ постоянного жительства,

3) живущіе отъ своего ремесла, работы или на свои средства и

4) умѣющіе, по крайней мѣрѣ, подписываться и написать какое либо имя. Въ отношеніи къ этому послѣднему качеству исключаются тѣ изъ приходоѡ, въ которыхъ нѣтъ двадцати человекъ, умѣющихъ подписываться и написать чье либо имя. Однако, такое исключеніе опредѣляетъ посредствомъ рѣшенія, на основаніи точнаго разслѣдованія, въ архіепископіи Константинополя — постоянный народный смѣшанный совѣтъ, а въ епархіяхъ—димогеронтіи, т. е. митрополичьи совѣты.

6. Лишаются права избирателя:

1) осужденные въ послѣдней инстанціи за уголовное преступленіе, воровство, обманъ, поддѣлку документовъ и за развращенность нравовъ;

2) обанкротившіеся купцы, еще не вступившіе въ соглашеніе (съ кредиторами) неоффициально или судебнымъ порядкомъ;

3) отказывающіеся дать отчетъ въ кинотскомъ своемъ управленіи;

4) объявленные по рѣшенію (власти) виновными въ злоупотребленіи кинотскими доходами;

5) состоящіе подъ судебнымъ запрещеніемъ;

6) противозаконно вступившіе въ сожительство и находящіеся подъ церковною епитиміею;

7) не выполнившіе установленнаго денежнаго обязательства въ отношеніи къ приходскому или народному учрежденію, каковы—сборы за священныя богослуженія, за входный билетъ для школь и т. п.; исключаются лишь тѣ, кто дѣлаетъ это по доказанной бѣдности, равно и тѣ, съ которыхъ компетентными властями были сняты подобныя обязательства;

8) кандилапты и евтаксін (въ храмахъ), курьеры, ночные сторожа, пожарные и вообще служащіе при храмахъ и школахъ, равно и кехагья прихода;

9) псалты, секретари, сборщики, счетчики въ храмахъ, учителя приходскихъ школь, когда живутъ въ приходѣ, въ которомъ работаютъ и учать;

10) сыновья, живущіе вмѣстѣ съ отцомъ и не получающіе средствъ къ жизни отъ своего занятія, когда только одинъ отецъ пользуется избирательными правами лично или чрезъ одного изъ своихъ сыновей, котораго указываетъ письменно;

11) больше одного въ одномъ и томъ же домѣ живущіе братья, женатые или неженатые, и не зависящіе другъ отъ друга, когда избирательныя права выполняетъ старшій и признаваемый какъ бы главою дома;

12) имѣющіе двойное жительство, которые должны записываться только въ одномъ приходѣ, по своему желанію.

7. Избирательные списки составляются епитропіей, состоящей изъ настоятеля храма, казначея и секретаря епитропіи храмовъ, мухтара и двухъ прихожанъ, избираемыхъ приходскимъ собраніемъ на засѣданіи въ іюнѣ мѣсяцѣ.

8. Эта епитропія обязана въ теченіе іюня мѣсяца составить списокъ всѣхъ прихожанъ, имѣющихъ право въ избраніи, и вывѣситъ его сполна предъ главнымъ входомъ или въ притворѣ храма и въ школѣ съ 1 іюля до 1 августа.

9. Въ теченіе всего іюля составленная епитропія во всѣ воскресные и праздничные дни, послѣ божественной литургіи, принимаетъ или отклоняетъ всѣ протесты и просьбы каждаго прихожанина лично для себя или для другого относительно изъятія или записи въ каталогѣ.

10. Въ продолженіе всего августа мѣсяца, списки, измѣняемые по рѣшеніямъ составленной епитропіи, согласно сдѣланнымъ возраженіямъ, остаются еще вывѣшенными, и въ этотъ періодъ всѣ тѣ протесты и просьбы которыхъ были исполнительною епитропіей отвергнуты, могутъ посредствомъ прошенія обращаться въ Константинополь къ постоянному народному смѣшанному совѣту, а въ епархіяхъ—къ димогеронтіямъ. Списки, такимъ образомъ измѣненные, представляются въ сентябрѣ мѣсяцѣ приходскому собранію, которое имѣетъ право по своему рѣшенію прибавить въ нихъ лицъ пропущенныхъ и по основательнымъ причинамъ не успѣвшихъ сдѣлать свои возраженія, а затѣмъ списки объявляются подлежащими исполненію на весь годъ отъ 1 сентября до конца августа и посылаются въ двухъ экземплярахъ на утвержденіе въ Константинополь въ постоянный народный смѣшанный совѣтъ, а въ епархіяхъ—въ димогеронтію, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ былъ здѣсь удержанъ, а другой возвращенъ въ приходъ.

11. Приходскіе списки пересматриваются каждый годъ по изложенному выше способу.

12. Эти списки, составляемые въ послѣдовательно возрастающемъ числѣ и въ алфавитномъ порядкѣ фамилій, должны содержать имя и фамилію избирателя, возрастъ, родину, занятіе, находится ли онъ въ бракѣ или холостъ, умѣетъ ли писать и читать, а кромѣ того и особыя замѣчанія относительно правоспособности.

13. Избираемыми въ члены ефорій школь и епитропій храмовъ, равно въ контролеры, могутъ быть изъ избирателей только тѣ, которые имѣютъ слѣдующіе качества:

- 1) достигшіе 30-лѣтняго возраста,
- 2) умѣющие писать и читать,
- 3) живущіе въ приходѣ до четырехъ лѣтъ,
- 4) принадлежащіе къ наиболѣе разсудительнымъ и отличающимся образованіемъ прихожанамъ и имѣющие какіе либо спеціальныя познанія для соотвѣтствующихъ службъ.

Приходскія собранія.

14. Приходскія собранія устраиваются обязательно и аккуратно четыре раза въ годъ, экстренно-же всякій разъ какъ представляется необходимость изъ-за кинотскихъ дѣлъ.

15. Очередныя приходскія собранія происходятъ въ мѣсяцы сентябрь, мартъ и іюнь, въ первое воскресенье этихъ мѣсяцевъ, а въ декабрѣ—въ послѣднее воскресенье, всегда непосредственно послѣ божественной литургіи или послѣ полудня. Мѣстомъ этихъ засѣданій бываетъ то, которое обыкновенно назначается въ каждомъ приходѣ, т. е. залы епитропій или школь.

16. Право для созванія экстреннаго приходскаго собранія имѣютъ: 1) архіерей, 2) епитропія храма, 3) ефорія школы и 4) двадцать, по меньшей мѣрѣ, прихожанъ для cadaго прихода и пятьдесятъ—исключительно для кинота въ Перѣ въ Константинополѣ.

17. Приглашающіе приходское собраніе на экстренное засѣданіе обязаны изложить въ повѣсткѣ основанія для созванія и необходимость для постановленія рѣшенія объ этихъ вопросахъ, и подписать приглашеніе; когда приглашающіе принадлежатъ къ прихожанамъ, подлинность ихъ подписей утверждается настоятелемъ храма или мухтаромъ.

18. Приходскія собранія созываются при помощи газетъ, посредствомъ приглашенія, объявленнаго въ церкви въ во-

скресење или праздникъ, предшествующіе дню, назначенному для собранія, и путемъ расклеиванія приглашенія на стѣнахъ при входѣ въ храмъ или въ школъ. Гдѣ нѣтъ газетъ, этотъ недостатокъ восполняется аккуратнымъ устнымъ приглашеніемъ всѣхъ избирателей чрезъ посредство кехагья, церковныхъ сторожей и кандилаптовъ.

19. Каждое приходское собраніе бываетъ въ законномъ составѣ, если присутствуетъ четвертая часть избирателей, когда въ приходскомъ каталогѣ записано до двухсотъ прихожанъ. Если, однако, записанные превосходятъ указанное количество (200), то законный составъ для всякаго высшаго числа избирателей опредѣляется до 60. Если законный составъ не будетъ образованъ въ назначенный день, собраніе созывается во второй разъ въ непосредственно слѣдующій праздникъ или въ воскресенье и признается въ законномъ составѣ, какое бы число избирателей ни оказалось.

20. Каждый приходъ имѣетъ книгу протоколовъ приходскихъ собраній, въ которой до начала засѣданія, послѣ обозначенія въ заглавіи мѣсяца и дня, а равно и того, является ли засѣданіе экстреннымъ или очереднымъ, записываются постепенно приходящіе избиратели, при чемъ личность ихъ удостоверяется находящимся здѣсь мухтаромъ и предсѣдателемъ собранія, который и держитъ списокъ избирателей. Внизу подписей избирателей, съ оставленіемъ нѣкотораго пустаго мѣста для записи впослѣдствіи являющихся избирателей и для подписи предсѣдателя собранія, подсчитывающаго и прописью обозначающаго общее число присутствующихъ избирателей, вписывается протоколъ собранія, который и подписывается предсѣдателемъ, секретаремъ и желающими изъ прихожанъ, при чемъ всѣ приглашаются къ этому. Но протоколъ собранія за мартъ мѣсяць, касающійся избранія антипросоповъ, которые должны участвовать въ собраніи для избранія четырехъ членовъ постояннаго народнаго смѣщаннаго совѣта и четырехъ димогеронтовъ въ епархіяхъ, составляется и въ отдѣльномъ документѣ, оригиналь, который подписывается всѣми прихожанами и передается избраннымъ.

21. Избиратель, приходящій въ срединѣ засѣданія, допускается, но только не принимаетъ участія въ голосованныхъ вопросахъ. Когда же дѣло касается всякаго избранія, то

тотъ, кто является послѣ голосованія, не имѣеть права подавать свой голосъ.

22. Предсѣдателемъ приходскихъ собраній состоитъ настоятель, или, въ его отсутствіе, слѣдующій за нимъ по іерархическому положенію священникъ храма, который и имѣеть, въ качествѣ помощника, замѣстителя предсѣдателя, избираемаго по большинству голосовъ въ началѣ всякаго засѣданія всѣмъ собраніемъ. Секретаремъ же предсѣдательствующій приглашаетъ состоять того изъ присутствующихъ, кто можетъ (исполнять эту обязанность).

23. Рѣшенія собранія принимаются по большинству голосовъ половины присутствующихъ членовъ, т. е. при 11, 13, 15, 17 и т. д. голосующихъ, 6, 7, 8, 9 и т. д. составляютъ абсолютное число голосовъ, при чемъ голосованіе происходитъ тайно, когда дѣло идетъ о лицахъ.

24. Тотъ, кто нарушаетъ порядокъ въ собраніи, въ первый разъ получаетъ замѣчаніе отъ предсѣдателя, а въ случаѣ повторенія удаляется изъ засѣданія.

25. Тотъ, кто былъ удаленъ на двухъ подъ рядъ собраніяхъ, очередныхъ или чрезвычайныхъ, исключается изъ собраній на весь остальной годъ.

26. Безпорядкомъ признается не только неприличное поведеніе и споръ избирателя, но и всякое личное оскорбленіе противъ прихожанъ, грубое и дерзкое.

27. Программа занятій каждаго приходскаго собранія составляется заранѣе и подробно излагается въ приклеенныхъ на стѣнахъ объявленіяхъ и въ повѣсткахъ.

28. Дневной порядокъ очереднаго приходскаго собранія, бывающаго въ сентябрѣ, составляютъ слѣдующіе предметы: 1) оно разсматриваетъ избирательные каталоги, выслушиваетъ, принимаетъ или окончательно отвергаетъ всякое новое предложеніе относительно записи или изытія избирателей, но не можетъ измѣнять рѣшенія, принятыя постояннымъ народнымъ смѣшаннымъ совѣтомъ или димогеронтіями относительно подобныхъ возраженій или просьбъ; 2) заслушиваетъ докладъ ревизоровъ, касающійся управленія школъ; 3) избираетъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ контролеровъ кассы храма и школы на весь періодъ времени отъ 1 сентября до конца августа, 4) обсуждаетъ и рѣшаетъ, по предложенію каждаго прихожанина, всякій вопросъ,

равно и тѣ вопросы, которые касаются управленія движимымъ или недвижимымъ кинотскимъ имуществомъ, принадлежащимъ храму, школѣ или киноту.

29. Дневной порядокъ очереднаго приходскаго засѣданія, бывающаго въ декабрѣ, составляютъ слѣдующіе предметы: 1) чтеніе доклада епитропіи храма, 2) чтеніе доклада контролеровъ относительно завѣдыванія храмомъ, 3) избраніе вновь поставляемыхъ епитроповъ на слѣдующій годъ, происходящее посредствомъ абсолютнаго тайнаго голосованія, 4) чтеніе и письменное оправданіе смѣты храма на наступающій годъ и голосованіе ея, 5) обсужденіе и рѣшеніе относительно всякаго предложенія со стороны каждаго прихожанина, касающагося всякаго кинотскаго дѣла.

30. Только въ приходѣ Ставродромія въ Константинополѣ чтеніе доклада центральной епитропіи или чтеніе отчета ревизоровъ относительно завѣдыванія (приходскими учрежденіями) бываетъ въ очередномъ приходскомъ засѣданіи, происходящемъ въ мартѣ.

31. Дневной порядокъ очереднаго приходскаго собранія, бывающаго въ мартѣ, составляютъ: въ Константинополѣ— избраніе антипросоповъ (представителей), назначаемыхъ, согласно постановленіямъ Общихъ канонисмовъ, для избранія четырехъ членовъ постояннаго народнаго смѣшаннаго совѣта, а въ первенствующихъ городахъ митрополій и епископій, равно и во второстепенныхъ городахъ митрополій громаднаго территоріальнаго пространства, которые имѣютъ необходимость въ епархіальныхъ для нихъ властяхъ, происходитъ избраніе антипросоповъ, которые, соотвѣтственно ниже излагаемымъ правиламъ, собираются, подъ предсѣдательствомъ митрополита или епископа, для избранія епархіальныхъ властей.

32. Въ очередномъ приходскомъ собраніи, бывающемъ въ мартѣ въ приходѣ Ставродромія въ Константинополѣ, за исключеніемъ происходящаго раньше избранія антипросоповъ, назначаемыхъ согласно Общимъ канонисмамъ для избранія четырехъ членовъ постояннаго народнаго смѣшаннаго совѣта, совершается—1) чтеніе доклада центральной епитропіи храма Введенія Богоматери и 2) чтеніе доклада ревизоровъ относительно ея управленія.

33. Дневной порядокъ очереднаго приходскаго собранія, бывающаго въ іюнѣ, составляютъ: 1) чтеніе отчетовъ ефорій, 2) предложеніе ефоріей и рассмотрѣніе смѣты школы и программы наукъ на наступающій учебный годъ съ 1 сентября, 3) избраніе для замѣщенія выбывающихъ членовъ ефоріи, 4) избраніе двухъ прихожанъ, которые должны войти въ составъ епитропіи для изготовленія списковъ прихожанъ, и 5) всякое предложеніе, обсужденіе и рѣшеніе относительно каждаго кинотскаго предмета.

34. Книги протоколовъ приходскаго собранія хранятся епитропіею храма въ ея помѣщеніи.

Епитропіи храмовъ.

35. Епитропіи храмовъ бываютъ пятичленными, за исключеніемъ центральной епитропіи прихода Ставродромія въ Константинополь, засѣдающей при храмѣ Введенія Богоматери, которая состоитъ изъ шести членовъ. Каждый изъ епитроповъ избирается на два года; замѣняются по очереди въ первый годъ двое, во второй—трое; прослужившій въ теченіе двухъ лѣтъ не избирается вновь раньше, какъ по минованіи двухлѣтія.

36. Годъ завѣдыванія храмами со стороны епитропій начинается съ 1 января, при чемъ епитропы вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей лишь послѣ законнаго одобренія или утвержденія компетентною властью.

37. Епитропы храмовъ, вслѣдъ за окончательнымъ избраніемъ собираются на засѣданіе и избираютъ изъ своей среды предсѣдателя и казначея на одинъ только годъ.

38. Епитропы обязаны производить расходы согласно одобренной смѣтѣ и не должны совершать никакого ея нарушенія.

39. Сверхъ смѣты епитропамъ разрѣшается расходовать на экстренные расходы, обязательно оправдываемые, только до пятисотъ grosievъ (40 рублей) въ теченіе цѣлаго года, а для центральной епитропіи въ Ставродроміи—до пятидесяти турецкихъ лиръ (432 р.). Всякое выступленіе за предѣлы этой суммы признается растратою и наказывается.

40. Однако, въ томъ случаѣ, когда представляется необходимость въ чрезвычайномъ расходѣ, епитропы имѣютъ право

созвать приходское собраніе на экстренное засѣданіе, протоколъ котораго въ пользу расхода представляется соотвѣтствующей власти—въ Константинополь постоянному народному смѣшанному совѣту, а въ епархіяхъ димогеронтіи, для утвержденія къ исполненію.

41. Епитропія и особенно казначей обязаны доставлять контролерамъ, избраннымъ приходскимъ собраніемъ, всякое объясненіе соотвѣтственно ихъ назначенію, и передавать для ревизіи книги по управленію епитропіи, равно и оправдательные документы относительно доходовъ и расходовъ.

42. Епитропія храма заботится о благолѣпіи храма, о порядкѣ въ немъ во время священныхъ богослуженій, назначаетъ и увольняетъ служащихъ храма согласно установившемуся обычаю, т. е. пѣвчихъ, секретарей, возжигателей свѣчъ и сторожей, имѣетъ и чиновниковъ-сотрудниковъ и помощниковъ—мухтара и кехагья прихода.

43. Епитропія обязана представлять приходскому собранію въ декабрь, а центральная епитропія Ставродромія—въ мартъ: 1) подробный докладъ о дѣйствіяхъ своихъ и завѣдываніи, т. е. годовой балансъ доходовъ храма и расходовъ вмѣстѣ съ наличными деньгами казначейства и подробную опись кинотскаго имущества, движимаго и недвижимаго, вмѣстѣ съ подробнымъ ихъ спискомъ; 2) смѣту наступающаго года, основывающуюся на доходахъ и расходахъ за годъ по ея завѣдыванію.

Ефоріи школь.

44. Ефоріи школь бываютъ пятичленными, при чемъ члены ихъ избираются на два года и въ концѣ перваго года смѣняются по очереди двое изъ нихъ, въ концѣ втораго—трое. Выбывающіе изъ ефоровъ вновь могутъ избираться, по минованіи двухлѣтія.

45. Ефорія, вмѣстѣ съ избраніемъ своимъ, собирается на засѣданіе и избираетъ изъ среды своихъ членовъ предсѣдателя и казначея на одинъ годъ.

46. Ефоры вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей перваго сентября, когда начинается учебный годъ, при чемъ получаютъ отъ своихъ предшественниковъ по очередной описи книги, кассу, школу со всею находящеюся въ ней

мебелью, утварью и прочимъ ея имуществомъ; опись же составляется въ двухъ экземплярахъ и подписывается ефоріею какъ тою, которая передаетъ управленіе, такъ и тою, которая получаетъ его.

47. Ефорія имѣеть обязанностію заботиться объ обученіи и о точномъ выполненіи программы, наблюдать за поведеніемъ и нравственностію учениковъ, заботиться о достоинствѣ учителей, уважая ихъ, дабы ихъ почитали и дѣти и приходъ, а одновременно и наблюдая за поведеніемъ и образомъ жизни ихъ.

48. Ефоры обязаны не переходить въ отношеніи расходовъ за предѣлы смѣты, одобренной приходскимъ собраніемъ, при чемъ всякое ея нарушеніе признается растратою, но могутъ въ продолженіе цѣлаго года израсходовать сверхъ смѣты на нужды, должнымъ образомъ оправдываемыя, только пятьсотъ grosievъ, кромѣ ефоровъ гимназій Зографія въ Перѣ, въ Константинополь, которые могутъ (произвести сверхсмѣтный расходъ) до тридцати турецкихъ лиръ (259 р. 20 к.).

49. Въ томъ случаѣ, когда представится настоятельная необходимость въ расходованіи большей суммы, при чемъ такой расходъ не можетъ быть отсроченъ до ближайшаго очереднаго приходскаго собранія, епитропы созываютъ его на экстренное засѣданіе, и протоколъ собранія относительно этого расхода представляется на утвержденіе соответствующей власти, дабы онъ потомъ былъ произведенъ ефоріей.

50. Ефоры школь назначаютъ и увольняютъ учителей и учительницъ и остальной личный составъ школь, согласно распоряженіямъ, изложеннымъ въ патріаршихъ окружныхъ посланіяхъ и сдѣланнымъ Патріаршею центральною педагогической епитропіей, — въ теченіе мѣсяца іюля, непосредственно послѣ экзаменовъ.

51. На приходскомъ собраніи въ іюнѣ ефоры обязаны представить ему подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и управленіи, равно и смѣту доходовъ и расходовъ школы на наступающій учебный годъ и подробную программу наукъ на этотъ годъ, составленную въ Константинополь по руководящимъ указаніямъ Центральной педагогической епитропіи, а въ епархіяхъ — по указаніямъ центральныхъ ефорій.

Контролеры.

52. Въ приходскомъ собраніи въ мѣсяцѣ сентябрѣ избираются три контролера, полномочія которыхъ продолжаются съ сентября до конца августа.

53. Для того, чтобы кто либо былъ избранъ контролеромъ, тотъ, кромѣ качествъ для избираемыхъ, указанныхъ въ § 13, долженъ имѣть достаточныя познанія въ счетоводствѣ; тотъ, кто однажды состоялъ контролеромъ въ теченіе одного года, избирается вновь только по минованіи годового срока.

54. Эти контролеры избираются—каждый на опредѣленный четырехмѣсячный періодъ, т. е. одинъ на мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, другой на мѣсяцы январь, февраль, мартъ и апрѣль, и третій — на мѣсяцы май, іюнь, іюль и августъ; каждый изъ нихъ представляетъ приходскому собранію свой отчетъ за тотъ періодъ, въ который онъ былъ контролеромъ, именно въ сентябрѣ—о школахъ, въ декабрѣ—о храмахъ, кромѣ отчетныхъ книгъ Центральной епитропіи храма Введенія въ Перѣ, въ Константинополь, относительно которыхъ ревизіонный отчетъ представляется въ мартѣ.

55. Контролеры имѣютъ своею обязанностью только однажды въ два мѣсяца, въ день и часъ, какой сами назначаютъ, ревизовать книги епитропій храмовъ и ефорій школъ, подписывая ихъ, съ указаніемъ мѣсяца и дня, въ концѣ четырехмѣсячнаго періода ревизіи, который для нихъ предназначенъ, а равно и считать находящіяся въ ихъ кассѣ деньги. Такимъ образомъ ревизоры контролируютъ (но только молча) подлежащихъ отчету казначеевъ, дѣйствуя по своей обязанности, и не дѣлаютъ имъ никакого замѣчанія, производя лишь письменныя замѣтки для себя, и совершенно не вмѣшиваются въ дѣла управленія и завѣдыванія епитропій и ефорій.

56. Въ томъ случаѣ, когда у нихъ возникнетъ подозрѣніе относительно какой либо растраты, они собираютъ болѣе подробныя и основательныя свѣдѣнія, и когда у нихъ создастся убѣжденіе относительно этого, они представляютъ свои подозрѣнія или убѣжденія, посредствомъ доклада, въ Константинополь постоянному народному смѣшанному совѣту, а въ

епархіяхъ — димогеронтіямъ для дальнѣйшаго (движенія дѣла).

57. Въ архіепископіи Константинопольской занятіе такихъ контролеровъ не имѣетъ никакого отношенія къ дѣятельности контролера церквей, происходящей по распоряженію патріархіи.

II. Епархіальныя власти.

58. Въ епархіальныя власти избираются антипросопіей, избираемой прихожанами согласно постановленіямъ Общихъ канонисмовъ.

59. Епархіальныя власти суть: въ архіепископіи Константинополя—Постоянный народный смѣшанный совѣтъ, который по высшей центральной юрисдикціи своей есть и епархіальная власть архіепископіи Константинополя, въ епархіяхъ же—1) Димогеронтіи или Митрополичьи совѣты, имѣющіе юрисдикцію Постояннаго народнаго смѣшаннаго совѣта, т. е. судебную и административную, 2) Церковные смѣшанные совѣты, которые судятъ бракоразводныя дѣла и тяжбы между супругами и относительно обрученія, 3) Ефоріи благотворительныхъ заведеній и высшихъ центральныхъ учебныхъ заведеній, гимназій и женскихъ институтовъ и 4) четырехчленная Контрольная епитропія для всякой ревизіи доходовъ и расходовъ епархіальныхъ Ефорій.

Антипросопіи.

60. Въ Константинопольской архіепископіи способъ избранія антипросоповъ и образованіе антипросопіи для избранія ежегодно выбывающихъ четырехъ членовъ постояннаго народнаго смѣшаннаго совѣта описываются въ Общихъ канонисмахъ.

61. Антипросопіи въ епархіяхъ составляются соотвѣтственно количеству населенія первенствующихъ городовъ митрополій и епископій, равно и второстепенныхъ ихъ городовъ, которые равнымъ образомъ служатъ мѣстопробываніемъ епархіальныхъ властей.

62. Города, имѣющіе до десяти тысячъ православныхъ жителей, избираютъ тридцать антипросоповъ, имѣющіе до 20

тысячъ жителей—избирають сорокъ антипросоповъ, имѣющіе до 30 тысячъ жителей—пятьдесятъ и города, населеніе которыхъ бываетъ свыше 30 тысячъ жителей, избирають шестьдесятъ представителей.

63. Выборы происходятъ по приходамъ, обращаемымъ въ избирательныя отдѣленія, независимыя другъ отъ друга, каждое изъ которыхъ избираетъ число антипросоповъ соотвѣтственно своему населенію. Димогеронтія каждой резиденціи епархіальныхъ властей опредѣляетъ число антипросоповъ цѣлаго города и соотвѣтственно населенію каждаго прихода назначаетъ, сколько именно антипросоповъ должно избрать отъ него.

64. Для того, чтобы кто либо былъ избранъ антипросопомъ, необходимо, чтобы онъ, кромѣ качествъ избирателя, указанныхъ въ § 5, былъ еще изъ наиболѣе разсудительныхъ и образованныхъ жителей и могъ, по крайней мѣрѣ, излагать устно свои мысли.

65. Избраніе антипросоповъ бываетъ посредствомъ тайнаго голосованія одновременно во всѣхъ избирательныхъ отдѣленіяхъ въ первое воскресенье марта мѣсяца. Всякій протестъ противъ избранія неотложно и окончательно обсуждается во второе воскресенье марта димогеронтіей или митрополитическимъ совѣтомъ; въ случаѣ неутвержденія выборовъ какаго либо прихода, среди недѣли устраивается новое съ этой цѣлью избраніе.

66. Въ третье воскресенье марта, по естественному своему праву, собираются въ митрополіи или въ школѣ (гдѣ обыкновенно происходятъ собранія) всѣ избранные антипросопы (они образуютъ законный составъ, если присутствуютъ двѣ трети назначеннаго числа), подъ предсѣдательствомъ митрополита, епископа или ихъ замѣстителей, и приступаютъ къ избранію всѣхъ епархіальныхъ властей посредствомъ абсолютнаго тайнаго голосованія.

67. Программа каждаго собранія антипросоповъ опредѣляется въ слѣдующемъ составѣ.

1) Всѣ епархіальныя власти докладываютъ устно и письменно объ исполненіи своихъ обязанностей, т. е. 1) димогеронтія дѣлаетъ докладъ о постановленныхъ ею судебныхъ и административныхъ рѣшеніяхъ, 2) смѣшанный церковный совѣтъ докладываетъ о своихъ занятіяхъ, 3) ефоріи народ-

ныхъ благотворительныхъ учрежденій дѣлають докладъ объ управленіи ими и представляютъ смѣту наступающаго года, 4) ефоріи центральныхъ школъ, именно тѣ, обязанности которыхъ окончились въ августѣ, представляютъ отчетъ объ управленіи ими за минувшій годъ, а дѣйствующія ефоріи, обязанности которыхъ начались съ сентября, представляютъ подробную программу для всѣхъ школъ на наступающей съ сентября мѣсяца школьный годъ, 5) контролеры представляютъ по очереди каждый свой отчетъ за четырехмѣсячный періодъ времени, въ который онъ состоялъ ревизоромъ подлежащихъ отчету завѣдующихъ (общественными учреждениями).

II. Собраніе антипросовъ посредствомъ тайнаго голосованія и абсолютнаго большинства голосовъ приступаетъ къ избранію (замѣстителей) выбывающихъ—1) четырехъ димогеронтовъ или членовъ митрополичьяго совѣта, 2) двухъ свѣтскихъ членовъ церковнаго смѣшаннаго суда, 3) двухъ изъ пяти членовъ ефоріи для каждаго филантропическаго заведенія въ первый годъ и трехъ—во второй годъ, и—такъ по очереди, въ виду того, что обязанности ихъ исполняются въ двухлѣтній срокъ, 4) двухъ изъ пяти членовъ центральной ефоріи (общей для гимназій и женскаго института) въ первый годъ и трехъ во второй и такъ по-очереди, въ виду двухлѣтняго срока исполненія ими обязанностей, 5) трехъ контролеровъ на одинъ годъ для всѣхъ подлежащихъ ревизіи завѣдующихъ.

III. Собраніе антипросовъ обсуждаетъ и одобряетъ или измѣняетъ представляемая на слѣдующій годъ смѣты ефорій филантропическихъ заведеній и центральныхъ школъ и

IV. Обсуждаетъ всякій вопросъ общаго значенія, возбуждаемый или митрополитомъ, или тремя антипросопами.

68. Собраніе антипросовъ для того, чтобы исчерпать указанную выше программу, предолжаетъ свою работу, въ случаѣ необходимости, въ понедѣльникъ и во вторникъ; но какъ только программа будетъ исчерпана, собраніе, не имѣя больше предмета для обсужденія, распускается, безъ особаго по этому поводу распоряженія митрополита.

69. Рѣшенія собранія антипросовъ производятся по абсолютному большинству голосовъ, которое составляютъ болѣе половины голосовъ присутствующихъ (на собраніи лицъ),

т. е. при 21, 23, 25, 27 и т. д. присутствующихъ, большинство голосовъ составляютъ 11, 12, 13, 14 и т. д.

70. Членами епархіальныхъ властей избираются тѣ лица, которыя имѣютъ качества избирателя и избираемаго, но между ними всегда предпочитаютъ тѣ, которые владѣютъ специальными познаніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ совмѣщаютъ и надлежащее умственное развитіе и могутъ безпрепятственно излагать, по крайней мѣрѣ, устно свои мысли, а еще лучше—и письменно; тѣ, кто не имѣетъ качествъ избирателя и антипросопа, исключаются.

71. Членами епархіальныхъ властей могутъ избираться и изъ состава антипросоповъ, равно и кромѣ нихъ, тѣ, которые имѣютъ указанная въ предшествующемъ параграфѣ (70) качества.

Димогеронтіи или митрополичьи совѣты.

72. Димогеронтіи или митрополичьи совѣты состоятъ изъ восьми членовъ, избираемыхъ на два года по четыре чело-вѣка ежегодно, дѣйствуютъ всегда подъ предсѣдательствомъ митрополита, епископа или ихъ замѣстителей и бываютъ въ законномъ составѣ, когда присутствуютъ четыре изъ его членовъ.

73. Димогеронта, который отказался въ срединѣ года или умеръ, замѣняетъ сама димогеронтія въ своемъ засѣданіи посредствомъ абсолютнаго тайнаго большинства голосовъ, избирая замѣстителя изъ тѣхъ лицъ, которые были намѣчены, какъ димогеронты, въ мартовскомъ засѣданіи антипросопіи.

74. Юрисдикція димогеронтій или митрополичьихъ совѣтовъ бываетъ административная—по всякому дѣлу, касающемуся епархіи, и судебная—по дѣламъ о приданомъ, завѣщаніяхъ, содержаніи и прочимъ тяжбамъ имущественнаго характера, согласно предписаніямъ Общихъ канонисмовъ, опредѣляющимъ юрисдикцію постоянного народнаго смѣшаннаго совѣта.

75. Рѣшенія димогеронтій или митрополичьихъ совѣтовъ принимаются по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, перевѣсъ дается голосомъ предсѣдателя.

76. Димогеронтіи имѣютъ секретаря, платнаго или бесплатнаго—соотвѣтственно занятіямъ ихъ и доходамъ.

77. Характеръ ихъ юрисдикціи устанавливается спеціально руководственными судебными правилами, составленными и утвержденными двумя учрежденіями въ патріархіи, которыя и должны въ точности соблюдаться ¹⁾.

78. Димогеронтіи постоянно наблюдаютъ за школами и филантропическими заведеніями, за управленіемъ ихъ ефорій и епитропій храмовъ и завѣдуютъ всякимъ епархіальнымъ кинотскимъ имуществомъ, дѣйствуя въ положеніи уполномоченныхъ отъ антипросопіи въ отсутствіе собраній антипросоповъ, контролируя и постановляя рѣшенія о всякомъ завѣдываніи, преслѣдуя судомъ и увольняя изъ среди чиновниковъ всѣхъ, небрежно исполняющихъ свои обязанности и всѣхъ, злоупотребляющихъ кинотскимъ или епархіальнымъ имуществомъ или доходами.

79. Въ тѣхъ епархіяхъ (митрополіяхъ), въ которыхъ, вслѣдствіе большаго территоріальнаго ихъ пространства, существуетъ болѣе одной димогеронтіи, каждая работаетъ независимо отъ другой, составляя, такъ сказать, первую инстанцію для административныхъ и судебныхъ дѣлъ, но протесты противъ нихъ, въ формѣ апелляціи, никогда не возбуждаются предъ димогеронтіей митрополіи, но всегда предъ Постояннымъ народнымъ смѣшаннымъ совѣтомъ въ Константинополѣ.

Церковные смѣшанные суды.

80. Церковные смѣшанные суды дѣйствуютъ подъ предѣлательствомъ митрополита, епископа или ихъ замѣстителей, состоятъ изъ четырехъ членовъ, двухъ клириковъ, избираемыхъ митрополитомъ на одинъ только годъ, и двухъ свѣтскихъ, избираемыхъ на одинъ годъ собраніемъ антипросоповъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

81. Члены церковнаго смѣшаннаго суда, состоявшіе въ теченіе одного года, вновь не избираются на второй годъ, но только на третій.

¹⁾ Здѣсь разумѣется дѣйствующее въ Константинопольской церкви судебное руководство подъ заглавіемъ: „Руководственные наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ вести возникающія судебныя дѣла въ Церковныхъ и Смѣшанныхъ церковныхъ судахъ области Вселенскаго престола. Константинополь 1899“.

82. Того изъ свѣтскихъ членовъ церковнаго смѣшаннаго суда, который отказался въ теченіе года или умеръ, замѣняетъ димогеронтія, посредствомъ тайнаго и абсолютнаго большинства голосовъ, а члена изъ клириковъ замѣняетъ митрополитъ или епископъ.

83. Духовные члены церковнаго смѣшаннаго суда, назначаемые митрополитомъ, должны быть изъ болѣе образованныхъ священниковъ, отличающихся самостоятельностью характера, кротостью нрава и безукоризненными нравственными началами.

84. Законный составъ церковнаго смѣшаннаго суда образуется изъ трехъ лицъ—предсѣдателя, одного духовнаго и одного свѣтскаго члена, но никогда—изъ одного только предсѣдателя и двухъ духовныхъ его членовъ.

85. Юрисдикція этихъ судовъ распространяется на бракоразводныя дѣла, на иски о содержаніи при существованіи брака и на всякую тяжбу, супружескую или относительно расторженія обрученія и соединенныхъ съ нимъ вопросовъ.

86. Церковные смѣшанные суды имѣютъ секретаря—платнаго или бесплатнаго, соотвѣтственно ихъ доходамъ.

87. Обязанности суда и способъ веденія судебныхъ дѣлъ опредѣляются Судебнымъ руководствомъ вселенской патріархіи.

Мнѣніе г. К. Константиныди.—Постановленія относительно церковныхъ судовъ опредѣляются согласно предписаніямъ, изложеннымъ въ Руководственныхъ указаніяхъ вселенской патріархіи.

Ефоріи филантропическихъ и прочихъ священныхъ учреждений.

88. Всѣ филантропическія и прочія священныя учрежденія каждой епархіи находятся подъ управленіемъ одной только Ефоріи, состоящей, подъ предсѣдательствомъ митрополита, епископа или ихъ замѣстителей, изъ шести членовъ, избираемыхъ на два года, по три члена—на каждый годъ.

89. Тѣ изъ ефоровъ, которые закончили двухлѣтіе, не могутъ вновь быть избраны на второе двухлѣтіе, но лишь на третіе.

90. Вмѣстѣ съ избраніемъ ефоры собираются (на засѣданіе) и избираютъ изъ своей среды предсѣдателя и секретаря на одинъ годъ.

91. Ефорія бываетъ въ достаточномъ составѣ, когда присутствуютъ трое изъ ея членовъ и предсѣдатель.

92. Всякій споръ или сомнѣніе ефоровъ разрѣшаетъ димогеронтія, къ которой оказавшіеся въ меньшинствѣ и могутъ обращаться посредствомъ прошенія; рѣшеніе димогеронтіи по представленному ей вопросу должно быть исполнено и освобождаетъ отъ всякой отвѣтственности тѣхъ изъ ефоровъ, которые съ нимъ несогласны.

93. Въ тѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ, вслѣдствіе многочисленности филантропическихъ и богоугодныхъ заведеній, управленіе ими съ затрудненіемъ можетъ совершаться одною ефорією, учреждается тѣмъ же порядкомъ другая ефорія, избираемая собраніемъ антипросопіи, которая одновременно и опредѣляетъ и учрежденія, назначенныя для ея управленія, при чемъ эта ефорія остается совершенно независимою отъ другой.

94. Того ефора, который отказался или умеръ въ срединѣ года, замѣняетъ въ своемъ засѣданіи димогеронтія, избирая его изъ тѣхъ лицъ, которыя были намѣчены, какъ ефоры, въ засѣданіи собранія антипросопіи, если оказываются таковыя, но вообще—изъ среды тѣхъ, которые имѣютъ требуемыя качества.

95. Занятія ефоровъ начинаются въ мартѣ, непосредственно послѣ избранія ихъ, при чемъ они получаютъ управленіе и движимыми и недвижимыми имуществами филантропическихъ и священныхъ учрежденій отъ прежнихъ ефоровъ по двойному протоколу, подписанному и передающими и получающими ефорами.

96. Обязанности ефоровъ составляютъ — управленіе имуществами учрежденій, сборъ доходовъ и производство расходовъ, согласно смѣтѣ, одобренной и переданной собраніемъ антипросопіи.

97. Ефоры имѣютъ право, согласно существующимъ законамъ, назначать и увольнять завѣдующихъ, врачей и всѣхъ чиновниковъ и служащихъ этихъ учрежденій, постоянно наблюдая за исполненіемъ обязанностей всѣми, работающими въ нихъ, будучи строги, но и въ тоже время уважая и любя ихъ.

98. Ефоры въ концѣ года своего управленія обязаны представить на засѣданіе антипросопіи въ мартѣ—1) отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, подробный балансъ доходовъ и расхо-

довъ по своему управленію, 3) опись движимаго и недвижимаго имущества учреждений и 4) подробную смѣту на слѣдующій годъ.

99. Ефоры этихъ учреждений обязаны не выходить за предѣлы одобренныхъ смѣтъ; всякое нарушеніе ихъ признается растратою.

100. Въ теченіе цѣлаго года они могутъ израсходовать сверхъ смѣты около пятидесяти турецкихъ лиръ, которыя обязательно должны быть оправданы; если представится экстренная необходимость въ расходованіи большей суммы, они обращаются къ димогеронтіи, которая и разрѣшаетъ, если признаетъ расходъ неизбѣжнымъ и настоятельно необходимымъ; однако, въ томъ случаѣ, когда собраніе антипросопіи должно состояться въ продолженіе одного мѣсяца и отъ отсрочки не можетъ произойти вредъ или убытокъ, рѣшеніе о расходѣ возлагается на это собраніе.

Центральныя ефоріи гимназій и женскихъ институтовъ.

101. Гимназіи ефорій и центральныя женскіе институты управляются общею шестичленною ефоріею, состоящею подъ предсѣдательствомъ митрополита и избираемою на два года, при чемъ ежегодно вновь избираются три ея члена: никто изъ этихъ ефоровъ не можетъ быть избранъ и на второе двухлѣтіе, продолжая такимъ образомъ службу въ теченіе четырехъ лѣтъ; ефоръ же, прослужившій двухлѣтіе, можетъ быть избранъ снова по минованіи другого двухлѣтія.

102. Ефора, отказавшагося или скончавшагося въ срединѣ года, замѣняетъ димогеронтія изъ получившихъ избраніе на должность ефора въ засѣданіи антипросопіи, если таковыя окажутся; въ противномъ же случаѣ димогеронтія избираетъ соотвѣтствующее, по ея оцѣнкѣ, лицо изъ имѣющихъ необходимыя качества.

103. Вслѣдъ за своимъ избраніемъ ефорія собирается на засѣданіе подъ предсѣдательствомъ митрополита, епископа или ихъ замѣстителей и избираетъ на одинъ годъ своего казначея изъ состава членовъ ея.

104. Новые ефоры, по приглашенію митрополита, въ первое воскресенье послѣ своего избранія, получаютъ отъ своихъ предшественниковъ чрезъ посредство протокола, составлен-

наго въ двухъ экземплярахъ и подписаннаго прежними и новыми ефорами, имущество и управленіе школъ, какъ и смѣту наступающаго года.

105. Ефорія бываетъ въ законномъ составѣ, когда присутствуютъ председатель и три ея члена.

106. Ефоры постоянно наблюдаютъ за школами въ отношеніи полнаго и точнаго примѣненія программы и метода преподаванія. Равнымъ образомъ они наблюдаютъ за поведеніемъ учениковъ и за достойнымъ образомъ жизни учителей, уважая ихъ.

107. Ефоры заботятся о томъ, чтобы программа наукъ была единою и, если возможно, служила продолженіемъ обученія, происходящаго въ низшихъ приходскихъ школахъ, программу которыхъ они и разсматриваютъ, имѣя право измѣнять ее.

108. Подъ вѣдѣніемъ ефоровъ находится весь учительскій персоналъ школы. Они назначаютъ и увольняютъ преподавателей и учителей, начальниковъ и начальницъ, чиновниковъ и воспитателей, согласно Общимъ и прочимъ дѣйствующимъ канонисмамъ.

109. Ефоры не могутъ выходить за предѣлы смѣты, всякое нарушеніе которой признается растратою, за исключеніемъ только тридцати турецкихъ лиръ въ теченіе цѣлаго года, расходваніе которыхъ обязательно должно быть оправдано. Въ случаѣ же неизбѣжной необходимости въ большемъ расходѣ, ефоры испрашиваютъ разрѣшеніе у димогеронтіи, которая и разрѣшаетъ его только при томъ условіи, если созваніе антипросопіи не можетъ состояться ранѣе двухъ мѣсяцевъ, или отъ отсрочки расхода предстоить серьезный нравственный или матеріальный вредъ для школъ.

110. Ефорія, немедленно послѣ экзаменовъ школъ, обязана передать съ необходимыми поясненіями начальнику или начальницѣ школъ подробную программу предметовъ, содержащую матеріаль для изученія и въ низшихъ школахъ, — переданную ей предшествующей ефоріей и утвержденную собраніемъ антипросопіи, съ тѣмъ, чтобы корпорація преподавателей и учителей приготовилась къ наступающему новому учебному году, который по занятіямъ начинается только съ перваго сентября.

111. Расписаніе уроковъ составляютъ начальники и начальницы школъ съ учащимъ персоналомъ, при чемъ количество

учебныхъ часовъ для каждаго дня, равно начало и перерывъ занятій назначаются ефоріей.

Контролеры.

112. На засѣданіи собранія антипросопіи избираются три контролера, обязанности которыхъ продолжаются одинъ годъ со времени избранія ихъ.

113. Для того, чтобы кто либо былъ избранъ контролеромъ, необходимо, чтобы онъ, кромѣ качествъ, указанныхъ въ параграфахъ 5 и 13 для избирателя и избираемаго, владѣлъ и достаточными бухгалтерскими познаніями; тотъ, кто однажды уже исполнялъ обязанности контролера, снова избирается только по минованіи годового періода.

114. Контролеры эти работаютъ каждый въ опредѣленно назначенный четырехмѣсячный періодъ, т. е. одинъ въ мѣсяцы май, іюнь, іюль и августъ, другой—въ мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь и третій — въ мѣсяцы январь, февраль, мартъ и апрѣль, а четырехмѣсячный срокъ для каждаго контролера назначается собраніемъ антипросопіи.

115. Эти контролеры исполняютъ свою обязанность только одинъ разъ въ два мѣсяца и въ тотъ день и часъ, какой сами назначаютъ, ревизуютъ книги ефорій филантропическихъ и богоугодныхъ заведеній и центральныхъ школъ, а равно считаютъ находящуюся въ кассѣ денежную наличность; они совершенно молча контролируютъ подлежащихъ отчетности казначеевъ, безъ всякаго замѣчанія, дѣлая только соответствующія записи и совершенно не вмѣшиваясь въ управление и завѣдываніе ефорій..

116. Въ томъ случаѣ, когда у контролеровъ возникнетъ подозрѣніе относительно какого либо злоупотребленія, они собираютъ свѣдѣнія болѣе подробныя и основательныя и, когда убѣдятся въ растратѣ, излагаютъ свои подозрѣнія и убѣжденія устно митрополиту, который въ свою очередь убѣдившись, представляетъ дѣло димогеронтіи для дальнѣйшаго его направленія.

117. Каждый изъ контролеровъ въ концѣ четырехмѣсячнаго срока исполненія своихъ обязанностей, обревизовавъ книги ефорій и казначеевъ, составляетъ ревизорскій отчетъ о доходахъ и расходахъ за четырехмѣсячное завѣдываніе и въ мартѣ представляетъ его собранію антипросопіи.

Кинотское имущество, полученное по завѣщаніямъ.

118. Въ тѣхъ епархіяхъ или въ первенствующихъ городахъ епархій, въ которыхъ существуютъ кинотскія имущества на пользу филантропическихъ и священныхъ учреждений, школъ, на милостыни для бѣдныхъ, полученныя по завѣщаніямъ, устанавливающимъ опредѣленнымъ образомъ управленіе этими кинотскими имуществами и расходование ихъ доходовъ въ пользу опредѣленныхъ учреждений, управленіе такими имуществами происходитъ, согласно распоряженіямъ этихъ завѣщаній, лицами, имѣющими для этого право, при чемъ нисколько не должны умаляться или страдать права въ избраніи властей, представляемая настоящимъ уставомъ православнымъ прихожанамъ.

119. Если окажется, что уполномоченные, назначенные старыми такими завѣщаніями, съ теченіемъ времени исчезли и оскудѣли, то замѣна ихъ производится въ силу рѣшенія законной судебной власти.

120. Но всякое распоряженіе какого либо завѣщанія, вторгающееся и, такъ сказать, уничтожающее предоставляемыя настоящимъ уставомъ права избирателей и права властей по управленію и ревизіи имущества филантропическихъ и священныхъ учреждений и центральныхъ школъ, признается недѣйствительнымъ и несуществующимъ.

121. Лица, имѣющія по такимъ завѣщаніямъ право, собираются подъ предсѣдательствомъ митрополита и составляютъ годовую смѣту управленія этими имуществами и, согласно распоряженіямъ завѣщаній, распредѣленіе доходовъ на филантропическія заведенія, на школы, на милостыни нищимъ и на приданое.

122. Составленная такимъ образомъ смѣта представляется на одобреніе димогеронтіи, которая, если найдетъ ее согласно съ распоряженіями завѣщаній и съ общою пользою и благомъ мѣстности или епархіи, утверждаетъ и препровождаетъ уполномоченнымъ для исполненія, извѣщая и учреждения, имѣющія право (на полученіе доходовъ), въ противномъ же случаѣ возвращаетъ смѣту составителямъ, чтобы они приняли во вниманіе замѣчанія димогеронтіи и внесли необходимыя измѣненія.

123. Эта смѣта представляется димогеронтіи заблаговременно, въ концѣ экономическаго года.

124. Въ томъ случаѣ, когда уполномоченные настаиваютъ на своей смѣтѣ и не вносятъ требуемое измѣненіе, вопросъ представляется (на обсужденіе) собранію антипросопіи, которая и разрѣшаетъ его окончательно.

Общія постановленія.

125. Экономическій годъ для епархіальныхъ властей, т. е. для ефорій филантропическихъ и священныхъ учреждений и для центральныхъ школъ, начинается съ 1 января.

126. Каждый казначей, имѣя въ кассѣ храмъ, школы или филантропическихъ заведеній денежную сумму свыше 50 турецкихъ лиръ, обязанъ временно помѣстить ее, какъ взносъ на имя спитропіи или ефоріи, казначеемъ которой онъ состоитъ, въ одномъ изъ болѣе надежныхъ банковъ, или у кого-либо изъ банкировъ и купцовъ, по имени назначаемыхъ димогеронтіей въ январѣ мѣсяцѣ.

127. Всѣ митрополиты или епископы Вселенскаго престола, какъ духовные начальовожди и предсѣдатели епархіальныхъ властей, обязаны, имѣя въ виду точное примѣненіе настоящаго устава, заблаговременно извѣщать свои паствы относительно всѣхъ очередныхъ приходскихъ собраній, руководя ихъ, чрезъ посредство настоятелей, своими изъяснительными указаніями о составленіи списка избирателей, о способѣ избраній на приходскихъ собраніяхъ, иногда и сами являясь въ нѣкоторые приходы—послѣдовательно изъ одного въ другой, но не имѣютъ права изъ-за этого отлагать приходскія собранія и препятствовать тому, чтобы они происходили одновременно во всѣхъ селахъ.

128. Если имъ будетъ сообщено о какой либо растратѣ кинотскихъ денегъ, они, послѣ того какъ убѣдятся въ этомъ, должны представить дѣло димогеронтіямъ. Димогеронтіи, послѣ разсмотрѣнія доказательствъ, убѣждающихъ относительно растраты; выступаютъ противъ виновныхъ въ злоупотребленіи, обязывая ихъ, въ теченіе опредѣленнаго, по ихъ назначенію, срока, возмѣстить неправильно израсходованную сумму; и если растратившій заплатитъ въ теченіе назначеннаго срока, димогеронтія немедленно увольняетъ

его отъ службы, которую онъ имѣеть, и вычеркиваетъ его имя послѣдовательно на пять лѣтъ изъ каталога избирателей, при чемъ онъ одновременно лишается и качества избираемаго. Если, однако, онъ не станетъ подчиняться рѣшенію димогеронтіи, митрополитъ или епископъ обязывается отлучить его отъ церкви и одновременно возбудить уголовное дѣло предъ соотвѣтствующимъ судомъ для наказанія.

129. Всякое нарушеніе настоящаго устава обжалывается предъ постояннымъ народнымъ смѣшаннымъ совѣтомъ въ архіепископін Константинополя и предъ димогеронтіями въ епархіяхъ, которыя, прежде всего, постанавляютъ свое рѣшеніе относительно нарушенія и потомъ налагаютъ на нарушителей наказанія, соотвѣтственно важности нарушенія.

130. Наказанія, налагаемыя за такія нарушенія, суть: 1) выговоръ нарушителю въ засѣданіи постояннаго народного смѣшаннаго совѣта или димогеронтіи, 2) лишеніе его на одинъ годъ въ отношеніи пользованія своими правами, какъ избирателя, и избранія его, какъ антипросопа въ засѣданіяхъ антипросопіи, если онъ имѣеть соотвѣтствующія качества; 3) исключеніе его въ отношеніи избранія какъ епитропа, или ефора школы, какъ димогеронта, или ефора филантропическихъ заведеній и центральныхъ школъ; 4) присужденіе къ возмѣщенію растроченныхъ денегъ съ лишеніемъ на пять лѣтъ права избирателя и избираемаго въ составъ всякой приходской или епархіальной власти, и 5) преслѣдованіе его митрополитомъ для наказанія уголовнымъ порядкомъ.

131. Мѣстные митрополиты, епископы или ихъ антипросопы имѣють долгъ своевременно напоминать каждому изъ обязанныхъ исполненіемъ какого либо предписанія настоящаго устава объ этомъ предписаніи, давая и необходимыя руководственныя указанія для его исполненія.

132. Въ началѣ примѣненія настоящаго устава посредствомъ жребія опредѣляются всѣ тѣ изъ епитроповъ храмовъ и ефоровъ приходскихъ школъ, изъ членовъ димогеронтіи и ефоровъ филантропическихъ и священныхъ учрежденій и центральныхъ школъ, которые должны выйти изъ ихъ состава, при чемъ избраніе по жребію должно происходить въ засѣданіи приходскаго собранія, когда дѣло идетъ
голосъ церкви.

о приходскихъ властяхъ, и въ засѣданіи собранія антипросопіи, когда дѣло касается епархіальныхъ властей.

133. Все то, чего не предусматриваетъ настоящій уставъ, можетъ быть опредѣлено соответствующими собраніями приходскими и антипросопіи, подъ опредѣленнымъ условіемъ одобренія двумя высшими учрежденіями Великой Христовой церкви (т. е. священнымъ синодомъ и народнымъ смѣшаннымъ совѣтомъ) и—удостоверенія, что это не противорѣчитъ постановленіямъ Общихъ канонисмовъ и настоящаго устава ¹⁾).

Таковъ первый проектъ устава о приходѣ, о приходскихъ и епархіальныхъ властяхъ въ предѣлахъ Константинопольскаго патріаршатаго престола, который былъ составленъ двумя свѣтскими членами (г.г. Антоніади и Константиниди) особой смѣшанной комиссіи и послужилъ исходнымъ предметомъ для разсужденій этой комиссіи и для дальнѣйшаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ и организаціи прихода. Въ свою очередь, комиссія выступила съ другимъ общимъ проектомъ, составленнымъ послѣ детальнаго обсужденія вопроса о приходѣ, въ виду и изложеннаго сепаратнаго проекта.

Профессоръ **И. И. Соколовъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Σχέδιον συνταχθέν ὑπὸ Θάλητος Ἀντωνιάδου καὶ Κωνσταντίνου Γ. Κωνσταντινίδου, ἵνα συζητηθῆ παρὰ τῆς ὑπὸ τῶν δύο Σωμάτων συστάσης Ἐπιτροπῆς. Κανονισμὸς περὶ τῆς ἐκλογῆς καὶ τῶν καθοκόντων τῶν ἐν τῷ κλίματι τοῦ Οἰκουμενικοῦ θρόνου ἀρχῶν κτλ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Вѣнокъ на могилу воина-христіанина ¹⁾.

Вѣчная, славная память тебѣ, дорогой страстотерпецъ воинъ Георгій, за Вѣру, Царя и Родину и за своихъ братьевъ-Славянъ, поработенныхъ, животъ свой на полѣ брани положившій! Коротка была, по волѣ Творца, твоя земная жизнь, но много пришлось тебѣ пережить за 28 лѣтъ твоего земного странствованія. Рано остался ты безъ отца, успѣлъ пережить кончину брата офицера, потерялъ горячо любимую свою мать. Рожденный въ военной семьѣ и воспитанный въ военной школѣ, ты избралъ себѣ поприще по сердцу своему, поприще многотрудное, исполненное скорбей и лишеній. Памятуя завѣтъ Христа Спасителя: „кто любитъ отца или мать болѣе нежели меня, недостойнъ Меня; или кто любитъ сына или дочь болѣе нежели Меня, не достоинъ меня, и кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за мною, тотъ не достоинъ меня“ (Мѡ. 10, 37—38), ты отказался отъ своей личной жизни и отдалъ себя всего на великое служеніе Вѣрѣ, Царю и Родинѣ. И вотъ ты въ рядахъ близкой тебѣ по духу и сердцу славной родной арміи и твои товарищи-воины, лучше насъ знающіе тебя, не обвиняясь свидѣтельствуютъ, какъ исполнительенъ былъ ты въ своемъ служебномъ долгѣ, какъ добръ и отзывчивъ къ нуждамъ сотоварищей и подчиненныхъ. Но зачѣмъ намъ эти свидѣтельства, когда твоя смерть славная

¹⁾ Слово, сказанное 12 сент. въ бригадной церкви г. Екатеринослава, при отпѣваніи умершаго отъ ранъ поручика Θεодосійскаго полка Георгія Васильевича Замятина.

громче всѣхъ свидѣтелей говорить, что любовь христіанская была твоимъ земнымъ удѣломъ. Ты зналъ, что нѣтъ любви большей, какъ кто душу свою положить за други своя (Іоан. 15—13). И вотъ когда разразилась военная гроза, когда врагъ Христовой любви, врагъ мира всего міра, надменный, гордый, кровожадный Германецъ, рѣшивъ поглотить родное славянство, дерзко и гордо ринулся на миролюбивую, смиренную Святую Русь, когда Родина мать съ невыразимой болью въ сердцѣ, но вѣрная завѣтамъ Христа, оторвала отъ своей любящей материнской груди многіе милліоны своихъ сыновъ и по зову родного Царя Отца послала ихъ на великій подвигъ—положить душу за други своя—ты безбоязненно, громко воскликнувъ со всею святою Русью „съ нами Богъ“, бросился съ „желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“ на врага и въ море братской крови, проливаемой за святую Родину и за обездоленныхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ братьевъ славянъ, влилъ и свою чистую святую кровь и теперь ранами своими и своею праведною кончиною громко свидѣтельствуешь, что обрѣлъ истинное счастье, ибо совершилъ свой подвигъ любви до конца, положивъ душу свою за други своя. Ты претерпѣлъ до конца и будешь спасенъ. Мы этому вѣримъ. Это сказалъ Христосъ.

Теперь ты тѣломъ своимъ среди насъ—своихъ молитвенниковъ, своихъ родственниковъ, своихъ друзей—сослуживцевъ воиновъ, среди сыновъ родной земли, за благополучіе коихъ ты страдалъ. Измученный, израненный, истекавшій кровью, ты спѣшилъ къ намъ. Скажи зачѣмъ? Зачѣмъ не легъ и тѣломъ тамъ, гдѣ положилъ душу свою? Что ты хотѣлъ этимъ намъ свидѣтельствовать, что хотѣлъ намъ завѣщать?

— Ты видѣлъ тамъ за рубежомъ Родины въ землѣ вандаловъ-враговъ слезы, невыразимыя страданія, ты слышалъ тамъ стоны ужасные родныхъ братьевъ славянъ, сдавленныхъ въ желѣзныхъ тискахъ современныхъ „культурныхъ“ варваровъ-нѣмцевъ и хотѣлъ и спѣшилъ намъ повѣдать о томъ и сказать: „туда, родные, туда скорѣе! На помощь! Тамъ страдаютъ свои, освободите, облегчите ихъ горе, утрите ихъ слезы“...

Ты хотѣлъ намъ повѣдать, какъ наши родные отцы и дѣти умираютъ за Вѣру, Царя и Родину и крикнуть намъ: „мужайтесь, крѣпитесь сердцемъ, твердо стойте за попираемую

правду, объединяйтесь вокруг своего Богомъ даннаго, благо-
словеннаго Царя Помазанника и спасайте свои святыни:
Вѣру, Царя и Родину!

Родимый, мы слышимъ твой голосъ, внимаемъ твоему
горячему призыву. Вѣрь, что крѣпка наша вѣра въ Бога,—
вѣрь, незыблема наша преданность Самодержцу родному,—
знай, что горяча—пламенна наша любовь къ Родинѣ-матери,
неудержимо, несокрушимо наше стремленіе къ братьямъ
страдальцамъ на помощь. Все принесемъ въ жертву и волю
Божью исполнимъ. И Твоя и твоихъ соратниковъ кровь не-
напрасно будетъ пролита: святою кровью сыновъ Россіи
спасутся братья славяне и Родина Мать отъ ига нѣмецкаго
и будетъ подъ покровомъ Матери Церкви и подъ великою
рукою Самодержца всея Руси благоденствіе всѣмъ объеди-
неннымъ славянамъ и будетъ миръ всему міру. Тебѣ же,
дорогой витязь-страстотерпецъ земли Русской, воинъ Георгій,
нашъ земной благодарный поклонъ и послѣднее „прости“,
наша горячая молитва Царю Царей: да примѣтъ онъ жертву
твою кровавую и всѣхъ за Вѣру, Царя и Родину животь
свой положившихъ и упокоить идѣже нѣсть болѣзнь, ни
печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

— Разступись, мать сыра земля, не холодную могилу, а
грудь твою горячую материнскую приготовь для покоя вѣч-
наго за тебя пострадавшему сыну твоему воину Георгію.
Русскій народъ! вѣчную славную память храни о твоемъ
страдальцѣ воинѣ Георгіѣ и всѣхъ за Вѣру Царя и Родину
убіенныхъ и завѣщай своимъ потомкамъ такъ же самоотвер-
женно хранить свои завѣты: Вѣру, Царя и Родину, какъ
хранили они. Аминь.

Священникъ **Н. Айвазовъ.**

г. Екатеринославъ.

Современное обозрѣніе.

По изволенію Божьему совершается событіе у насъ на Руси, могущее при всей своей тяжести имѣть безконечно благопріятныя послѣдствія не только для насъ русскихъ, но и для всѣхъ народовъ, единокровныхъ намъ. Идетъ война и несетъ пока, по милости Господней, объединеніе братьевъ-славянъ, возвращеніе подъ скипетръ Русскаго Царя отторгнутыхъ нѣмецкимъ насиліемъ, освобожденіе отъ гнета нѣмецкихъ началъ жизни... Дай Богъ, чтобы все это довелось благополучно до конца! Въ борьбѣ съ германизмомъ вырисовывается съ особенной яркостью наша природная индивидуальность. Какъ въ свое время Наполеоново нашествіе разсѣяло туманъ всецѣлаго преклоненія передъ „французскимъ“, такъ теперь, наконецъ, „нѣмецъ“ начинаетъ терять свое обаяніе. И слава Богу—давно пора... Самобытная русская культура, культура мирнаго созиданія жизни, принесетъ больше счастья народамъ, чѣмъ безумное, лихорадочное напряженіе военной мощи, поглащающее всѣ соки народной производительности.

И не только это мирное созиданіе влечетъ за собою побѣда славянства. Сильнѣйшая славянская народность — мы русскіе—несемъ съ собой и свѣтъ истины Христовой; побѣда наша—расширеніе сферы дѣятельности нашей Церкви.

Тутъ задачи государства и Церкви совпадаютъ. Если первое хочетъ утвердить принципъ мира, то всего прямѣе это можно будетъ сдѣлать въ томъ случаѣ, если въ сознаніе народа войдетъ начало всепримиряющей любви Христовой, проповѣдуемое православіемъ; съ другой стороны, православію, желающему преобразовать міръ на началахъ любви,

всего естественнѣе идти туда объ руку съ государственностью, дающей просторъ церковной дѣятельности.

Союзъ между двумя организаціями, вообще говоря, можетъ быть или внѣшне-случайнымъ, или внутренне-органическимъ. Въ первомъ случаѣ согласіе, взаимная поддержка базируются на стремленіи получить отъ союза возможно большую выгоду; во второмъ — на сознаниі общности и взаимной обусловленности интересовъ. Перваго рода союзъ создаетъ стремленіе каждой стороны возможно меньше *давать* союзнику и возможно больше вырвать у него. Другой характеръ союза влечетъ къ *заботѣ* о союзникѣ, въ полномъ сознаниі прямой зависимости своего благосостоянія отъ счастья другого.

Союзъ между Церковью и Государствомъ. можетъ соответствовать и тому и другому виду. У насъ на Руси этотъ союзъ органической, именно, въ силу полного совпаденія идеаловъ церкви и славянской народности. Въ силу этого совпаденія идеаловъ такъ тѣсно связались историческія судьбы Русской Церкви и государственности. Первая была благословляющимъ ангеломъ хранителемъ послѣдней. Подъ благодатной сѣнью Церкви росла, ширилась и крѣпла Русь.

Никто иной привилъ къ дикому дереву древне-славянской культуры начала государственности, какъ, именно, Церковь. вмѣстѣ со свѣтомъ христіанства озарилъ Русь свѣтъ жизни культурно-человѣческой, и эта изначальная зависимость молодого строя жизни народной отъ началъ церковной жизни красной нитью проходитъ черезъ всю дальнѣйшую исторію Россіи.

Кто зажегъ свѣточъ знанія? Церковь, выставлявшая учителей грамоты, создававшая первыя народныя школы. Кто хранилъ блески истины, сіявшія огоньками во тьмѣ невѣжества и заблужденій? Церковь, бывшая носителницей мудрости, хранительница книжныхъ сокровищъ. Кто, наконецъ, былъ глашатаемъ знанія, поднимавшимъ интересъ къ жизни и свѣтлому знанію? Церковь за оградами своихъ монастырей возжигавшая свѣтильники, озарившіе своимъ сіяніемъ всю Русь.

Подъ покровомъ Церкви строилось Русское царство. Ею оно жило, Ею пользовалось для упроченія своего вліянія, Ея молитвенниками освобождалось отъ враговъ, расло на лонѣ

Церкви, какъ укрѣпляется силами младенецъ, питаясь молокомъ на груди матери. И естественно, что при развитіи государственной жизни, по мѣрѣ того, какъ въ потокъ народно-исторической жизни вливались отдѣленные струйки различныхъ народностей и разнообразныхъ религіозныхъ вѣрованій, православіе получало господствующее значеніе.

Это не былъ завоевательный походъ Церкви, потому что Ей нечего было завоевывать: Русь, получившая начало своего культурнаго бытія подъ сѣнью Церкви, естественно всегда сознавала себя обязанной Церкви и отдавала Ей все. Не было такой области въ русской государственной жизни, гдѣ Церковь не имѣла бы значительнаго вліянія; тѣмъ болѣе не было такой сферы, въ которой создавались бы условія жизни, враждебныя церковнымъ интересамъ. Этимъ крѣпла Русь—этимъ она сильна, за это она и должна всегда держаться. И надо правду сказать, Государство у насъ, слава Богу, само сознательно рѣдко нарушало этотъ союзъ, чуть-емъ учитывая всю пользу отъ взаимообщенія съ Церковью. Случалось, что Церковь не всегда сама стояла на стражѣ своихъ общественныхъ интересовъ и черезъ это только падала въ глазахъ государственной власти, которая тогда считала уже себя въ правѣ третировать представителей церкви.

Сейчасъ у насъ вновь со всей очевидностью сливаются интересы государства и церкви и—дай Богъ—чтобы они удовлетворились на пользу и той и другой.

Уже помогъ Господь вернуть подъ державу древнюю „вотчину“ князей російскихъ, приобрѣтена Галиція, и вмѣстѣ съ нею возвращаются подъ непосредственное вѣдѣніе православной церкви уніаты, бывшіе когда-то (въ лицѣ своихъ предковъ) исповѣдниками православія.

Для Церкви слѣдовательно возникаетъ задача, требующая неотложнаго разрѣшенія, такъ или иначе опредѣлить свое отношеніе къ населенію вновь присоединенныхъ областей. Вопросъ прежде всего разрѣшится опредѣленіемъ формы церковнаго управленія, которая будетъ имѣть мѣсто въ этихъ новыхъ владѣніяхъ. Вполнѣ естественно выдѣлить эту вновь образовывающуюся церковь въ самостоятельное—до извѣстной степени учрежденіе съ непремѣннымъ подчиненіемъ и канонической зависимостью отъ центрального управленія Россійской церкви. Нѣкоторая автономія, ду-

мается, должна имѣть мѣсто на этой окраинѣ и распростра- няться на внутреннюю церковную жизнь, поскольку послѣд- ная обуславливается мѣстными особенностями. Но несом- нѣнно, что каноническая зависимость отъ органовъ цент- ральнаго управленія Россійской церкви, а не отъ констан- тинопольскаго патріарха будетъ вполне естественна, если Галиція навсегда перейдетъ къ Россіи.

По отношенію къ этой области для русскаго государства въ единеніи съ церковью открывается совершенно особое поле дѣятельности. Здѣсь не придется прилагать героичес- кихъ усилій къ дѣлу обрусенія края. Оно произойдетъ естест- венно, поскольку населеніе Галиціи въ общей своей массѣ, конечно, живетъ, тѣми же интересами, что и все славянство. Нужно лишь вспомнить, съ какой готовностью и неподдѣль- ной радостью встрѣчаетъ коренное населеніе побѣдоносное русское воинство; въ этомъ залогъ полнаго совершеннаго единенія двухъ братьевъ-народовъ. Насильно отторгнутые отъ того ствола, который питалъ ихъ своими соками, гали- чане сами готовы стать частью великаго народа русскаго, который, конечно, всегда приметъ ихъ, какъ самыхъ доро- гихъ, какъ самыхъ близкихъ его сердцу. Не можетъ Русь забыть того, что здѣсь, на отрогахъ Карпатъ, въ свое время былъ центръ культурной жизни, оказывавшій вліяніе на все теченіе жизни: тутъ „сидѣль“ Ярославъ Осмомысль, воспѣ- тый еще въ „словѣ о полку Игоревѣ“; здѣсь на фонѣ поли- тическихъ неурядицъ вырисовывалась могучая фигура князя Данила Галицкаго, заставлявшаго занскивать и домогаться дружбы съ нами даже западно - европейскіхъ государей. Здѣсь виталъ духъ несокрушимой силы, энергіи, знанія, спасшій этотъ уголокъ земли Русской отъ дикаго налета татаръ... Только отъ нѣмецкаго засилья не спаслась цвѣ- тущая область, служившая постоянной приманкой для вож- делѣній сосѣдей, и судилъ Богъ подпасть подъ руку ав- стрійцевъ.

Но теперь, кажется, миновала бѣда, и понятно, что Русь откроетъ всѣ входы, чтобы дать просторъ развиваться всему тому богатству жизни духовной, которымъ полна народная среда.

Съ этой стороны дѣло обстоитъ хорошо.

Важнѣе возникаетъ вопросъ о религіозномъ состояніи присоединенныхъ народностей. Въ свое время, для упроченія австрійскаго вліянія, была провозглашена въ Галиціи церковная унія съ Римомъ, которая была въ центрѣ дѣла, пытаясь подорвать православіе. Съ началами католицизма входили въ жизнь галичанъ и начала жизни западно-европейской, съ постепеннымъ усвоеніемъ духа германизма. Это былъ, если можно такъ выразиться, мирный *Drang nach Osten* аванпоста германской лавины.

Расчетъ былъ вѣренъ, но не оправдалъ ожиданій, онъ только ярче подчеркнул полную зависимость отъ совершенно чуждыхъ народу началъ. А эти начала заявляли о себѣ со всей рѣшительностью, со всею настойчивостью. Православіе, терпимое официально, гналось, преслѣдовалось рѣшительно всѣми способами. Кто не помнитъ и не читалъ тѣхъ душу раздирающихъ сообщеній о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на православныхъ Галиціи, только за то, что они твердо держались вѣры отцовъ. Всѣ ужасы недавняго времени, когда въ австрійскихъ тюрьмахъ томились православные священники, когда они подвергались насмѣшкамъ, глумленіямъ, оскорбленіямъ, когда правительство Франца-Іосифа объявило войну православію въ краѣ сознательно и настойчиво—все это у каждаго почти передъ глазами. И унія—ничто другое—была той лазейкой, черезъ которую втекало и упрочивалось нѣмецкое вліяніе. Имени нѣмецкой государственности приносились гекатомбы жертвъ, размѣнивалось драгоцѣннѣйшее достояніе народнаго духа—православіе. Унія сама по себѣ не могла никого привлекать. Склонялись къ ней осыпаемые градомъ милостей, но бѣгъ времени сдѣлалъ то, что навязанное привилось, и народъ свыкся съ уніей.

Правда, далеко не всѣ. Есть прекрасныя записки (дневникъ), касающіяся путешествія по приходамъ американскаго епископа Николая, нынѣ здравствующаго архіепископа Варшавскаго, гдѣ Владыка рассказываетъ объ уніатахъ-галичаныхъ, бѣжавшихъ въ свободную Америку отъ нѣмецкаго гнета. Оказывается, всѣ эти уніаты въ глубинѣ сердца носятъ привязанность къ церкви православной, скоро сравнительно—переходятъ въ ея лоно, если встрѣчаютъ ревность со стороны пастыря-миссіонера.

И сейчас открывается передъ взоромъ Церкви потребность идти со свѣточемъ православія въ среду этого уніатства, не силой обращать инако-мыслящихъ, но мощью свѣтозарной истины заставить склониться передъ нею сердца. И наша Церковь можетъ это сдѣлать, она должна это сдѣлать. Пока крѣпокъ союзъ государства съ церковью, первое должно создать условія, благопріятныя миссіонерско-церковной работѣ, допустивъ въ широкихъ размѣрахъ, отвѣчающихъ понятію „господствующаго исповѣданія“, пропаганду православія. Вѣрно, что рано или поздно истина восторжествуетъ, но есть всѣ основанія для самого же государства стремиться къ возможно-скорѣйшему торжеству истины. Съ ея воспріятіемъ и усвоеніемъ укрѣпляется связь между этой народностью и государствомъ Русскимъ, такъ какъ единеніе въ этомъ случаѣ коснется самыхъ таинственныхъ глубинъ, религіозныхъ основъ жизни народной.

Торжество русской государственности въ Галиціи дастъ возможность безбоязненно работать тамъ апостоламъ православія, только нужно, чтобы не было недостатка въ рабочихъ. Именно, государство должно позаботиться о созданіи условій, облегчающихъ трудъ благовѣстниковъ. Нужно предоставить церкви то положеніе, которое она имѣетъ во всемъ государствѣ,—что несомнѣнно и будетъ.

Сейчасъ раздается много голосовъ, тракующихъ о тѣхъ принципахъ, которые должны бы быть положены въ основу церковно-государственныхъ отношеній въ Галиціи. И уже теперь проводится мысль о необходимости ограничить, сократить сферу дѣятельности и вліянія православной церкви. Усиленно рекомендуется начало полной терпимости въ дѣлахъ вѣры.

Что жъ? хорошо... Но бѣда въ томъ, что „терпимость“ чаще всего граничитъ съ равнодушіемъ, съ безразличіемъ, съ нежеланіемъ отстоять свое упованіе, утвердить въ сознаніи общества непреложность единой истины. И какой результатъ, плодъ этого выставляемаго на общее разсмотрѣніе рецепта? Запрещеніе посылать въ приходы православнаго священника, если такового не потребуютъ $\frac{3}{4}$ прихода...—чего добивается наше либеральное, чуждое церкви, общество во главѣ съ „Рѣчью“.

Да, дѣйствительно, хороша будетъ миссіонерско-просвѣтительная работа, если и количество пастырей будетъ урѣзано до минимума! Вѣдь нельзя же думать, чтобы издавна уже перетягиваемое къ католичеству уніатское населеніе быстро отказалось отъ того, съ чѣмъ оно сроднилось. Нѣтъ, только армія самоотверженныхъ православныхъ дѣятелей, пущенныхъ въ Галицію, и прежде всего обиліе православнаго духовенства, свяжутъ навсегда, неразрывными узами возвращенный край съ центромъ русской жизни. Иначе, религіозное тяготѣніе къ Западу можетъ служить помѣхой въ дѣлѣ сліянія того, что по самой природѣ своей должно составлять единое цѣлое. Не говоримъ уже о томъ, что нельзя давать преимущество уніатству тамъ, гдѣ вводятся начала жизни, по которымъ „православная церковь является господствующей въ государствѣ“. Такая позиція должна сказаться и по отношенію къ Галиціи.

Церковь имѣетъ полное основаніе требовать для себя такого положенія; настоящія обстоятельства есть наглядное свидѣтельство единства интересовъ Церкви и государства, только нужно, чтобы это единство изъ области словъ переходило и въ область дѣла.

Россія, какъ и все славянство, хочетъ освободиться, наконецъ, отъ нѣмецкаго гнета. Основы нѣмецкаго міросозерцанія должны перестать господствовать надъ умами, могущими идти въ своемъ развитіи, въ дѣлѣ созиданія могучей всесторонней жизни отнюдь не на помочахъ нѣмцевъ.

Церковь можетъ только привѣтствовать это.

Религіозное броженіе, поражающее различныя секты и толки, во многомъ обязано „нѣмецкому засилью“. Наши русскія самобытныя секты немногочисленны, и вліяніе ихъ сравнительно скоро можетъ быть парализовано. Не то секты заносныя. Протестантизмъ, корнями своими уходящій въ сердцевину „нѣмецкаго“ міросозерцанія, является родоначальникомъ большинства изъ нихъ, имъ наши секты чаще всего и окормляются. А передаточной станціей—какъ это установлено исторически—съ большимъ удобствомъ могли быть и были тѣ нѣмецкіе колонисты „бароны“ и „фоны“ разные, которые въ изобиліи наводняли Россію, пользуясь гостепріимствомъ послѣдней.

И обоюдно отрадно было бы и государству и церкви, если бы оказалось возможным не только ограничить, но и совершенно пресѣчь ихъ вліяніе на народную жизнь, на народное достояніе—вѣру...

Нужно беречь эту драгоценную жемчужину, которой живетъ „Святая Русь“. Пусть нашъ народъ-Богоносець выполняетъ свою высокую миссію, слѣдуя влеченіямъ своей природы, велѣніямъ своего религіознаго, церковнаго православнаго духа!

Загорается, быть можетъ, заря совершенно новой міровой жизни, когда мирный духъ славянства долженъ будетъ сказать *свое* слово: пусть это слово будетъ отзвукомъ правды православія—въ этомъ спасеніе міру. Русская государственность и православная церковь сейчасъ болѣе, чѣмъ когда-либо, должны идти рука объ руку, чтобы на обломкахъ тевтонской оргіи насилія создать благодатное мирное царство подъ сѣнью Креста...

Свящ. Н. Платоновъ.

Зеркало жизни.

VIII.

Двадцатый вѣкъ.

Все ширится и ширится поле войны. Недалекъ уже тотъ часъ, когда борьба народовъ превратится въ *мировую борьбу*: Америка, Китай, Италія и мелкія государства лишь ожидаютъ своей очереди для выступленія на поле брани. Самое же выступленіе для нихъ уже не является нерѣшеннымъ вопросомъ. Такъ жажда всемірнаго мира завершилась всемірною бранью. И самымъ яркимъ воплощеніемъ культуры XX-го вѣка останутся въ наслѣдіе потомкамъ горы окровавленныхъ тѣлъ, моря и океаны крови и слезъ.

Какъ все это могло произойти? Какъ могло стать, чтобы мировое стремленіе къ миру вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, превратилось въ мировую жажду крови и битвъ?

А какъ, спросимъ, Іудино лобзаніе могло проложить путь къ Голгоѣ Божественному Вѣстнику мира и любви? Какое страшное сочетаніе: цѣлованіе и предательство!.. „Цѣлованьемъ ли предаешь Сына Человѣческаго“?! И все же: „да, Равви, цѣлованьемъ“!.. Почему? Да потому, что цѣловали лишь уста, а сердце, омраченное недугомъ сребролюбія, омрачило и святое лобзаніе и сдѣлало его „цѣлованіемъ Іуды“!..

XX-ый вѣкъ гремѣлъ призывами къ мировому миру, сооружалъ огромныя зданія мира, кичился мировой любовью и побратимствомъ... Но все это и для поверхностнаго наблю-

дателя были лишь громкія слова, лишь игра въ миръ и міровую любовь... За всѣми этими рѣчами неприкровенно виднѣлось лицо мірового звѣря, дышащаго своими похотями. И какъ волкъ въ овечьей одеждѣ пробирается въ овчарню, чтобы похитить безнаказанно лучшую овцу, такъ и похотливый звѣрь въ сынахъ XX-го вѣка напѣвалъ мелодіи любви и мира, чтобы вѣрнѣе поразить въ людскихъ сердцахъ миръ и любовь, чтобы успѣшнѣе сотворить міровую брань и съ наслажденіемъ окунуться въ яростныя и быстро текущія волны крови и слезъ.

Да, XX-ый вѣкъ,—великій и преступный **лицедѣй!** Онъ также, какъ нѣкогда Іуда, подъ звонкій поцѣлуй предаль миръ и любовь на новую Голгоѳу.

Да и развѣ можно было ожидать иного? Развѣ вся культура XX-го вѣка не построена на разгарѣ похотей въ человѣкѣ? Бѣшенная погоня за златымъ тельцомъ, за благами земными, мірскою суетною славой,—погоня, ниспровергающая завѣтныя святыни, разбивающая новозавѣтныя скрижали, превращающая „святое святыхъ“ въ человѣкѣ въ орудіе самыхъ низменныхъ страстей: развѣ все это могло не завершиться міровымъ братоубійствомъ?!. Всмотритесь пристальнѣе въ самаго яркаго носителя и выразителя культуры XX вѣка—германскаго императора Вильгельма и его народъ,— и вы поймете, что въ немъ и чрезъ него *подлинный* XX-ый вѣкъ сказалъ свое *подлинное* слово.

Всмотритесь, далѣе, пристальнѣе въ зеркало души насельниковъ XX вѣка, и вы съ ужасомъ увидите, что въ подавляющей массѣ этихъ душъ сидитъ все тотъ же Вильгельмъ,— ну не такой большой, поменьше, съ меньшимъ размахомъ,— а все-же хотъ и маленькій,— но обязательно Вильгельмъ... Не ропщите, не волнуйтесь!.. Здѣсь ропоть и волненіе если и произойдутъ, то оттого, что въ протестующемъ лишь „маленькій“ Вильгельмъ...

Ну, скажите по-совѣсти: чего недостаетъ у многихъ и особенно передовыхъ насельниковъ Россіи, чтобы быть и имъ „маленькими“ Вильгельмами? Бряцанія оружіемъ? Иль жажды власти и почета?

А что передовая Русь въ XX вѣкѣ и дѣлаетъ, какъ не бряцаетъ оружіемъ для внутренней междоусобной брани, какъ не раз-

жигаетъ въ себѣ и въ народныхъ массахъ борьбу за власть и какую цѣною?— Цѣною также крови и слезъ... Сколько у насъ своихъ „Вильгельмовъ“ понародилось на почвѣ политико-партійной борьбы! Право, не такъ страшень былъ Наполеонъ, какъ вотъ эта „игра въ Наполеоны“... Она то породила и кошмарную пародію на Наполеона — въ лицѣ Вильгельма... Она причинила и у насъ бездну горя, создавъ особый типъ политико-партійныхъ авантюристовъ, не брезгающихъ ни счастьемъ, ни кровью, ни слезами другихъ людей.

Но, скажутъ, Вильгельмъ — величайшій богохульникъ и кощунникъ: онъ выдалъ себя за небожителей и едва ли сразу не за всѣхъ: и христіанскихъ, и магометанскихъ и пр.!..

А развѣ у насъ передовая Русь не ратуетъ, подъ ярлыкомъ „свободы совѣсти“, за свободу для такихъ же богохульниковъ и кощунниковъ? Вспомните, какой букетъ борцовъ за „охтенскую богородицу“ въ Петроградѣ выдвинула на судъ русская интеллигенція изъ своей среды: и блестящіе адвокаты, и извѣстные писатели, и т. д. и т. д... Всѣ ползали у ногъ богохульницы, вѣнчая ее лаврами „мученицы за вѣру“!.. А чествованіе величайшаго богохульника—гр. Л. Толстого!..— Ну, развѣ все это не маленькіе „Вильгельмы“ шумятъ и копошатся на Руси?! И вдругъ гнѣвно они закричали: „великій богохульникъ—Вильгельмъ“! Смотришь и дивишься: что это—своя своихъ не познаша?! Или просто „малое“ изъ зависти ропщеть на „великое“!..

Да, время отрезвиться! Время постигнуть тайну великой міровой брани, развертывающейся предъ нашими глазами. Время сдернуть пелену съ этой тайны и глянуть ей прямо въ лицо, какъ бы это ни было больно для насъ самихъ. И когда мы сдернемъ эту пелену, то увидимъ, что весь міръ переполненъ „вильгельмами“ — большими, малыми, едва примѣтными, что самъ Вильгельмъ есть лишь наибольшій изъ этихъ „вильгельмовъ“.

И когда увидимъ это, то да не впадемъ въ позорное себялюбіе и ради собственныхъ, гнѣздящихся въ нашихъ сердцахъ, „вильгельмовъ“, не отрѣшимся отъ борьбы со всѣми вильгельмами до конца. А иначе! Падетъ наибольшій Вильгельмъ, — на смѣну его возстанетъ другой, за сражен-

нымъ другимъ появится третій—и такъ безъ конца... И въ отчаяніи мы падемъ ницъ предъ „вильгельмами“ и обоготворимъ ихъ, какъ многіе и многіе обоготворяютъ апокалипсическаго Вильгельма—дракона.

Пусть же борьба съ Вильгельмомъ будетъ борьбою повсюдной да падеть онъ въ Германіи и сойдетъ съ міровой сцены съ позоромъ вмѣстѣ съ народомъ своимъ,—но да падутъ и въ нашихъ сердцахъ „вильгельмы“ и да облобызаемъ мы лобзаніемъ Христовымъ наши завѣтныя святорусскія скрижали: **Вѣру, Царя и Народъ.**

И. Айвазовъ.

Бібліографія.

М. А. Кальневъ. Обличеніе лжеученія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ (штундо-баптистовъ, адвентистовъ, „евангелистовъ-христіанъ“, молоканъ, духоборовъ и др.).

Одесса 1913. I—V+643 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Названная книга М. А. Кальнева распадается на двѣ части. Первая часть (1—526 стр.) сначала воспроизводитъ положительное ученіе Православной Церкви, въ тѣхъ пунктахъ, въ коихъ оно подвергается отрицанію или лжетолкованію со стороны русскихъ, т. н., раціоналистическихъ сектантовъ, а затѣмъ двумя способами даетъ разборъ сектантскихъ возраженій. Вторая часть (527—633) послѣ введенія, излагающаго исторію сектантской пропаганды, подвергаетъ молитвенныя книги русскихъ сектантовъ (= раціоналистовъ) критическому разбору, и на основаніи этого разбора даетъ характеристику и оцѣнку сектантско-религіознаго міровоззрѣнія. Такимъ образомъ обличеніе лжеученія русскихъ сектантовъ раціоналистовъ авторомъ дается полное. Сектантство разсматривается во всѣхъ источникахъ своего міровоззрѣнія.

Самый критическій разборъ вѣроученія русскихъ раціоналистическихъ сектантовъ въ книгѣ Кальнева предлагается не въ видѣ связанной, вполне законченной бесѣды, хотя самъ авторъ неточно называетъ свои произведенія „бесѣдою“, и не въ видѣ сжатого послѣдовательнаго, по теченію мыслей, религіозно-научнаго трактата, а въ цѣломъ рядѣ катихизической или діалогической формы отдѣловъ, подъ отдѣльными 24 заглавіями: 1) о Свящ. Преданіи, 2) о Свящ. Писаніи, 3) о Св. Церкви Христовой. 4) объ истинномъ священствѣ въ Церкви Христовой, 5) о молитвенномъ почитаніи и призываніи св. Ангеловъ и св. Угодниковъ Божіихъ,

6) о молитвенномъ почитаніи и призываніи Пресв. Богородицы и Приснодѣвы Маріи, 7) о почитаніи св. мощей и другихъ останковъ угодниковъ Божіихъ, 8) о молитвѣ за умершихъ, 9) о спасающей благодати Божіей, 10) о св. Крещеніи, 11) о св. Миропомазаніи, 12) о св. Причащеніи, 13) о св. Покаяніи или исповѣди, 14) о св. Елеосвященіи, 15) о необходимости внѣшняго Богопоклоненія или обрядовъ и символовъ христіанскихъ, 16) о святости и почитаніи храмовъ Божіихъ, 17) объ иконопочитаніи, 18) о св. Крестѣ и крестномъ знаменіи, 19) о св. постахъ Правосл. Церкви, 20) объ отмѣнѣ субботы и почитаніи Воскреснаго дня, 21) о клятвѣ именемъ Божіимъ и присягѣ, 22) о дозволительности войны и противленіи злу, 23) о душѣ человѣческой, ея духовной природѣ и сознательномъ состояніи послѣ смерти человѣка, 24) о второмъ пришествіи Христа, кончинѣ міра, всеобщемъ судѣ и новой вѣчной жизни праведныхъ и грѣшныхъ. Избранная авторомъ форма для своихъ „бесѣдъ“ имѣетъ свои спеціальныя миссіонерско-научныя преимущества. Въ своемъ идеальномъ пониманіи руководства для полемики съ русскимъ сектантствомъ могутъ представлять лишь матеріальный, подготовительный характеръ, сосредоточиваясь въ требуемой мѣрѣ на первоосновахъ или первоисточникахъ затрагиваемыхъ вопросовъ. Форма же настоящей, связанной бесѣды въ данномъ случаѣ неизбѣжно лишаетъ изложеніе научной объективности, отпечатлѣваетъ индивидуальныя черты автора, возводя на степень обязательности или общности часто случайныя и искусственныя комбинаціи матеріала. Трудно въ одинъ пріемъ представить идеальную бесѣду съ сектантомъ по к.-н. вопросу его религ. міросозерцанія. Да и такая бесѣда, удавшаяся кому-ниб. при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ извѣстномъ мѣстѣ и дипломированная въ такомъ видѣ научнымъ авторитетомъ, ведетъ всегда за собою соблазнъ слѣпой подражательности и воспроизведенія у тѣхъ, въ помощь коимъ она предназначена, при всякихъ обстоятельствахъ. Представленное же изложеніе М. А. Кальневымъ, въ практическомъ своемъ примѣненіи, оставляетъ широкое поле самодѣтельности въ комбинаціи и расположеніи матеріала, смотря по надобности, времени, мѣсту и характеру противосектантской полемики. Этимъ требованіемъ самодѣтельности, личной работы насто-

ящій сборникъ совсѣмъ нейдетъ въ рядъ услужливыхъ гомилетическихъ средневѣковыхъ руководствъ и пособій, носящихъ заглавія: „спи, пастырѣ! проповѣдь твоя готова“!

Наконецъ, только такое катихизическое расположеніе матеріала, предполагая въ пользующемся имъ извѣстное, личное творчество, въ смыслѣ усвоенія этого матеріала, переработки его, по требованію частныхъ случаевъ полемики, можетъ способствовать строить полемику съ сектантами непосредственно на источникахъ ихъ вѣроученія, т. е. главнымъ образомъ Библии. Сектанту, всегда имѣющему въ рукахъ Евангеліе или Библию, противостанетъ, при помощи разсматриваемаго руководства, миссіонеръ съ тѣмъ же оружіемъ въ рукахъ — съ Библіей безъ всякихъ раціональныхъ доводовъ.

Избранная авторомъ катихизическая форма первой части его „обличенія“ вертикальною линіею дѣлитъ каждую страницу на двѣ половины: слѣва (отъ читателя) сектантскія возраженія, а справа разборъ этихъ возраженій или слѣва вопросы православнаго, справа отвѣты православнаго. Собранныя сектантскія возраженія представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики религіознаго ученія нашего русскаго сектантства. Сектантство здѣсь представлено въ своихъ т. н. раціоналистическихъ фракціяхъ—духоборчества, молоканства, баптизма и адвентизма, и характеристика его, получаемая изъ этихъ возраженій, грустна. Оно не хочетъ знать Свящ. Преданія, исключительно покоится на авторитетѣ слова Библии, но въ подробностяхъ оно не то же, что мы соединяемъ съ образованными Лютеромъ, Гарнакомъ или Ричлемъ. Мнимое „жидовство“ XV—XVI вв., знаменитыя тетрадки Тверитинова съ его примитивными, своеобразными отрицаніями уставовъ Церкви, поддерживаемыя дальше чисто-народными движеніями съ Запада—вотъ оказывается настоящій источникъ русскаго сектантства. Въ зависимости отъ этого, почти всѣ возраженія нашего русскаго сектантства наивно казуистичны. Только въ послѣднее время начинается сближеніе сектантства съ высшими интеллигентными кругами русскаго общества, но это сближеніе по своимъ результатамъ не коснулось еще народной массы—обмѣнъ идей народа и интеллигенціи только начинается.

Въ представленныхъ сектантскихъ возраженіяхъ въ книгѣ

М. А. Кальнева мы не видимъ т.-н. цитатъ на источники, откуда собрана вся эта масса возраженій и лжетолкованій сектантовъ. Но это отсутствіе и вполне понятно, потому что не ученые какія-ниб. изслѣдованія помогали въ этомъ случаѣ нашему автору, а живыя полемическія бесѣды съ людьми, отвратившимися отъ истины, не въ библіотекахъ приходилось ему искать этотъ матеріаль, а въ упомянутыхъ же холодныхъ хатахъ недружелюбныхъ иногда сектантовъ, или въ душныхъ отъ многочисленнаго народа сектантскихъ собранійхъ, во время своихъ продолжительныхъ поѣздокъ по отдаленнымъ селамъ, деревнямъ и глухимъ хуторамъ Кавказа и Новороссіи. Продолжительная миссіонерская дѣятельность автора, его самоотверженная, исключительная служба противосектантской миссіи дѣлають его самого въ извѣстномъ смыслѣ источникомъ для изученія русскихъ сектантовъ, прилагая къ нему классическое *magister dixit*. Ставя возраженія сектантовъ, которыя они дѣлають истинамъ правосл. вѣры, параллельно, авторъ нашъ разбираетъ эти возраженія, предлагаетъ правильное ихъ пониманіе. Мы можемъ сознаться, разумѣется, что ученаго богослова-экзегета иногда не удовлетворяютъ принимаемыя авторомъ толкованія, Но мы апеллируемъ въ такомъ случаѣ къ спеціальной миссіонерской задачѣ воздѣйствія на сознаніе народной массы, на сложившееся въ сектантской головѣ, путемъ ли внѣшняго сходства текстовъ, или путемъ своеобразнаго софистическаго построенія, представленіе даннаго библейскаго мѣста. Послѣднее, предлагая отвѣтить сейчасъ же, требуетъ иногда нѣкоторой неточности, сохраненія за извѣстнымъ мѣстомъ такого смысла, который поддерживаетъ, положимъ, меньшинство представителей знанія, или который, благодаря особой technikѣ знанія, уступаетъ уже новому выводу библейско-истолковательной науки.

Важная заслуга М. А. Кальнева и въ томъ, что его критическій разборъ лжеученія русскихъ рационалистическихъ сектъ представляетъ, несомнѣнно, шагъ впередъ въ миссіонерской полемикѣ. Авторомъ изучены предыдущіе опыты разбора сектантскихъ возраженій, и въ эту полемическую область внесены усовершенствованія. Онъ знаетъ недочеты полемическихъ руководствъ своихъ предшественниковъ. Много написано до него въ области борьбы съ русскимъ

сектантствомъ, но многое въ нихъ уже устарѣло, является плодомъ недостаточнаго знакомства съ самимъ сектантскимъ міромъ. Даже такіе лучшіе полемическіе труды, какъ Троицкаго, Ольшевскаго, давая богатый матеріалъ къ построенію положительнаго ученія Правосл. Церкви, конспективно, мало знакомятъ съ своеобразными доводами оригинальныхъ протестовъ-сектантовъ. Послѣднимъ *научнымъ* словомъ полемики до сихъ поръ является критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ П. Оболенскаго, построенный на тщательной ревизіи предшествующихъ полемическихъ противосектантскихъ трудовъ, но своимъ построеніемъ, вопреки увѣренію автора (XXII—XXIV стр. къ 3 изд. Казань 1912), этотъ трудъ не далъ все же удовлетворительныхъ приемовъ миссіонерской полемики, съ одной стороны, захватывая въ свою книгу не мало библейскихъ неточностей и передержекъ, даже вредныхъ для миссіонерскаго дѣла, съ другой стороны, оставляя безъ вниманія цѣлую область соціально-политическихъ воззрѣній нашихъ русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ. Настоящій трудъ М. А. Кальнева восполняетъ эти недостатки — даетъ отвѣты не только на религіозныя воззрѣнія сектантовъ, но и на соціально-политическія, не разбрасываясь, зорко преслѣдуя одну цѣль полемики съ сектантами. Вотъ почему, если предыдущіе полемическіе труды часто уклонялись въ сторону внѣбиблейскаго, раціональнаго обоснованія, допуская часто по логическимъ, научнымъ мотивамъ объединеніе или обобщеніе подъ однимъ заглавіемъ многихъ предметовъ сектантскаго вѣроученія и тѣмъ погрѣшили въ специально методическихъ или діалектическихъ отношеніяхъ, М. А. Кальневъ твердо помнитъ характеръ и приемы своего противника. Онъ всегда стоитъ только на библейской почвѣ и Преданіи, онъ старается избѣгать совсѣмъ словъ и фразъ, за которыми бы нельзя было поставить соотвѣтствующій библейскій или святоотеческій цитатъ, При самомъ расположеніи матеріала, напр. по главамъ, въ порядкѣ самыхъ возраженій, онъ руководится не к.-либо случайными цѣлями, а сущностью своего спеціального дѣла. Послѣднее требуетъ говорить иногда о предметахъ христ. вѣроученія не въ обычной представляемой намъ связи — иногда о томъ, что можно бы съ обычной точки зрѣнія соединить въ одинъ трактатъ, въ

одну „бесѣду“, требуется говорить особо и въ иной связи. Этимъ объясняется необычный порядокъ разсужденій въ его книгѣ—только принимая во вниманіе это требованіе противосектантской методики и діалектики, можно безъ скуки и утомленія читать предложенное въ его обширной книгѣ.

Послѣ изложенія полемики съ сектантами, разсматриваемая первая часть книги „Обличеніе лжеученія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ“ имѣеть специальный отдѣлъ — вопросы и отвѣты православнаго (вопросы православнаго и отвѣты миссіонера). По признанію автора, это сдѣлано для облегченія православнымъ и дѣятелямъ миссіи изученія мѣстъ Свящ. Писанія, подтверждающихъ извѣстную истину Православія (IV стр. отъ автора). Но этотъ отдѣлъ имѣеть цѣнность, какъ руководство въ дѣлѣ катихизаціи вѣрующихъ въ современныхъ миссіонерскихъ Братствахъ или Кругкахъ ревнителѣй православія. Самъ авторъ убѣжденный защитникъ народно-органической миссіи, суть которой состоитъ въ „привлеченіи мірянъ къ содѣйствію пастырямъ и миссіонерамъ къ охраненію интересовъ Церкви и широкому развитію церковно-общественной жизни“. Но для того, чтобы міряне оказались дѣятельными помощниками въ борьбѣ съ сектантствомъ, для этого они сами должны имѣть въ возможной мѣрѣ специальную подготовку. Нужны для нихъ практическіе уроки, какъ для яснаго сознанія положительныхъ основъ нашей вѣры, такъ и для изученія русскаго сектантства и приемовъ борьбы съ нимъ. Авторъ имѣеть такую катихизаторскую школу съ сотенною аудиторіею любителей христіанскаго просвѣщенія. Насколько плодотворно его дѣло въ этомъ направленіи, а значить и цѣнны предлагаемые въ его книгѣ „вопросы и объясненія православнаго“, показываетъ то, что гдѣ появляются эти кружки ревнителѣй православія съ указанной дисциплиной обученія, тамъ аудиторіи сектантовъ пустѣють, раскалываются на части. Изъ числа учениковъ автора въ этой современной народно-миссіонерской школѣ, вышли нѣсколько даже епархіальныхъ и уѣздныхъ миссіонеровъ, съ успѣхомъ ратоборствующихъ съ сектантствомъ въ разныхъ концахъ Россіи и Азіи... Изъ сказаннаго, намъ кажется, достаточно видны положительныя стороны первой части разсматриваемаго труда Херсоно-Одесскаго епархіальнаго миссіонера М. А. Кальнева.

Вторая часть, содержанием которой является специальный разбор сектантских молитвенных пѣснопѣній, употребляющихся нынѣ на сектантскихъ богослужебно-молитвенныхъ собраніяхъ, представляетъ самостоятельный трудъ автора, въ объединеніи матеріала незнающій себѣ предшественника. Въ этомъ критическомъ разборѣ давно ощущалась потребность. Высочайше утвержденное Предсоборное Присутствіе въ VI своемъ отдѣлѣ ставило однимъ изъ идеаловъ миссіонерской полемики обратить вниманіе на эти пѣсни, какъ матеріаль обличенія нашихъ сектантовъ. Да и неудивительно: молитвенныя пѣсни сектантовъ немало служатъ дальнѣйшему удаленію ихъ отъ Церкви и укрѣпленію въ ихъ заблужденіи, потому что, подъ вліяніемъ ихъ, постепенно вытѣсняется бывшая любовь и привязанность къ напѣвамъ церковнымъ до полного забвенія ихъ, что, конечно, рождаетъ совершенную холодность къ православному богослуженію, сборники сектантскихъ молитвенныхъ пѣснопѣній начинаютъ служить для нихъ и требникомъ и служебникомъ и обиходомъ, постепенно вырабатывая свой сектантскій богослужебный культъ. Громадное значеніе имѣютъ молитвенныя пѣсни сектантовъ и въ дѣлѣ активной пропаганды ихъ лжеученія, ибо въ цѣломъ рядѣ ихъ громко и до фанатизма настойчиво призываются всѣ „вѣрующіе“ къ открытой и упорной пропагандѣ своего лжеученія. Са́ми сектанты съ благоговѣніемъ относятся къ своимъ молитвеннымъ пѣснопѣніямъ, смотрятъ на нихъ, какъ на пѣсни священныя, какъ на книги, заслуживающія почти такого же религіознаго почитанія, какъ и св. Евангеліе. Можно указать даже на случаи отлученія сектантовъ отъ общины за опроверженіе достоинства к.-н. молитвеннаго сборника. Поэтому критическій разборъ этихъ пѣснопѣній для обличенія сектантовъ, дѣйствительно, неотложная нужда.

Авторъ справедливо полагаетъ, что прежде разбора этихъ пѣснопѣній, онъ долженъ познакомить читателя и дѣятеля миссіи съ исторіею появленія и распространенія ихъ. Цѣнность сообщаемыхъ историческихъ свѣдѣній въ данномъ отдѣлѣ заключается въ томъ, что онѣ въ систематизированномъ видѣ впервые появляются въ русской миссіонерской литературѣ и покоятся на тщательномъ штудированіи, какъ русской печатной литературы по вопросу о происхожденіи

русскаго сектантства (=штундизма), такъ и нѣкоторыхъ официальныхъ печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, относящихся къ затронутому вопросу. Для каждаго пѣсеннаго литературнаго памятника авторомъ отыскивается годъ его перваго упоминанія въ исторіи нашего позднѣйшаго сектантства, т. е. рационалистическаго, въ возможныхъ случаяхъ устанавливается его авторъ, его популярность, сличается онъ съ предыдущимъ и дается краткое указаніе содержанія. Все это удостовѣряетъ въ извѣстной степени научно-историческіе приемы нашего автора. Самый разборъ пѣснопѣній снова повторяетъ знакомую намъ характеристику сектантскаго религіознаго міровоззрѣнія, путающагося въ самопротиворѣчіяхъ, предлагающаго назидаться такими шедеврами искусства или грамоты, какъ напр.

„Если врагъ меня *стращаетъ*

Мой Христосъ покой даетъ (Сб. Гусли, №№ 457, 214).

или „*Близъ Христа я душой оживляю*

Близъ Христа навѣкъ отъ тьмы прозрѣю (№№ 568, 267) и т. п.

Путемъ кропотливаго, внимательнаго изслѣдованія, М. А. Кальневъ убѣждаетъ, что сектанты очень многое изъ того, что отвергаютъ въ православіи, въ молитвенныхъ своихъ пѣсняхъ признаютъ, воспѣваютъ и восхваляютъ, какъ святыню вѣры. Такъ, по молитвеннымъ пѣснопѣніямъ сектантовъ, устанавливается, что они не могутъ совсѣмъ уйти отъ истины и, сами того не сознавая, признаютъ какъ и мы, православные, и ученіе о Преданіи, о Св. Церкви, священствѣ, молитвахъ къ святымъ, почитаніи Божіей Матери, о молитвахъ за умершихъ, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о грѣхѣ, о крещеніи, причащеніи, о христіанскихъ обрядахъ, о почитаніи воскреснаго дня, о клятвѣ или присягѣ. Предпринятымъ анализомъ сектантскихъ пѣснопѣній дается, конечно, новая возможность, кому это нужно, поражать упорныхъ сектантовъ ихъ же оружіемъ—обличать ихъ заблужденія ихъ же молитвенными пѣснопѣніями. Такимъ образомъ и вторая часть разсматриваемаго миссіонерскаго труда М. А. Кальнева не менѣе цѣнна въ дѣлѣ православной противосектантской миссіи, чѣмъ и первая. Она тоже можетъ служить настольною книгою каждаго

дѣятеля русской православной миссіи противъ рационалистическихъ сектъ, помогая вліять на народныя массы новымъ, нетронутымъ до сихъ поръ въ полемикѣ средствомъ.

Но отмѣчая, что обширный трудъ М. А. Кальнева представляетъ изъ себя цѣнный вкладъ въ дѣло надлежащей постановки нашей противосектантской миссіи, мы, по долгу справедливости, не можемъ не указать и нѣкоторыхъ недостатковъ этого труда.

1) Авторъ всюду ясно преслѣдуетъ опредѣленныя миссіонерскія цѣли, руководствуясь дѣйствительными требованіями русскаго сектантства и миссіи, строить свои „бесѣды“, сужденія по выработанному многолѣтнею практикою методу, предлагаетъ *свои* обобщенія и планы. Но, намъ кажется, что научая полнота и объективность изслѣдованія выиграла бы, если-бы авторъ особымъ введеніемъ, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, предъ каждою своею „бесѣдою“ или даже подстрочнымъ замѣчаніемъ къ ней познакомилъ бы съ пріемами и пониманіемъ миссіонерской методики и діалектики по затронутымъ вопросамъ другихъ серьезныхъ работниковъ противосектантской нашей миссіи. Это дало бы интересныя историческія справки по вопросу о миссіонерской приспособляемости. А критическія сужденія автора, по поводу представленнаго, еще болѣе закрѣпили бы за нимъ авторитетъ и, б. м., высокій пріоритетъ. Въ миссіонерской полемикѣ по этому поводу есть очень цѣнные, богословско-научные даже опыты построенія сектантской полемики—такова, напр., статья проф. П. Я. Свѣтлова подъ заглавіемъ „Важность правильнаго пониманія о догматѣ искупленія въ полемикѣ съ сектантами“. Интересно, какъ авторъ-практикъ смотритъ на совѣтъ отца профессора, съ чего начинать бесѣду съ сектантами, какая бесѣда съ ними должна быть первая. Авторъ начинаетъ съ Свящ. Преданія, но есть и энергичный защитникъ бесѣды о Церкви, какъ первой и основной, есть ученый миссіонеръ, который утверждаетъ, что *несомнѣнно* нужно бесѣду съ сектантами вести съ вопроса о вѣрѣ Христовой. Хотѣлось бы слышать, какъ авторъ смотритъ на такіе взгляды и чѣмъ они не практичны. Читатель съ интересомъ познакомился бы со взглядами на постановку извѣстной бесѣды, развитіемъ и ходомъ ея мыслей такихъ дѣятелей современной миссіи, какъ И. Г. Айвазовъ, Д. И. Боголюбовъ, о. прот.

С. М. Потѣхинъ. Но отъ всего этого нашъ авторъ уклонился.

2) Автору принадлежитъ первому, кажется, честь заявить обществу о новыхъ приемахъ сектантской миссиі—объ употребленіи вожаками сектантовъ Плехановымъ, Павловымъ и друг. доказательствъ своихъ положеній изъ святоотеческой письменности. Но въ своемъ трудѣ авторъ сравнительно мало удѣлилъ защитѣ своихъ положеній интереснымъ путемъ святоотеческой письменности. Послѣднее лишило авторскій трудъ глубины и ясности историческаго метода. вмѣсто немногочисленныхъ выдержекъ, которыя приведены авторомъ въ концѣ каждой своей „бесѣды“, желательно бы видѣть связь защищаемаго имъ догмата съ живымъ вѣросознаніемъ Церкви во всей его исторіи—вѣдь, въ этомъ генезисѣ извѣстной догматической истины—ея жизненность и разумность, а для самого миссіонера (= руководствующагося разсматриваемымъ трудомъ) залогъ того, что онъ будетъ не только хозяиномъ дѣла, но и одушевленнымъ апологетомъ своей вѣры.

3) Въ изъясненіи нѣкоторыхъ истинъ Православія противъ сектантовъ авторомъ упущенъ современный характеръ сектантскихъ возраженій противъ тѣхъ же истинъ. Напр., обосновывая (на 244 стр.) крещеніе дѣтей на словахъ Іисуса Христа къ Никодиму: „истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3, 5), М. А. Кальневъ упустилъ изъ виду, что нынѣ сектанты, при ссылкѣ на этотъ текстъ, говорятъ: „родиться здѣсь не значитъ креститься. Мы съ евангельскимъ языкомъ должны считаться. Родиться свыше, отъ воды и Духа означаетъ родиться отъ слова Божія и ученія Христа“ и сейчасъ же приводятъ слова Іисуса Христа Самарянкѣ: „кто будетъ пить воду, которую Я дамъ, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ (Іоан. 4, 14)“ ср. Іак. 1, 17: родиль насъ словомъ истины (Баптистъ 1911 г., № 1, стр. 4). Затѣмъ извѣстно, какъ въ томъ же вопросѣ о крещеніи дѣтей въ послѣднее время сектанты особенно ссылаются на примѣры отцовъ Церкви—почему въ IV в. такіе великіе люди, какъ Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Василій Великій и др., которые уже сектантами записаны въ баптисты, крестились взрослыми. Такимъ образомъ этотъ вопросъ базируется на опущенной

авторомъ исторической почвѣ. Или—въ ученіи объ ангелахъ мышленіе современнаго сектантства настраивается такъ. Разбирая каждый библейскій текстъ, приведенный въ Догматическомъ Богословіи митр. Макарія, они останавливаются на текстѣ Евр. 1, 14: „не всѣ ли они суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе“. Изъ этихъ словъ, говорятъ сектанты, какъ нельзя болѣе ясно видно, что ангелы, какъ „служебные духи“ суть существа подчиненныя и что ихъ служеніе „имѣющимъ наследовать спасеніе“ не свободное, а зависимое... Будь ангелы существами свободными и независимыми, то всякое ихъ дѣло, дѣйствительно, являло бы собою ихъ любовь и вызывало бы изъ каждаго сердца непремѣнное чувство благодарности къ нимъ, а такъ какъ они существа не свободныя, а подчиненныя Богу и строго отъ Него зависящія, то всякая мысль о ихъ къ намъ „нѣжной и попечительной любви и о нашей къ нимъ благодарности „за всѣ ихъ благодѣянія, которыя они оказываютъ (не по евоей волѣ), отпадаетъ (см. Баптистъ 1909, № 8, стр. 9—10). Въ „бесѣдахъ“ автора мы не видимъ предупрежденія и такого возраженія. И еще примѣръ: на стр. 378 приводится преданіе, что ев. Лука былъ живописецъ и написалъ икону Вожіей Матери. Но авторъ забылъ, что сектанты въ 1909 г. на стр. „Баптиста“ оспаривали иконопочитаніе путемъ, опирающимся на наши ученія сочиненія—тогда же появилась и специальная сектантская статья: „былъ ли евангелистъ и апостоль Лука первымъ иконописцемъ“.

4) Уже отсюда видно, что не всѣ „бесѣды“ въ представленномъ трудѣ В. А. Кальнева отличаются такимъ образомъ идеальною полнотою, въ смыслѣ привлеченія и разбора матеріала русскихъ, т. н. рационалистическихъ сектъ послѣднихъ дней,—осталась за бортомъ у автора довольно обширная уже въроучительная литература нашихъ сектантовъ въ ихъ журналахъ и отдѣльныхъ послѣднихъ книжкахъ. Исторія Церкви въ настоящее время тщательно изучается представителями русскаго сектантства по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ трудамъ (см., напр. списокъ книгъ, рекомендованныхъ Редакцію „Баптистъ“ своимъ „въроующимъ“ подписчикамъ для чтенія и самообразованія, см. также позднѣйшія лекціи по религіознымъ вопросамъ, помѣщаемыя въ различныхъ сек-

тантскихъ журналахъ), и многіе выводы ихъ укладываются ими въ рамки своего міровоззрѣнія. Отсюда и миссія наша противъ сектантовъ должна озаботиться основательною церковно-историческою подготовкою. Въ этомъ ея новыя, порою сильныя аргументы современнаго воздѣйствія на противника, т. н. *argumenta ad verescundiam*, слабость и недостатокъ коихъ въ разсматриваемомъ сочиненіи также нельзя не отмѣтить.

Безотносительно ко всему этому, долгъ справедливости повелѣваетъ не упустить незамѣченнымъ еще и неодинаковую обработанность представленныхъ „бесѣдъ“ въ ихъ наличности. Такъ, по нашему мнѣнію, первыя бесѣды о Свящ. Преданіи, Свящ. Писаніи, Церкви нуждаются больше другихъ въ нѣкоторомъ пересмотрѣ своихъ основъ—очевидно, по существу затрагиваемыхъ предметовъ здѣсь трудна мудрая миссіонерская приспособляемость. Текстъ Евр. 13, 1 - 2 („многократно и многообразно“...), приведенный авторомъ въ защиту двухъ источниковъ вѣроученія Новаго Завѣта—Свящ. Писанія и Свящ. Преданія, доказывая Преданіе въ Завѣтахъ, не говоритъ ничего о Свящ. Писаніи въ Новомъ Завѣтѣ. Необходимая для автора разница между „старцами преданій“ у Мѣ. 15, 2 и „старцами“ 2 Іоан. 1, 1, Сир. 8, 11—12 съ достаточною ясностью не приведена—да и требуется ли въ данномъ мѣстѣ такое противоположеніе? Въ вопросѣ о Свящ. Писаніи авторъ увлекается миссіонерскою приспособляемостью и дѣйствуетъ противъ *μηδὲν ἄγαν* когда, напр. выражается: нѣкоторыя посланія апостоловъ пропали“ (стр. 25). Въ противовѣсъ сектантамъ нельзя считать яснымъ авторское объясненіе текста Евр. 10, 9: „Потомъ прибавилъ: вотъ иду исполнить волю Твою, Боже“. Отмѣняетъ первое, чтобы постановить второе“ (на стр. 27). Не рискована ли такая фраза (30 стр.) въ противосектантской полемикѣ: „отмѣнено и священство ветхозавѣтное изъ колѣна только Левіина, а установлено всеобщее священство изъ людей всѣхъ племенъ и народовъ, какъ это предсказалъ пророкъ Исаія (66, 18 — 21). На стр. 39 авторъ перечисляетъ для сектантства правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться при изъясненіи Свящ. Писанія. Здѣсь, по нашему, авторъ долженъ былъ уже оставить терпимую и законную приспособляемость. Если въ какомъ мѣстѣ, то здѣсь, по нашему, необходимо положить начало сближенію миссіи съ богословскою дисциплиною экзегетики. Выясне-

ніемъ этихъ правилъ, нужнымъ, по ходу миссіонерской полемики, и слѣдуетъ воспользоваться дѣятелю нашей противосектантской миссіи, чтобы посѣять въ массу народную истинные принципы экзегетики, показать, какой громадный научный аппаратъ требуется для правильнаго пониманія библейскаго текста. Дальше. Зачѣмъ, хотя и relative, такъ утрировать для народнаго сознанія слова Іисуса Христа: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ я посреди ихъ“ (Мѡ. 18, 19—20). говорить не о Церкви, а о частномъ собраніи (44 стр.). Въ возраженіяхъ сектантовъ противъ православнаго священства авторъ ставитъ текстъ: „ибо мы имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ, но Который, подобно намъ, искушенъ во всемъ, кромѣ грѣха“ (Евр. 4, 14; 7, 26—28). Но оставляетъ это возраженіе почему то безъ отвѣта, останавливаясь совершенно неожиданно на мѣстѣ Іоан. 2, 1, гдѣ идетъ рѣчь объ Іисусѣ Христѣ, какъ Ходатаѣ предъ Отцомъ. Есть досадные недосмотры автора (54, 277, 284 347 срв. 345, 353, 455 и др.), повторенія (см. 24 стр. вверху и 25 внизу, особ. 100—103, 526), пропуски необходимыхъ словъ (см. напр. 55 стр.) и вообще мѣста, нуждающіяся въ корректурѣ.

5) Наконецъ, что касается второй части труда М. А. Кальнева, то здѣсь, избѣгая подробностей, въ качествѣ недостатка, укажемъ на то, что авторъ слишкомъ увлекается массою и новизною матеріала. Онъ старается найти самопротиворѣчія и намеки на православное ученіе и въ такихъ пѣсняхъ сектантовъ, которыя даютъ, на самомъ дѣлѣ, просто только метафору, невинную для цѣлей автора, или заключаетъ неопредѣленные выраженія, возможные истолковать и въ православномъ и въ сектантскомъ смыслѣ. Такова, напр., пѣснь сектантовъ, приведенная авторомъ, какъ благожелательная правосл. ученію о священствѣ:

„Я васъ избралъ, не вы меня избрали,
И я поставилъ васъ, дабы вы шли,
И благодать мою провозглашали

Отъ края и до края всей земли“ (Сб. „Гусли“ 48, 296. Срв. Сб. дух. стих. х. ев.-лютер. испов. 273).

Или—нельзя съ опредѣленностью заключать о молитвѣ за умершихъ на основаніи такой пѣсни сектантовъ:

„Молись, когда слабѣють силы,
Когда возносишься, молись.
Молись у дорогой могилы,
За жизнь рожденную молись“ („Гусли“, 15).

Впрочемъ, къ удовлетворенію автора слѣдуетъ сейчасъ же и сказать, что такихъ пѣсенъ неопредѣленныхъ имъ приведено ужь не такъ много... На этомъ мы и окончимъ указанія недостатковъ труда М. А. Кальнева. Другія наши недоумѣнія—миссіонерскаго и историческаго характера — мы оставляемъ до перваго удобнаго случая.

Само собою понятно, что указанная только что несовершенства разсматриваемаго труда—результатъ авторскаго недосмотра, условій провинціальной работы и не могутъ ослаблять силы миссіонерскаго значенія труда въ его цѣломъ.

Трудъ М. К. Кальнева капитальный и весьма цѣнный въ современномъ противоборствѣ съ раціоналистическими русскими сектантами ¹⁾.

Доцентъ Духовной Академіи.

А. Θ. Платонова. *Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ.* ПБ. 1914 г. Ц. 15 коп.—Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ свѣтъ книжка А. Θ. Платоновой. Художественно она передаетъ событія изъ жизни: св. Романа Сладкопѣвца, св. Ефрема Сирина, св. Олимпиады, св. Иоасафа, преп. Маріи Египетской и др. Тамъ же мы находимъ и рассказы: „Простота сердца“, „Сынъ утѣшенія“, „Блаженны милостивые“ и др. Все указываетъ, что „святые жизнью своей зовутъ насъ къ Богу, какъ-бы поясняютъ намъ, что значать слова Христовы: „Иди за мной“... Книга имѣетъ безспорно большое религіозно-воспитательное значеніе и мы вполне привѣтствуемъ ея изданіе Учил. при Св. Син. Совѣтомъ въ качествѣ образцоваго *христіанскаго* чтенія.

¹⁾ Выписывать этотъ трудъ можно отъ автора—Епарх. Миссіонера М. А. Кальнева—г. Одесса, а также изъ книжнаго магазина въ Петроградѣ Тузова.

А. Ө. Платонова. *Къ радости совершенной.* (Сборникъ разсказовъ и стихотвореній). ПБ. 1914. Ц. 40 коп.—Въ содержаніе этой книги входятъ разсказы и стихотворенія на религіозно-нравственныя темы: „Исполнь небо и земля славы Твоя“, „Первый подвигъ“, „Пускай жрецы язычества шумять“, „Пробужденіе“, „Тебе благодаримъ“, „Свѣтлый праздникъ“, „Закать“, „Счастье“, „Одинокій“, „Огонекъ“, „За дѣтей“, „Возрожденіе“, „Арфа“, „Къ родному“, „Къ русскимъ женщинамъ“, „Одиннадцатый часъ“, „Помилуй мя, Боже!“, „Да исправится молитва моя“, „На одномъ пути“, „Богъ въ помощь“, „Докторъ“, „Родное“, „Великая Суббота“, „Въ пасхальную ночь“, „Господь близко“, „Христось Воскресе!“ „Падающія звѣзды“, „Мироносица“.—Книга читается съ большою душевною усладою. Достоинство ея безспорное, почему она и издана Училищн. при Св. Синодѣ Совѣтомъ. Съ своей стороны мы желаемъ ей самага широкаго распространенія, какъ весьма полезной для заполнения часовъ христіанскаго досуга.

И. М.

Высочайшая благодарность.

Государь Императоръ, Милостиво принявъ труды Петроградскаго Епархіальнаго миссіонера и редактора журнала „Голось Церкви“ И. Г. Айвазова: 1) „Законодательство по церковнымъ дѣламъ въ царствованіе Императора Александра III“, 2) „Церковныя вопросы въ Россіи въ царствованіе Императора Александра III“, и 3) „Религіозная правда Русскаго Самодержавія, въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни“,— въ 16 день Октября с. г., въ Царскомъ Селѣ, **Высочайше** повелѣтъ соизволилъ благодарить автора за означенное подношеніе.
